

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Пезмайл. пр., № 29.

НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

(Объясненіе).

КНИГА ВТОРАЯ. ВЪ МОСКВѢ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Люди древняго письма.

Доктору Розанову очень правилось его новое мѣсто. Онъ уютно устроился въ двухъ комнатахъ казеннаго флигеля и рѣшилъ немедленно же приняться за диссертацию. Отличное пошло житье, и полное, и довольно стройное. Утромъ, только - что Розановъ проснется, а иногда еще прежде, чѣмъ онъ проснется, къ нему является его новый товарищъ, молодой ординаторъ Лобачевскій, необыкновенно трудящійся, симпатичный, свѣтлый человекъ и хорошій медикъ. Всегда они пили утренній чай вмѣстѣ, поспоривая кое-о-чемъ, кое-о-чемъ совѣтуясь, кое-надъ-чѣмъ подтрунивая. Лобачевскій былъ лѣтъ на пять моложе Розанова, но въ немъ обнаруживалось больше зрѣлости и спокойнаго отношенія къ жизни, чѣмъ въ Розановѣ. Лобачевскій только третій годъ окончилъ курсъ, но уже попалъ на торную дорогу. Онъ неуспынно занимался женскими и дѣтскими болѣзнями и успѣлъ составить себѣ репутацію хорошаго спеціалиста. Въ это же время онъ отдѣлывалъ свою докторскую диссертацию и мечталъ о заведеніи собственной, частной лѣчебницы. Лобачевскій былъ не охотникъ до знакомствъ и сидѣлъ почти безвыходно дома, или, въ послѣднее время, у Розанова, съ которымъ они жили дверь обо дверь и съ первой же встрѣчи какъ-то стали очень коротки.

Послѣ утра, проведеннаго вмѣстѣ, врачи отправлялись на раннія визитаціи по своимъ палатамъ. Это брало около трехъ часовъ времени, особенно у Розанова, получившаго себѣ сыннюю палату, гдѣ требовались безпрестанныя ванны, да промыванья и обтиранья. Въ два часа Розановъ съ Лобачевскимъ сѣдали вмѣстѣ обѣдъ, за который каждый изъ нихъ платилъ эконому по семи рублей въ мѣсяцъ. Затѣмъ Лобачевскій начиналъ читать тотъ или другой иностранный клиническій или медицинскій журналъ, а Розановъ слушалъ, лежа на диванѣ. Въ пять часовъ снова нужно было идти на вечернія визитаціи, которыя хотя были короче утреннихъ, но все-таки брали около получаса времени. А ужъ попозже Розанова подмывало или въ Лефортово, или на Чистые-Пруды, и онъ исчезалъ до полуночи, или даже и за полночь; Лобачевскій же читалъ у себя тоже до полуночи, или и за полночь.

Лобачевскій никогда не освѣдомлялся, гдѣ бываетъ Розановъ, и, встрѣчая его выходящимъ изъ квартиры въ пальто и съ палочкой въ рукѣ, только говорилъ, улыбаясь:

— Во походъ пошли гусары.

— Во походъ,—улыбаясь, отвѣчалъ Розановъ и уходилъ.

«А странно,—нѣсколько разъ думалъ докторъ, — всегда на меня неприятно дѣйствуютъ этотъ вопросъ и эта улыбка».

Такъ шло время мѣсяца съ полтора. Розановъ все входилъ въ большій фаворъ и довѣріе и въ Лефортовѣ, и на Чистыхъ-Прудахъ, но кругъ его знакомства не разнообразился.

Въ одинъ погожій осенній день медики послѣ обѣда занялись чтеніемъ, когда въ дверь просунулась русая голова, съ волосами, подстриженными на лбу, и спросила:

— Можно войти?

— Можно, можно, Парменъ Семеновичъ,—отозвался Лобачевскій.

Въ комнату Розанова вступилъ человѣкъ, остриженный по-купечески, въ длиннополомъ коричневомъ сюртукѣ, съ пѣночкой гранатаго бисера по жилету и въ узкихъ шароварахъ, заправленныхъ въ козловые сапоги. Лицо гостя напоминало лица охотниковъ въ княжеской охотѣ кievскаго Ярославова собора.

— Рекомендую вамъ, Розановъ: Парменъ Семеновичъ Капушниковъ, главноуправляющій дѣлами нашего подрядчика, древняго обычая поборникъ,—проговорилъ Лобачевскій.

— Просимъ быть знакомыми, — произнесъ Кануниковъ, протягивая свою руку плашмя къ Розанову

Они познакомились.

— Ты говори о древнемъ-то, — началъ Кануниковъ, усаживаясь противъ Лобачевского и пригладивъ подстриженные надо лбомъ волосы, — а какое теперича скудоуміе, я тебѣ скажу, я слышалъ.

— Ну!

— Слышалъ, сударь ты мой, я такія рѣчи, что ужъ ни стараго, ни новаго, никакого закона не надо.

— Да.

— Скудоуміе, — говорю.

— Гдѣ жъ это ты слышалъ, Парменъ Семеновичъ?

— Да такъ, у нашего частнаго маіора, именинники были, такъ тамъ его сынокъ разсуждалъ. «Никакой, говорить, вѣры не надо. Еще, говорить, лютареву ересь одну кое время можно попотерпѣть, а то, говорить, не надо никакой». Такъ вотъ ты и говори: не то, что нашу, а и вашу-то новую и тое подъ сокрытіе хотятъ, — добавилъ смѣясь Кануниковъ. — Подъ лютареву ересь теперича всѣхъ произведутъ.

— Что ты ихъ, молокососовъ, слушаешь? — шутя произнесъ Лобачевскій.

— О! исправни не слушать ихъ? — лукаво улыбаясь, спросилъ Кануниковъ: — ну, будь по-твоему: будь они не ладны, не стану ихъ слушать. Спасибо, научилъ. Такъ я, братъ, и хлѣба-соли имъ теперь не дамъ, а тебя съ товарищемъ попотчую. Послѣзавтра моя баба именины сиравляетъ; пріѣзжайте вечеромъ пирога поѣсть.

— Если можно будетъ.

— Вечеромъ-то?

— А, вечеромъ; я не разслышалъ. Вечеромъ буду.

— А вы, новый баринъ? — отнесся Кануниковъ къ Розанову.

— Покорно васъ благодарю, и я буду.

— Ну, вотъ. Вы, милостивый государь, съ нами познакомьтесь. Мы хоня и мужики ищемся, но мы людей понимаемъ, какой сортъ къ чему относится. Мы тебя не обидимъ... только насъ не обидь, — опять усмѣхнувшись, докончилъ Кануниковъ.

— Пріѣзжай, — продолжалъ онъ: — у насъ тоже барышни

наши будутъ; позабавитесь, на фортопянь сыграютъ. Имѣемъ эти забавки-то. Хотя и не достоинъ было, да что ты съ ними, съ бабами-то подѣлаешь! Въ мѣрѣ живя, грѣха мѣрскаго огребатися по всякъ часъ не можно.

— Только вотъ, Розановъ, если васъ Пармень Семеновичъ позоветъ лѣчить у себя кого-нибудь, такъ ужъ, предупреждаю васъ, не ѣздите,—сказаль Лобачевскій.

— Экой язвительный баринъ! Ты его не слушай,—отшучивался Канунниковъ.

— Какъ же! Капустой больныхъ кормить, у женщины молока нѣтъ, а онъ кормить ребенка велить, да и лѣчи, говоритъ.

— Ишь, ишь! Каково вретъ рѣчиство, — опять улыбаясь и кивая на Лобачевского, произнесъ Пармень Семеновичъ.

— А что жъ, не правда? Согласился ты взять кормилицу?

— Баринъ! баринъ! что ты это поешь-то? Какія такія въ нашемъ званіи кормилицы полагаются? Это у васъ кормилицы. Въ законѣ сказано: «сосцы матѣрѣ моея, ими же воспита мя». Ну, что жъ ты можешь противъ закона?

— Ну, вотъ, и толкуйте съ нимъ!

— «Толкуй больной съ подлѣкаремъ»,—проговорилъ вставая Канунниковъ:— у меня еще дѣловъ и Боже мой. Прощайте. Прощай, лукавый рабе,—отнесся онъ къ Лобачевскому. — Молокососовъ-то не одобряешь, а самъ такой же, только *потаенный*. *Потаенный*, — шутилъ онъ, трясая руку молодому медику;—волки, всѣ вы волки, отличные господа передъ Господомъ. А ты, новый баринъ, древности тоже сопротивникъ?

— Я ни древней, ни новой не порочу, — отвѣчалъ Розановъ.

— Значить, ты *опытный*, а тѣ-то *неиспытанные*. Прощайте, — произнесъ онъ и до самыхъ воротъ больницы донесъ на лицѣ насмѣшливую улыбку.

У Пармена Семеновича былъ собственный двухъ-этажный домъ у Введенья въ Барашахъ. Когда Розановъ съ Лобачевскимъ подѣхали къ этому дому, изъ него во всѣ окна глядѣлъ теплый, веселый свѣтъ.

Вечеринка уже началась.

Пармень Семеновичъ встрѣчалъ гостей въ передней, жаль имъ руки, привѣтливо кланялся и разводилъ кого въ залъ и гостиную, гдѣ былъ собранъ женскій полъ и нѣсколько

мужчинъ помоложе, а кого прямо на лѣстницу, въ собственные покои Пармена Семеновича съ его холостымъ сыномъ.

Лобачевского и Розанова онъ провелъ въ гостиную и представилъ своей сожительницѣ, толстой особѣ, въ повязочкѣ, съ черными зубами и добродушно глупымъ лицомъ.

— Нюра! Нюрочка! Шаша! — позвалъ Пармень Семеновичъ, подойдя къ двери, и на этотъ зовъ предстали двѣ весьма милостивыя дѣвушки, одна на видъ весьма скромная, а другая съ смѣлыми, лукавыми глазками, напоминающими глаза отца, но обѣ во вкусѣ такъ называемаго «разное-мое».

— Позаймитесь вотъ съ гостями-то, — указалъ имъ Пармень Семеновичъ и опять побѣжалъ въ переднюю.

Дѣвушки смѣло подали руки Лобачевскому и сѣли съ нимъ обѣ.

Розанова здѣсь никто не зналъ, и онъ сидѣлъ молча, наблюдая новое общество.

Въ двери ему было видно, какъ по залѣ, сплетаясь руками, взадъ и впередъ ходили длинною вереницею розовыя, бѣлыя, палевыя и голубыя барышни, то прекоренастыя и приземистыя, то высокія и роскошныя, а около нихъ ходили два кавалера, одинъ въ панталонахъ на выпускъ, другой по законному, въ сапоги.

Дѣвицы чаще заворачивали свои головки къ господину въ панталонахъ на выпускъ и не безъ пріятности съ нимъ разговаривали.

Въ гостиной на диванѣ и вдоль по стѣнамъ на стульяхъ сидѣли дамы, лѣтъ по преимуществу почтенныхъ; нѣкоторыя въ повязочкахъ, другія въ наколкахъ.

Разговора общаго не было.

Розанову, наконецъ, наскучило сидѣть молча, и онъ подошелъ къ хозяйкѣ.

— Славный домикъ у васъ, — началъ онъ, помѣстясь у дивана.

— М-мъ! Да, невеликъ только, — застѣнчиво отвѣчала хозяйка, кашлянувъ и застывая ротъ рукою.

— Будто для васъ здѣсь тѣсно?

— Семейство большое и сродники тоже есть: сестра Пармена Семеновича у насъ живетъ. А вы не здѣшніе?

— Нѣтъ, я недавно пріѣхалъ.

— По какой части?

— Я лѣкарь.

— А, лѣкарь! А я думала такъ, что по нашей части, по торговой.

— Нѣтъ, я лѣкарь.

— У меня вотъ все гулька по спинѣ катается, такъ и катается. Вотъ такая въ орѣшекъ будетъ гуличка.

— Это ничего!

— О? А я все боюсь; говорятъ, какъ бы она на сердце не пала. Такъ-то сказываютъ у одного полковника было: тоже гуличка, да кататься, да кататься, да кататься, кататься, да на сердце пала—тутъ сейчасъ ему и конецъ сдѣлался.

— Нѣтъ, не бойтесь, не упадетъ,—успокаивалъ Розановъ.

— Всѣмъ бы вотъ, всѣмъ благодарю моего Господа, да вотъ эта страсть мучить все. Просто, не повѣрите, покоя себѣ даже во снѣ не могу найти. Все мнѣ кажется, какъ эта гулька къ сердцу будто идетъ. Я вотъ теперь ужъ бользамъ такой достала,—дорогой бользамъ, сейчасъ покажу вамъ.

Хозяйка встала и принесла склянку, завернутую въ печатную бумажку.

Розановъ развернулъ бумажку и читалъ:

«Балсамъ іерусалимскій изъ новыхъ и старыхъ рецептовъ».

«Сей балсамъ пользуется салвомо оному Стомахе помогаетъ ему къ варенію укрѣпляетъ сердце утоляетъ запоръ чрева полезный противу утесненія персей и стараго кашля. Исцѣляетъ внутреннія раны персей и лехна то (то суть вѣлія нитгаины) дигзоетъ и прогоняетъ мѣсячныя тови женски нанѣсонныя раны колпкин стары толикіе новыя на-примѣръ съ удареніями меча иля ножа и инныя сѣченія употребляется съ травомъ завомо лануонитъ исцѣляетъ всякую фистулу и вся смраднія нужда кнети достиго долны чудно полезный есть и за текущею уxo капляючи у тод-ленаи три капли съ гунно виномъ оmodoпною полагается и на раненія зубныя десны и иснѣдаетъ ю утврждаетъ и колсыушіяся и испасти хотяща зубы сохраняетъ отъ уморп т. е. куги и помогаетъ отъ всѣхъ скорбей душевныхъ и вкуипѣ тѣлесныхъ, внутреннее сво употребленіе да Будуть Ю или АЪ до 15 канацума а вина или воды вечеръ и за-утра кто его употребитъ и саміамъ искуствомъ чудное богодѣйствіе разумѣти Будетъ».

— Не все понимаемъ,—сказала хозяйка.—Это изъ Бѣлой шишки, что по поповщинѣ, принесли. Помогать, точно, во всемъ помогаетъ, а не понимаемъ. Тови-то это мы поняли; должно, что поняли; а *стомаха*, ужъ все споръ идетъ. Что такое это *стомаха*?

— Желудокъ,—отвѣчала Розановъ, продолжая разсматривать курьезную рекламу.

— Желудокъ? Агабья Ивановна! а Агабья Ивановна!—назвала хозяйка.

— Слышите: *стомаха*-то, это желудокъ пазывается, а не то, что мы думали. А мы совѣмъ, вѣдь, что другое думали,—пояснила она, обратясь къ Розанову.

— Ну, впрочемъ, отличный бальзамъ. Нюрочка застудилась разъ, такъ сейчасъ ей помогло.

— А есть бальзамъ Кіръ Аншидъ, знаете? Извѣстенъ онъ вамъ?—таинственно спрашивала дама, къ которой хозяйка отнеслась, разъясняя истинное значеніе *стомахи*.—Только настоящаго этого бальзана нѣтъ, а все поддѣльный дѣлаютъ.

— Нѣтъ, вотъ, говорятъ, гаремскія капли на ночь хорошо принимать.

— Вамъ не годятся гаарлемскія капли: вы полны очень.

— То-то я и говорю, что мнѣ, при моей полнотѣ, совѣмъ надобны особенныя лѣкарства, потому я, какъ засну съ вечера, очень крѣпко засну, а какъ къ заутренямъ въ колоколь, сейчасъ у меня вступитъ противъ сердца, тутъ вотъ въ горлѣ меня сдушитъ и за спину хватаетъ.

Розанову становилось скучно, и онъ шатался, подсаживаясь то къ той, то къ другой кучкѣ, но нигдѣ не могъ встрять въ бесѣду.

Въ чайной комнатѣ засѣдали нѣсколько старушекъ въ темненькихъ платицахъ и темненькихъ платочкахъ. Докторъ присѣлъ-было къ нимъ и заговорилъ съ хозяйской сестрой: не пошло дѣло. Только одна старушка, держа ладонь на груди у другой старушки, стѣсняясь, шептала: «по розовому песочку и алыя вѣточки, — очень хороши пошли ситцы». Около самага чайнаго стола еще женская группа. Здѣсь всѣ тоже слушаютъ другую старушенцію, а старушенція рассказываетъ: «Мать хоть и приснитъ дитя, а все-таки душеньку его не приснитъ, и душа его жива будетъ и къ Богу отыдетъ, а свинья, если ребенка съѣстъ, то она его

совсѣмъ съ душою пожираетъ, потому она и на небо не смотритъ, очи горѣ не можетъ возвести,—поясняла разсказчица, поднимая кверху ладони и глядя на потолокъ.

Пармень Семеновичъ захватилъ Розанова наверхъ. Тутъ засѣдалъ одинъ мужской полъ. У доктора опять никого не оказалось знакомыхъ. Хозяинъ ему назвалъ человѣкъ съ десятокъ, но Розановъ какъ-то не сумѣлъ никого запомнить и отличить; все древнее письмо: лобочки съ подстриженнымъ начесомъ, штанцы со скромностью въ голенищи прячутся, сюртучки длинные, законные. Нѣсколько человѣкъ новѣйшаго фасона тоже стереотипны, какъ всѣ рыцари Ножевой линіи. Вниманіе Розанова еще удержалось на Ильѣ Артамоновичѣ Нестеровѣ, хозяинѣ Пармена Семеновича, высокомъ, совершенно бѣломъ, какъ лунь, старикѣ, съ очень умнымъ и честнымъ лицомъ; на кавалерѣ древняго же письма, но имѣющемъ одежду вкратцѣ «еллинскую» и питаны на выпускъ, да на какой-то тупоумнѣйшей головѣ.

Эта голова сидѣла во второй комнатѣ, на самомъ почетномъ мѣстѣ и неустанно молчала. Только нерѣдко она тупо ухмылялась и кланялась подходящимъ къ ней людямъ древняго письма и опять сидѣла, сложивъ на колѣняхъ руки.

А около нея шелъ оживленный и веселый разговоръ.

— Ну, такъ, пускай есть науки, а что по тѣмъ наукамъ значится? — говорилъ пожилой человѣкъ господину, имѣющему одежду вкратцѣ и штаны на выпускъ. — Ты вотъ книжки еретическія читаешь, а изъясни ты намъ, какого звѣря въ Поевомъ ковчегѣ не было?

— Всѣ звѣри тамъ были: чистые по семи паръ, а нечистые по парѣ, — отвѣчалъ щеголь.

— А какого звѣря не было-то? — смѣясь допрашивалъ пачетчикъ.

— Всѣ звѣри были.

— Ань не всѣ. Вотъ ты и умень называешься, а не знаешь... А рыба была въ ковчегѣ?

Всѣ разсмѣялись надъ щеголемъ.

Розановъ перешелъ къ кружку, гдѣ раздавался голосъ Лобачевского. Здѣсь сидѣлъ Илья Артамоновичъ, Пармень Семенычъ и еще нѣсколько человѣкъ.

— Все это, сударь, не наше, не русское; все это эллинскія забавы, да блуду человѣческому потворство, — говорилъ Илья Артамоновичъ.

— Помилуйте, извѣстное дѣло, что воспитательные дома до сихъ поръ единственное средство останоить дѣтоубійство,—возражать Лобачевскій.

— Я противъ этого ничего-съ. Пусть пріютъ для младенцевъ будетъ, только при этихъ-то порядкахъ это все грѣхъ одинъ. Мы во грѣхѣ живемъ, во грѣхѣ и каемся, а тутъ будто все твердо. А что твердаго-то? Теперь дѣвка мальчика родила, несетъ его въ воспитательный домъ, принимаютъ, и ни записи никакой, ничего, а черезъ годъ она еще дѣвочкой раздобылась и опять такимъ же манеромъ несетъ. Тѣ тамъ черезъ сколько лѣтъ подросли да побрались, да и вотъ тебѣ есть мужъ и жена. Блудомъ на землю потопъ низведенъ былъ; блудомъ Данилова обитель разрушилась; блудомъ и весь свѣтъ окаянный зле погибнетъ,—что тутъ еще говорить!

Тутъ надъ Лобачевскимъ смѣялись.

— Или адресные билеты, — зачиналъ другой. — Что это за билеты? Склыка одна да безпокойство. Нѣтъ, это не такъ надо устроить! Это можно устроить въ два слова по цѣлои Россіи, а не то, что здѣсь да въ Питерѣ, только склыка одна. Деньги нужны—зачѣмъ не брать, только съ чего-жъ бы и насъ не спросить.

— Или опять пятипроцентные, — замѣчалъ третій. — Съ чего они упали? Какъ объ этомъ ученые понимаютъ? А мы просто это дѣло понимаемъ. Мѣняло скупаютъ пятипроцентные: куда онъ дѣваетъ? Ему деньги нужны, а онъ билеты скупаютъ. Дѣло-то видно, куда они идутъ: все въ однѣ руки и идутъ и оттуда опять къ цѣпѣ выйдутъ, а казна въ сторонѣ.

Пошли внизъ къ ужину.

Проходя мимо головы въ коричневомъ парикѣ, Розановъ слышалъ, какъ молчаливыя уста разверзлись и вѣщали:

«Вы объ этомъ не стужайтесь. Есть-бо и правда въ пагубу человѣкомъ, а ложь во спасеніе. Апостоль Петръ и солгалъ, отрекаясь Христа, да спасся и ключи отъ царствіи Его держитъ, а Іуда беззаконный и правду рекъ, яко азъ вамъ предаю его, да зле окаянный погибе, яко и струпь его разсѣдся на полы.»

Ужинъ былъ безконечный.

Розановъ сидѣлъ между Лобачевскимъ и щеголемъ въ штанахъ на выпускъ.

Щеголь держался съ достоинствомъ, но весьма привѣтливо угощаль медиковъ.

— Какъ вамъ наши старики показываются? — спросилъ опъ Розанова.

— Ничего, очень нравятся.

— Крѣпкіе старики, — объяснилъ щеголь: — упрямы бываютъ, но крѣпкіе, настоящіе люди, своему отечеству патриоты. Я, разумѣется, человѣкъ центральный; я, можно сказать, въ самомъ центрѣ нахожусь: политику со всѣми веду, потому что у меня всѣ расчеты и отправки, и со всякими людьми я имѣю обращеніе, а только наши старики — крѣпкіе люди: нельзя ихъ ничѣмъ покорить.

— Вы съ Парменомъ Семеновичемъ вмѣстѣ дѣла ведете?

— Да-съ. Мы служащіе у Ильи Артамоновича Нестерова, только Пармень Семеновичъ надъ всѣми дѣлами надзирають, въ родѣ какъ директора, а я часть имѣю; рыбными промыслами завѣдую. Вы пожалуйста ко мнѣ какъ-нибудь, вотъ вмѣстѣ съ господиномъ Лобачевскимъ пожалуйста. Я тамъ же въ нестеровскомъ домѣ живу. Въ контору пожалуйста. Спросите Андреяна Николаева: это я и есть Андреянъ Николаевъ.

Розановъ поблагодарилъ.

Послѣ безконечнаго ужина, мужчины опять пошли наверхъ.

При входѣ Розановъ замѣтилъ, что голова въ парикѣ сидѣла въ низенькомъ клобучкѣ, изъ-подъ котораго вылились \ длинные черные волосы.

— Кто это такой? — спросилъ Розановъ Адриана Николаева.

— Инокъ изъ скитовъ, — шопотомъ отвѣтилъ Адрианъ Николаевъ. — Ни рыбы, ни вина не вкушаетъ и съ мірскими не трапезуетъ: ему сюда подавали на рабскомъ столѣ.

На столѣ, передъ инокомъ, дѣйствительно, стояли двѣ тарелки съ остатками грибного соуса и отваренныхъ плодовъ.

— Кушали, отецъ Разслоней? — внимательно спросилъ инокъ Пармень Семеновичъ.

— Вкушавъ мало и се отыду, — отвѣчалъ инокъ, подобравъ однимъ приемомъ волосы, и, надѣвъ снова парикъ, всталъ и началъ прощаться.

— Даже чаю не употребляетъ, — опять шопотомъ замѣтилъ Розанову Адрианъ Николаевъ.

Два молодца внесли въ комнаты два огромные серебряные подноса, уставленные бутылками различнаго вина и стаканами.

Старики, проводивъ отца Разслоня, возвратились, и началась попойка.

Долго пили безъ толку и безъ толку же шумѣли. Розановъ все сидѣлъ съ Адрианомъ Николаевымъ у окошка, смѣняли бутылочки и вели искреннюю бесѣду, стараясь говорить какъ можно тише.

Впрочемъ, большую осторожность наблюдалъ Розановъ, а Адрианъ Николаевъ часто забывался и покрикивалъ:

— Мы ему за это весьма благодарны, весьма благодарны. Богато, богато пишеть.

— Потише, — остерегать Розановъ.

— Ничего-съ, у насъ насчетъ этого будьте покойны. Мы все свои, — но Адрианъ Николаевъ начинать говорить тише. Однако, это было не надолго; онъ опять восклицалъ: — Богато, одно слово богато; честь мужу сему. Мнѣ эти все пшучки исправно доставляютъ, — добавилъ онъ съ значительной улыбкой. Приятель есть военный офицеръ, шкиперомъ въ морской флотиліи служить: все черезъ него имѣемъ.

Пармень Семеновичъ, проходя нѣсколько разъ мимо Адриана Николаева и Розанова, лукаво на нихъ поглядывалъ и лукаво улыбался въ свою русую бороду.

Въ третьей комнатѣ что-то зарыдало и заплакало разрывающимъ душу тихимъ рыданіемъ. Изъ двухъ первыхъ комнатъ все встали и пошли къ дверямъ, откуда несли мѣрный плачь.

— Что это? — спросилъ Розановъ.

— Э, глупости, это Финюгешка поеть.

— Что онъ поеть?

— Заставили его вѣрно: Стихъ поеть; плачь іосифовскій называется стихъ, — отвѣчалъ Адрианъ Николаевъ. — Плья Артамонычъ его любятъ.

— Пойдемте, пожалуйте, — сказали Розановъ; и они встали.

Третья комната была полна гостей; Плья Артамоновичъ сидѣлъ на диванѣ, возлѣ него сидѣлъ Пармень Семеновичъ, потомъ, стоя и сидя, мѣстились другіе, а изъ уголка несли плачь, собравшій сюда всю компанію.

Въ уголкѣ стоялъ худенькій, маленькій человѣкъ, съ бѣлокурою головою и жиденькой бородкой. Длинный сюртукъ висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ, маленькіе его голубые глазки, сверкающіе фанатическимъ воодушевленіемъ, были постоянно подняты къ небу, а руки сложены крестомъ на груди, изъ которой съ пѣвучимъ рыданіемъ летѣлъ плачь Іосифа, вѣдущаго на верблюдахъ въ неволю и видящаго гробъ своей матери, среди пустыни, покинutoй ихъ родомъ.

Когда Розановъ смѣшался со слушателями, Финогешка пѣлъ:

Кто бы мнѣ далъ источникъ слезъ,
Я плакалъ бы и день, и ночь.
Рыдалъ бы я о грѣхахъ своихъ.
Продиваль бы я слезы отъ очю.
Рѣки, рѣки эдемскія,
Погасите огни геенскіе!

Илья Артамоновичъ выбивалъ слегка тактъ, всѣ внимательно слушали, два старика плакали.

Кто бы мнѣ далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами,

продолжалъ Финогешка:

Возвѣстила бы Израилю,
Отцу моему Іакову:
Отче, отче Іакове!
Пролей слезы ко Господу.
Твои дѣти, мои братія,
Продаше мя во ину землю.
Исчезнуша мои слезы
О моемъ съ тобой разлученіи.

Къ двумъ плачущимъ старикамъ присоединилось еще нѣсколько, а Финогешка взывалъ и выплакивалъ:

Земле! земле, возопившая
За Авеля ко Господу!
Возопій нынѣ къ Іакову,
Отцу моему Израилю.
Видѣхъ я гробъ моей матери
Рахили, началъ плачь многій:
Отверзи гробъ, моя мати,
Прими къ себѣ чадо свое
Любимое, во ину землю
Ведомое погаными.
Прими, мати, лишеннаго,
Отъ отца моего разлученнаго...

И рыдалъ, и рыдалъ приказчикъ Финогешка, тянучи долгій плачь Іосифа, рассказывая по порядку, какъ:

Злая жена Пентеферія
Прельстить его умыслила.
Дерзни на мя, Юсифе,
Иди ко мнѣ, пресни со мной.
Держить крѣпко Юсифа,
Влечеть къ себѣ во ложницю...

и какъ Іаковъ:

Возопи съ плачемъ и рыданіемъ
И съ горькимъ воздыханіемъ:
Сія риза моего сына,
Козья несетъ отъ нея псина.
Почто не съѣлъ меня той звѣрь,
Токмо бы ты былъ, сыне, дѣль.

Розановъ не замѣтилъ, какъ понемножку, одинъ за другимъ, всѣ стали подтягивать пѣвцу и гнущащимъ хоромъ доканчивали плачевный стихъ.

— Смотрите, смотрите, Илья Артамоновичъ-то тоже плачетъ, — шепнулъ Розанову умилившійся духомъ Адрианъ Николаевъ.— Это онъ всегда, про сына вспомнятъ и заплачуть. Сынь у нихъ Матвѣй съ французенкой закороводился и пропалъ.

— Гдѣ же онъ?

— Богъ его знаетъ. Былъ въ Петербургѣ, говорятъ, а теперь совсѣмъ пропалъ. Приѣзжалъ съ нею какъ-то въ Москву, да Илья Артамоновичъ ихъ на глаза не принялъ. Совѣстно, знаете, противъ своихъ, что съ французинкой, — и не принялъ. Крѣпкій народъ и опять дикій, въ разсужденіи любви, — дикій, суровый нравъ у стариковъ.

Внимательно смотрѣлъ Розановъ на этихъ стариковъ, изъ которыхъ въ каждомъ сидѣлъ семейный тиранъ, способный прогнать свое дитя за своеволие сердца, и въ каждомъ рыдалъ Израиль «о своемъ съ сыномъ разлученіи»

«Экая порода задалася! — думалъ Розановъ, разсматривая начинавшихъ расходиться гостей, — пробей ее вотъ чѣмъ хочешь! Кремни, что называется, ни крестомъ, ни пестомъ ихъ не проймешь».

— Идемте? — спросилъ Лобачевскій, подойдя къ Розанову.

— Пойдемте.

Они стали прощаться.

— Ну, спасибо, спасибо, что покучились, — говорилъ Канунниковъ, тряся Розанову обѣ руки. — А еще спасибо, что бабамъ стомаху-то разобралъ, — добавилъ онъ смѣясь: — у насъ изъ-за этой стомахи столько, скажу тебѣ, споровъ

было, что бѣда, а тутъ, наконецъ того, дѣло совсѣмъ другое выходитъ.

— Стомаха желудокъ означаетъ, — вмѣшался Адрианъ Николаевъ.

— Дытъ, чудакъ ты этакой! Теперь, какъ докторъ разъяснилъ, такъ и мы понимаемъ, что желудокъ.

— Это и безъ нихъ можно было понять по писанію. У апостола же Павла въ первомъ посланіи, глава пятая, читаете: «Къ тому не пій воды, но мало вина приеми стомаха ради твоего и чистыхъ недуговъ твоихъ».

— Тсъ! Ахъ ты башка съ кишкамъ! Экой даръ у него къ писанію! — воскликнулъ удивленный и восхищенный Пармень Семеновичъ и обратился къ другимъ отходящимъ гостямъ.

Розановъ, Лобачевскій и Адрианъ Николаевъ вышли вмѣстѣ и переулочка два прошли пѣшкомъ, пока нашли извозчиковъ.

— Нѣтъ, этакую штучку-то пустить бы такъ въ обороть, — разсуждать, прощаясь у угла, Адрианъ Николаевъ: — богато.

— Да какъ же пустить? — спросилъ Розановъ.

— Какъ? Одно слово: взять да и пустить. Теперь, къ примѣру скажемъ, я. Я небольшой человекъ, кто какъ разумѣть, можетъ и совсѣмъ человекъ маленькій, а я центральный человекъ. У насъ теперь по низовью рыбацкія артели: нѣсколько сотъ артель одна, такъ что-жъ мнѣ.

Розановъ посмотрѣлъ ему въ самые глаза.

— Вотъ слово-то, — произнесъ сквозь смѣхъ Адрианъ Николаевъ: — Чего только это стоитъ? — и смѣясь же зашагалъ по переулку, увертываясь воротникомъ лисьей шубы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Два гриба въ одинъ борщъ.

— Евгиса, Розановъ, евгиса! — восклицалъ Араповъ, котораго докторъ засталъ у себя на другой день, возвратясь съ ранней визитаціи.

— Что это такое обрѣтено?

— Человекъ.

— Безъ фонаря нашли?

— Да, Диогенъ дуракъ былъ; ну ихъ совсѣмъ покойниковъ... нехай гниютъ.

«Великій Цезарь пынѣ прахъ п тлѣнъ
И на поправку онъ истрачень стѣнъ».

— Ну ихъ! Человѣкъ найденъ и баста.

— Да, а какой человѣкъ скажу вамъ...

— «Великій Цезарь прахъ и»...

— «Тлѣнъ», — нетерпѣливо подсказалъ Араповъ п, на-
двинувъ таинственно брови, избоченился и сталъ эффектно
выкладывать по пальцамъ, приговаривая:—безъ рода и пле-
мени, — разъ; еврей, угнетенная національность, — это два;
полонъ ненависти и злобы, — это три; смѣль, какъ чортъ, —
четыре; изворотливъ и хитерь, нылаеть мценіемъ, ищетъ
дѣла и *литорафъ-съ!*—Что скажете?—произнесъ, отходя и
становясь въ позу, Араповъ.

— Гдѣ вы такого звѣря нашли?

— Ужъ это, батюшка, секретъ.

Розановъ промолчалъ.

— Теперь сборамъ конецъ, начнемъ дѣйствовать, — про-
должалъ Араповъ.

Розановъ опять промолчалъ и сталъ доставать изъ шкапа
холодный завтракъ.

— Что-жь вы молчите?—спросилъ Араповъ.

— Не нравится мнѣ это.

— Почему же-съ?

— Такъ: что это за жидокъ, откуда онъ, что у него въ
носу?—чортъ его знаетъ. Я и дѣль-то не вижу, да если бъ
они и были, то это дѣла не жидовскія.

— Какъ средство! какъ орудіе! Какъ орудіе все хо-
рошо. Мы будемъ играть на его національныхъ стре-
мленіяхъ.

— Помилуйте, какія у жидка стремленія!

— Что это вы говорите, Розановъ! А Гейне не жидъ?
А Берне не жидъ?

— Да и Маккавен, и Гедсонъ были жиды, — были жиды
еще и почище ихъ.

— Такъ что-жь вы говорите!

— Я то говорю, что оставьте вы вашего жидка. Жидъ,
ктурый пршивыкъ тарговаць цибулько, гужалькемъ, ход-
зитъ въ лясардаку, пониратьця палькемъ, — такъ жидомъ
всегда и будетъ.

— Пошелъ рефлекторствовать?

— Ну, какъ хотите.

— Хотите сегодня вечеромъ къ маркизѣ?—спросилъ Араповъ, перемежая разговоръ.

— Нѣтъ, я сегодня буду спать: я всю ночь не спалъ,— отвѣчалъ Розановъ.

— Гдѣ-жь это вы были?

Розановъ рассказалъ свое вчерашнее пированье у Капунникова, привелъ нѣсколько разговоровъ, описалъ личности и особенно распространился насчетъ Адриана Николаевича и его рѣчей.

Араповъ такъ и впился въ Розанова.

— Какъ хотите, познакомьте. Вы должны познакомить меня съ нимъ. Не ради любопытства васъ прошу, а это нужно. У насъ ни одного раскольника еще нѣтъ, а они сла. Давайте мнѣ этого.

— Да вы увлекаетесь, Араповъ. Я вѣдь вамъ говорю, съ какой точки онъ на все смотритъ.

— Это все равно-съ,—возражалъ Араповъ:—надо всѣмъ пользоваться. Можно что-нибудь такое и въ ихъ духѣ. Ну, благочестіе, ну и благочестіе, а тамъ чортъ съ ними. Лишь бы на первый разъ деньги и содѣйствіе.

«Зарницынъ номеръ второй», — подумалъ Розановъ, замкнувъ за Араповымъ дверь и ложась соснуть до обѣда.

Дня черезъ три Розановъ, передъ вечеркомъ, мимоѣздомъ, забѣжалъ къ Арапову и засталъ у него молодого толстоного еврейчика, въ довольно оборванномъ сюртучикѣ.

— Нафтула Соловейчикъ, — отрекомендовалъ Розанову своего новаго гостя Араповъ.

Еврей неловко съѣжился.

— Вы изъ какихъ странъ?—спросилъ докторъ Соловейчика.

— Я изъ Курляндъ.

Розановъ заговорилъ съ Араповымъ о какихъ-то пустякахъ и, неожиданно обратясь къ Соловейчику, спросилъ его по-польски:

— Вы давно въ Москвѣ?

— *Juz kilka mies...*—началъ-было Нафтула Соловейчикъ, по спохватился и добавилъ:—я совсѣмъ мало понимаю по-польски.

Розановъ еще поддержалъ общій разговоръ и у Соловейчика еще два раза вырвалось польское *co?* Русская же рѣчь его была преисполнена поленизмовъ.

— Оиъ изъ Бердичева или вообще изъ-за днѣпровской Украйны, — сказалъ Розановъ, прощаясь на крыльцѣ съ Араповымъ.

— Это вы почему думаете?

— По разговору.

— Развѣ онъ въ Митавѣ не могъ научиться по-польски?

— Нѣтъ, это польскій жидъ.

— Э, полноте; ну, а наконецъ польскій и пусть будетъ польскій: что намъ до этого за дѣло? А вы вотъ меня съ тѣмъ-то, съ раскольниковъ-то, сведите.

— Да постоитъ, я самъ еще его не знаю: всего разъ одинъ видѣлъ. Вотъ, дайте срокъ, побываю, тогда и улажу какъ-нибудь.

— Позовите его къ себѣ.

Докторъ обѣщалъ на-дняхъ съѣздить къ Адриану Николаеву и какъ-нибудь попросить его къ себѣ.

— Нѣтъ-съ, не на-дняхъ, а ступайте завтра, — настаивалъ Араповъ.

— Ну, ладно, ладно, поѣду завтра, — отвѣтилъ Розановъ.

Трясаясь отъ Лефортова до своей больницы, Розановъ все ломалъ голову, что бы эта за птица такая этотъ либеральный Соловейчикъ.

А человекъ, котораго Араповъ называетъ Нафтулою Соловейчикомъ, и самъ бы не отвѣтилъ, что онъ такое за птица. Родился онъ въ Бердичевѣ; до двухъ лѣтъ пилъ козье молоко и ѣлъ селедочную утробку, которая валялась по грязному полу; трехъ лѣтъ стоялъ, выпяливъ пузо, на порогѣ отцовской закуты; съ четырехъ до восьми, въ ермолкѣ и широкомъ отцовскомъ ляпсардакѣ, обучался бердичевскимъ специальностямъ: воровству-кражѣ и воровству-мошеничеству, а девяти сданъ въ рекруты, подъ видомъ двѣнадцатилѣтняго, на основаніи присяжнаго свидѣтельства двѣнадцати добросовѣстныхъ евреевъ, утверждавшихъ за полкарбованца, что мальчику уже сполна минуло двѣнадцать лѣтъ, и онъ можетъ поступить въ рекруты за свое чадолюбивое общество.

Тутъ жизнь отдѣленнаго члена бердичевской общины пошла скачками да прыжками. Во-первыхъ, онъ излѣчился въ военномъ госпиталѣ отъ паршей и золотухи, потомъ совершилъ длинное путешествіе на сѣверо-востокъ, потомъ окрестился въ православіе, выучился читать, писать и сну-

скать бабамъ за четвертаки натертая ртутью копейки. Потомъ онъ сдѣлалъ себѣ паспортикъ, бѣжалъ съ нимъ, окрестился второй разъ, получилъ сто рублей отъ крестной матери и тридцать изъ казначейства, поступилъ въ откупную контору, присмотрѣлся, между дѣломъ, какъ литографируютъ ярлыки къ штофамъ, отлитографировалъ себѣ новый паспортъ и, обокравъ кассу, очутился въ Одессѣ. Здѣсь восточная чувственность, располагавшая теперь не копейками, натертыми ртутью, а почтенною тысячною суммою, свела его съ черноокой гречанкой, съ которою они, страшась ревнивыхъ угрозъ прежняго ея любовника, за неимѣніемъ заграничнаго паспорта, умчались въ Гапсалъ. Счастливое лѣто шло въ Гапсалъ быстро; въ вокзалѣ показался статный итальянскій графъ, засматривающійся на жгучую красоту гречанки; толстоносый Іоська становился ей все противнѣе и противнѣе, и въ одно прекрасное утро гречанка исчезла, вмѣстѣ съ значительнымъ еще остаткомъ украденной въ откупѣ касы, а съ этого же дня никто болѣе не встрѣчалъ въ Гапсалѣ и итальянскаго графа— поѣхали въ тотъ край, гдѣ апельсины зрѣютъ и яворы шумятъ.

Человѣкъ, котораго нынче называютъ Нафтулою Соловейчикомъ, закручинился.

Младая, по вѣроломная гречанка въ шкатулкѣ захватила и его перстни, и паспортъ, и ничего не заплатила даже за квартиру.

Безъ паспорта и безъ гроша денегъ въ карманѣ, іерусалимскій дворянинъ явился въ древней русской столицѣ и потерялся въ ней, среди изобилія всего съѣстнаго, среди дребезги, трескотни, шума каретъ и сиплаго голоса голоднаго разврата.

Первая мысль была еще разъ окреститься и взять вспомоствованіе, но негдѣ было достать еврейскаго паспорта, не изъ чего было сдѣлать печати, даже русскаго паспорта пріобрѣсть не на что.

Да и что въ немъ проку. Жить? Такъ прожить-то въ Москвѣ, съ умомъ живучи, и безъ паспорта можно хоть до второго пришествія.

А все-таки худо было бѣдному страннику, и Богъ вѣсть, чтѣ бы онъ предпринялъ, если бы случай не столкнулъ его съ Араповымъ.

Чуткое ухо сврея давно слышало о какихъ-то особенныхъ людяхъ; тонкое сврейское пониманіе тотчасъ связало эти слухи съ одесской торговлей запрещенными газетами, и Нафтула Соловейчикъ, раскусивъ сразу Арапова, выдаивать у него четвертаки и вторилъ его словесамъ, выдавая себя за озлобленнаго представителя непризнанной націи.

— Чортъ ихъ знаетъ, знакомить ли ихъ съ Адрианомъ Николаевымъ? — размышлялъ Розановъ, вертясь изъ перулка въ перулокъ.

— Все это какъ-то... нелѣпо очень... А впрочемъ, — приходило ему опять въ голову: — что жъ такое? Тотъ такой человѣкъ, что его не оплетешь, а какъ знать, чего не знаешь. По началу конецъ точно виденъ, ну да и иначе бывасть.

— Нѣтъ, поѣду завтра къ Адриану Николаеву, — рѣшилъ Розановъ, разсчитываясь съ извозчикомъ.

А случилось такъ, что рѣшеніе это и не исполнилось.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Бахарева въ Москвѣ.

Розановъ хотѣлъ побывать у Адриана Николаева въ конторѣ, между своими утренними визитаціями и обѣдомъ. — Обойдя отдѣленіе и вымывъ руки, онъ зашелъ домой, чтобы переѣмнить платье и ѣхать къ Введенію, что въ Барашахъ, но, отворивъ свою дверь, изумился. На крайнемъ стульцѣ его пріемной комнаты сидѣлъ бахаревскій казачокъ Гриша.

— Гриша! — воскликнулъ Розановъ, протягивая руки къ румяному мальчику съ размазленной головой и ватными патронами на синемъ казакѣ.

— Я-съ, Дмитрій Петровичъ, — отвѣчалъ мальчикъ.

Они обнялись и три раза поцѣловались, а потомъ Гриша поймалъ Розанова руку и поцѣловалъ ее.

— Съ господами?

— Точно такъ-съ, Дмитрій Петровичъ.

— Гдѣ же вы стоите?

— У барынинаго братца пока пристамши.

— У Богатырева?

— Да-съ, только должно къвартеру будемъ искать.

— Когда же вы пріѣхали?

— Шестой день ужъ, Дмитрій Петровичъ.

— Что жъ ты, сверчокъ этакой, до сихъ поръ не при-
бѣжалъ?

— Некогда, Дмитрій Петровичъ. Непорядки все. Я вѣдь да няня, поваръ Сергѣй, да швея Ненила, только всего и людей. Нынче вотъ барышня Лизавета Егоровна пожаловали на извозчика и приказали разыскать васъ и просить. Я ужъ съ полчаса мѣста дожидуюсь.

— Ну, нѣ тебѣ еще на извозчика и валяй домой, а я тоже сейчасъ буду.

Меѣе чѣмъ черезъ часъ докторъ остановился у подъѣзда довольно большого дома, въ приходѣ Николы Явленнаго.

На мѣдной дощечкѣ, довольно неряшливо прибитой гвоздиками къ двери, значилось: «Сенаторъ Алексѣй Сергѣевичъ Богатыревъ».

Розановъ позвонилъ, и ему отперъ дверь лакей въ довольно грязномъ коричневомъ сюртукѣ, но въ жилетѣ съ гербовыми пуговицами и въ гороховыхъ штиблетахъ.

Входъ, передняя и залъ также подходили къ лакею. Въ передней помѣщалась массивная, ясная вѣшалка и мизерное зеркальце съ фольговой лирой вверху черной рамки; въ углу стояла ширма, сверхъ которой виднѣлись вбитые въ стѣнку гвозди и развѣшанная на нихъ простыня. Залъ ничѣмъ не изобличалъ сенаторскаго жилья. Въ немъ стояли только два большія зеркала съ хорошими подзеркальниками. Остальное все было грязновато и ветхо, далѣе была видна гостинная поопрятнѣе, а еще далѣе — довольно роскошный женскій будуаръ.

Изъ темной передней шли двери направо и налево, но разсмотрѣть ихъ, за темнотою, было невозможно.

— Батюшки! батюшки! Русью духъ пахнетъ, и самъ Гуфеландъ нашъ здѣсь! — закричалъ знакомый голосъ, прежде чѣмъ Розановъ успѣлъ снять калоши, и вслѣдъ затѣмъ старикъ Бахаревъ обнялъ Розанова и сталъ тыкать его въ лицо своими прокопченными усищами. — Ай да, Дмитрій Петровичъ! Вотъ уважилъ, голубчикъ, такъ уважилъ: пойдемте же къ намъ наверхъ. Мы, тутъ, на антресоляхъ.

По коридорчику да по узенькой лѣстничкѣ Розановъ съ Бахаревымъ вошли на антресоли, состоящія изъ трехъ довольно просторныхъ, но весьма низенькихъ комнатокъ.

— Сюда, сюда, — звалъ Бахаревъ, указывая на малень-

кую дверцу.—Ну, что вы? какъ?—разспрашивалъ Бахаревъ Рсзанова.

— Ну, а вы какъ? — спрашивалъ въ свою очередь Розановъ Бахарева.

Извѣстны ужъ эти разговоры. Кто спрашиваетъ — спрашиваетъ безъ толку, и кто отвѣчаетъ—тоже не гонится за толковостью. Не скоро или, по крайней мѣрѣ, ужъ никакъ не сразу, на дорогу выйдутъ.

— И таки-ничего вамъ здѣсь?

— Ничего, Егоръ Николаевичъ.

— Хорошо?

— Пока я всёмъ очень доволенъ.

— Ну, и хвалите Бога, благодарите Его.

— А какъ же это вы-то?

— Да вотъ, видите, приѣхали.

— И надолго?

— Да, какъ Богъ грѣхамъ потерпитъ. Зимку бы надо прожить. Вѣдь ужъ засидѣлись, батюшка.

— А выборы?

— Да Богъ съ ними. Я ужъ старъ, — пора и костямъ на мѣсто.

— Ну, а ваши жъ гдѣ?—спросилъ, осматриваясь, Розановъ.

— Да Лиза съ матерью пошли квартирку тутъ одну посмотреть, а Соня сейчасъ только поѣхала. Я думалъ, вы ее встрѣтили.

— Я встрѣтилъ какую-то незнакомую даму на лѣстницѣ.

— А, это брата Ольги Сергѣевича Алексѣя Сергѣевича Богатырева жена, Варвара Ивановна. Модница, батюшка, и шеголиха: въ большомъ свѣтѣ стоитъ.

Дамы не возвращались, но минутъ черезъ пять послѣ этого разговора въ комнатку Бахарева просунулась маленькая, подъ гребенку остриженная, сѣденькая головка, съ кротчайшими голубыми глазками. Головка эта сидѣла на крошечномъ, худенькомъ туловищѣ, получавшемъ нѣкоторую представительность единственно лишь отъ высокаго атласнаго галстука, довольно граціозно возносившаго головку надъ узенькими плечиками. Общее выраженіе лица этого старичка было самое добродушное, привѣтливое и весьма симпатичное. Несмотря на далеко запавшій ротъ и на ямки въ щекахъ, закрывающихъ беззубыя челюсти, лицо это исключало всякую необходимость осведомиться: не братъ

ли это Ольги Сергѣевны? Всякій, съ перваго взгляда, видѣлъ, что это ея братъ.

Бахаревъ познакомилъ Розанова съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, который тотчасъ же внимательно пожалъ Розанову руку, спросилъ, гдѣ онъ служитъ, какovo ему живется, какіе у нихъ въ больницѣ порядки и проч.

— Алексѣй Сергѣевичъ у насъ, вѣдь, самъ полуврачъ,— замѣтилъ Бахаревъ:—онъ никогда не лѣчится у докторовъ.

— И прекрасно дѣлаете,—сказалъ Розановъ.

— Да-съ, я все самъ.

— Гомеопатіей,—подсказалъ Бахаревъ.

— Вы вѣрите въ гомеопатію?

— Да какъ же не вѣрить-то-съ? Шестой десятокъ съ нею живу, какъ не вѣрить? Жена не вѣритъ, а самъ я, люди, прислуга, крестьяне, когда я бываю въ деревнѣ: всѣ изъ моей аптечки пользуютя. Вотъ вы не знаете ли, гдѣ хорошей осы на лѣто достать? Не понимаю, что это значитъ! Въ прошломъ году пятьдесятъ стеклышекъ взялъ, какъ ѣхалъ. Вы сами посудите, пятьдесятъ стеклышекъ,—вѣдь это не бездѣлица, а царапать, царапать все лѣто — ни у одного ребенка не принялась.

— Алексѣй Сергѣевичъ! — позвалъ снизу повелительный женскій голосъ.

— Сейчасъ, Варпныка, — отвѣчалъ, вскочивъ, старичокъ, пожалъ Розанову руку и торопливо побѣжалъ къ двери.

— Смерть боится жены,—прошепталъ Бахаревъ:—а самъ отличныхъ правилъ и горячій родной.

Вся эта рекомендація была какъ нельзя болѣе справедлива. Несмотря на свою поразительную кротость, сенаторъ Богатыревъ не умѣлъ шутя смотрѣть на свои гражданскія обязанности. По натурѣ онъ былъ болѣе поэтъ, рыбоволовъ, садоводъ и охотникъ; вообще мирный помѣщикъ, равнодушный ко всѣмъ приманкамъ почести и тщеславія, но служилъ весь свой вѣкъ, былъ прокуроромъ въ столицѣ, потомъ губернаторомъ въ провинціи, потомъ сенаторомъ въ несравненной Москвѣ, и на всякомъ мѣстѣ онъ стремился быть человекомъ и былъ имъ, насколько позволяли обстоятельства. Повсюду онъ неуклонно слѣдовалъ идеѣ справедливости, не увлекаясь, однако, неумытною строгостію, не считая грѣхомъ снисхождение человѣческимъ слабостямъ и не ставя кару главную задачею правосудія. Добрые, го-

лубые глаза Алексѣя Сергѣевича смотрѣли прямо и безтрепетно, когда онъ отстаивалъ чужое право и писалъ подъ протоколомъ «остаюсь при особомъ мнѣніи». Только собственного своего права дома онъ никогда отстоять не умѣлъ. Варвара Ивановна до такой степени поработила и обезправила Богатырева, что онъ ужъ отрекся даже и отъ всякой мечты о какой бы то ни было домашней самостоятельности. Все служебное время года онъ читалъ дѣла, обрабатывалъ свои «мнѣнія», да исподтишка любовался сыномъ Сержемъ, только что перешедшимъ во второй курсъ университета, а лѣтомъ подбивалъ дорожки въ саду своей подмосковной, лѣчилъ гомеопатією бабъ и мужиковъ, да прививалъ ослу ребятамъ, опять издали любуясь сыномъ, поставленнымъ матерью въ положеніе, совершенно независимое отъ семейства. Въ поэтической душѣ старичка, правда, было и нѣчто маниловское, но это маниловское выходило какъ-то такъ мило, что чувствующему человѣку надъ этимъ никакъ нельзя было засмѣяться ядовито и злобно. Сенаторъ очень любилъ родню. Если бы воля ему была отъ Варвары Ивановны, онъ бы собралъ около себя всѣхъ племянниковъ, племянницъ, всѣхъ внучатныхъ и четвероюродныхъ, искалъ бы ихъ, какъ Фамусовъ, «на днѣ морскомъ» и всѣмъ бы имъ порадылъ. Варвара Ивановна терпѣть не могла этого радѣтельства, и Алексѣй Сергѣевичъ смирялся. Онъ давно не видался съ сестрою Ольгою Сергѣевною и выписалъ Бахаревыхъ погостить къ себѣ. Только Лпза, да даже и сама Ольга Сергѣевна съ перваго же дня своего пребыванія увидѣли, что имъ жить въ домѣ Алексѣя Сергѣевича неудобно, и рѣшились поселиться отдѣльно отъ него, гдѣ-нибудь по сосѣдству.

— Егоръ Николаевичъ, мы еще съ Лизой квартируку нашли, — произнесла, входя въ шляпкѣ, Ольга Сергѣевна и, увидѣвъ Розанова, тотчасъ добавила: — ахъ, Дмитрій Петровичъ! Вотъ сюрпризъ-то! Ну, какъ вы? что съ вами?

— Ничего; покорно васъ благодарю, Ольга Сергѣевна, — живу, — отвѣчала, вставая, Розановъ. — Какъ васъ Богъ милуетъ?

— Слава Богу. Ну, а семейство ваше? Гловацкіе вамъ кланяются, Вязмитиновъ, Зарницынъ. Онъ женился.

— На Кожуховой?

— Да. А вы почему знаете? Писали вамъ? Да, да-съ,

женился, передъ самымъ нашимъ отъездомъ свадьба была. Гловацкіе ѣздили, и насъ звали, да мы не были... Егоръ Николаевичъ, впрочемъ, былъ.

— Докторъ, здравствуйте!—весело произнесла Лиза, нѣсколько раскраснѣвшись, не то отъ усталости, не то отъ чего другого.

Розановъ крѣпко пожалъ ея руку.

— Ну?—спросила она, глядя ему въ глаза.

— Живу, Лизавета Егоровна.

— Очень рада, очень рада! — отвѣтила она и еще разъ пожала ему руку.

Вошла и Софія, сказала нѣсколько казенныхъ радостей по поводу свиданія.

Потомъ вошла Варвара Ивановна, — крупная, довольно еще свѣжая и красивая барыня, съ высокимъ греческимъ профилемъ и низкимъ замоскворѣцкимъ бюстомъ.

Ей представили Розанова, какъ стараго друга; она сказала: «очень пріятно» и обратилась къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Взошелъ молодой, довольно рыхлый студентъ, съ гривкой; Бахаревъ назвалъ его Розанову Сергѣемъ Алексѣвичемъ Богатыревымъ.

Молодой человѣкъ поклонился Розанову и, тряхнувъ гривкой, отошелъ грѣть у печки себѣ спину.

Старпчокъ Богатыревъ пришелъ извѣстить, что обѣдъ поданъ, и пригласилъ Розанова остаться отобѣдать.

«Отчего же и не остаться?» подумалъ Розановъ и пошелъ со всѣми въ столовую. Ему очень хотѣлось поговорить наединѣ съ Лизой, но это ему не удалось.

За обѣдомъ все шли толки о квартирѣ, или держался другой общій разговоръ о предметахъ, весьма неинтересныхъ.

Розановъ сидѣлъ между Бахаревымъ и Сержемъ Богатыревымъ.

— Ты давно, Сержъ, вернулся съ лекцій? — спросила между разговоромъ Варвара Ивановна.

— Я не былъ сегодня на лекціяхъ, — отвѣчалъ юноша, съ прежнимъ строгимъ достоинствомъ.

— Развѣ нынче не было лекцій?

— Нѣтъ были, да мнѣ было некогда.

— Чѣмъ же ты былъ занятъ?—допрашивала ласковымъ голосомъ мать.

Старикъ только молча смотрѣлъ на сына.

— Я былъ у маркиза.

— Что онъ боленъ?

— Нѣтъ-съ. Дѣло было.

— Охъ, Сержъ, что тебѣ до этихъ сходовъ? Положимъ, маркизъ очень милый молодой человѣкъ, но что это за сборища у васъ заводятся?

— Нельзя же, папан, не собраться, когда дѣло касается бѣдныхъ товарищей.

— Полно, пожалуйста: ты меня этимъ тревожишь. Я не знаю, право, какъ на это смотритъ маркиза, зачѣмъ она все это позволяетъ сыну. На нее самоё, я думаю, во сто глазъ смотреть, а она еще позволяетъ сыну.

Молодой Богатыревъ презрительно улыбнулся и сказалъ:

— Маркиза не такая женщина, чтобы стала растлѣвать натуру сына и учить его эгоизму.

— Все это вздоры вы выдумываете. О бѣдныхъ студентахъ заботятся правительство и общество, даютъ въ ихъ пользу вечера, концерты, а это все ваши пустыя выдумки.

Студентъ улыбнулся еще презрительнѣе и проговорилъ:

— Конечно, что же можетъ быть пустѣе, какъ выдумка жить круговую порукою и стоять другъ за друга.

— Другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ, — произнесъ Алексѣй Сергѣевичъ и, не замѣтивъ брошеннаго на него женою холоднаго взгляда, продолжалъ спокойно кушать.

Послѣ обѣда Бахаревъ отправился, по деревенской привычкѣ, всхрапнуть; старикъ Богатыревъ, извинившись, также ушелъ подремать; Ольга Сергѣевна съ Варварой Ивановной ушли въ ся будуаръ, а Софи сѣла за фортепіано. Она играла, что у насъ называется, «съ чувствомъ», т. е. значить играла не про господъ, а про свой расходъ, играла какъ играютъ дѣвицы, которымъ не дано ни музыкальной руки, ни музыкальнаго уха, и игра которыхъ отличается *чувствомъ* оскорбительной дерзости перевернуть великія творенія, не видя ни въ пасторальной симфоніи Бетховена, ни въ великой ораторіи Гайдна ничего, кромѣ значковъ, написанныхъ на чистой бумагѣ.

Лиза зажгла папироску и сѣла у окна; Розановъ тотчасъ же помѣстился возлѣ нея, а Сержъ Богатыревъ, молча, ходилъ по залѣ.

— Ну, и какъ же, Дмитрій Петровичъ? — начала Лиза: — прежде всего спокойны ли вы?

— Да, мнѣ хорошо, Лизавета Егоровна.

— Тамъ тоже все хорошо: вамъ тревожиться нечего. Теперь скажите, какъ называется ваше мѣсто и какіе у васъ виды на будущее?

— Я служу ординаторомъ, а виды какіе же? Надо служить.

— Да, надо служить. А диссертація?.. Пишете?

— Началь,—отвѣчалъ сквозь зубы докторъ.

— Вотъ и прекрасно.

— Кузина!—произнесъ, остановясь передъ ними, Сержъ Богатыревъ.—А вѣдь дѣло рѣшили.

— Рѣшили?

— Да.

— Ну, и что же?

— Будетъ все.

— Будетъ! Это очень похвально. Вы знаете, Дмитрій Петровичъ, что затѣвается въ университетѣ? — спросила Лиза, обратясь къ Розанову.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, взглянувъ на Богатырева.—Я ничего особеннаго не слышалъ.

— Они всё хотятъ идти на кладбище и отслужить тамъ панихиду.

— По комъ?.. Ахъ, да! Это-то я слышалъ какъ-то. Что жъ, дѣйствительно прекрасное дѣло.

— Въ этомъ есть огромный смыслъ,—торжественно произнесъ студентъ.

— Конечно, есть свой смыслъ. Въ странѣ, гдѣ не умѣютъ цѣнить и помнить заслугъ, никогда не мѣшаетъ напоминать о нихъ.

Студентъ улыбнулся.

— Нѣтъ-съ, это имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ вы думаете,—проговорилъ онъ.

— Панихида?

— По комъ панихида-съ? Все это отъ того зависитъ—*по комъ?*

— Ну, да, я это понимаю; только что жъ—эта панихида будетъ по самомъ мирномъ и честномъ гражданинѣ.

— А то-то и дѣло, что у насъ этого и не дозволяютъ.

— Ну, я думаю, вамъ никто мѣшать не станетъ.

— Почемъ знать? — пожалъ плечами, произнесъ студентъ.—Мы готовы на все. Другіе могутъ поступать какъ

хотять, а мы отъ своего не отступимъ: мы это сегодня рѣшили. Я, маркизь и еще двое, мы поидемъ и отслужимъ.

— Да и всѣ пойдуть.

— Какъ кому угодно.

— Поидемте и мы, Лизавета Егоровна.

— Я непременно поиду,—отвѣтила Лиза.

— Не совѣтую, кузина.

— Да чего же вы опасаетесь за вашу кузину?

— Кто знаетъ, что можетъ случиться?

— Помилуйте! Я маркиза хорошо знаю. Если не ошибаюсь, вы говорите о маркизѣ де-Бараль?

— Да.

— О, поидемте Лизавета Егоровна!

— Да, я непременно поиду.

— А теперь мнѣ пора; мнѣ еще нужно обойти свою палату.

Розановъ сталъ прощаться. Онъ поклонился Варварѣ Ивановнѣ и пожалъ руки Ольгѣ Сергѣевнѣ, Софи, Лизѣ и Сержу Богатыреву.

Стариковъ здѣсь не было.

— Вы хорошо знакомы съ маркизой?—спросила его Лиза.

— Да.

— Настолько, что можете познакомить съ нею другое лицо?

— Да.

— Я о ней ужъ очень много слышу интереснаго.

— Хотите, я ей скажу?

— Да, я ужъ вамъ говорилъ, кузина,—вмѣшался Сержъ:— что это и я могу сдѣлать.

— Какъ ты берешься, Сержъ!—замѣтила Богатырева.

— Отчего же не братья-съ?

— Она не чванлива,—примирительно сказалъ докторъ.

— Да, можетъ-быть; но у ней столько серьезныхъ занятій, что я не думаю, чтобъ ей доставало времени на мимолетныя знакомства. Да и Лизанька ничего не найдетъ въ ней для своихъ лѣтъ.

— Отчего же?—опять примирительно произнесъ Розановъ.

— Нѣтъ, оставьте, Дмитрій Петровичъ, не надо, — спокойно отвѣтила Лиза, не глядя на тетку, и Розановъ ушелъ, давши Бахаревымъ слово навѣщать ихъ часто.

Только-что Розановъ зашелъ за уголь, какъ несъ къ носу встрѣтился съ Бѣлоярцевымъ.

— Куда это вы?—спрашиваетъ его.

— Къ вамъ, въ морельницу.

— Что у васъ тамъ за дѣло?

— Барышню знакомую навѣстить.

— Какую барышню?

— Есть тамъ, въ седьмой палатѣ, весьма пріятная барышня.

— А, въ седьмой! Навѣстите, навѣстите. Сзади бросишь, впереди найдешь.

— Безпремѣнно такъ,—отвѣчалъ, смѣясь, Бѣлоярцевъ.

Они взяли извозчика и поѣхали вмѣстѣ. Было довольно холодно, и Бѣлоярцевъ высоко поднялъ воротникъ своего барашковаго пальто.

— Что вы Райнера давно не видали? — спросилъ Розановъ.

— Давно. Онъ, сказывалъ, совсѣмъ собрался-было въ Петербургъ и вдругъ опять вчера остался.

— Вчера?

— Да, вчера Персіянцевъ видѣлъ его у маркизы.

— Докторъ! докторъ!—позвалъ женскій голосъ.

— Вотъ она на поминѣ-то легка, — произнесъ Бѣлоярцевъ, еще глубже вдвигая въ воротникъ свой подбородокъ.

Розановъ всталъ и подошелъ къ маркизѣ, которая оставила своего кучера.

— Мой милый!—начала она торопливѣе обыкновеннаго, по-французски:—заходите ко мнѣ послѣзавтра, непременно. Въ четвергъ на той недѣлѣ чтобъ всѣ собрались на кладбищѣ. Всѣ будутъ, Оничка и всѣ, всѣ. Пусть ихъ допаются. Только держите это въ секретѣ.

— Да что же здѣсь за секретъ, маркиза?

— Гггааа! Какъ можно? Могутъ предупредить и выйдетъ фіаско.

— Во второй разъ слышу и никакъ въ толкъ не возьму. Что жъ тутъ такого? Вѣдь рѣчей неудобныхъ, конечно, никто не скажетъ.

— О, конечно! Зачѣмъ рисковать попусту; но, понимаете, вѣдь это протестъ. Вѣдь это, милый, протестъ!

— Не понимаю.

— Гггааа! Приходите, я вамъ многое сообщу.

— Что она вамъ рассказывала?—спросилъ Бѣлоярцевъ.

— Чортъ знаетъ, что это такое. Вы не слыхали ни о какой панихидѣ?

— Слышалъ.

— Ну, вотъ, въ секретѣ держать, говорить, дѣло важное. Бѣлоярцевъ, вмѣсто отвѣта, проговорилъ:

Черная галка,
Чистая полянка,
Ты же, Марусенька,
Черноброва,
Врать всегда здорова.

— Что вы думаете, это неправда?

— Кто же ихъ знаетъ.

— Да какое жь это можетъ имѣть политическое-то значеніе?

— Ничего я въ политикѣ не понимаю.

— Опять увертываться.

— Чѣмъ? Надоѣдасте вы мнѣ, право, господа, вашими преслѣдованіями. Я просто, со всею откровенностью говорю, что я художникъ и никакихъ этихъ ни жирендистовъ, ни социалистовъ не знаю и знать не хочу. Не мое это дѣло. Вотъ барышни,—добавилъ онъ шутя,—это наше дѣло.

— Экая натура счастливая!—сказалъ Розановъ, прощаясь съ Бѣлоярцевымъ у дверей своей палаты.

— Что, вы слышали новость-то? — спросилъ Розановъ, зайдя по окончаніи визитаціи къ Лобачевскому.

Лобачевскій въ своей комнатѣ писалъ лежа на полу. Отъ безпрерывной работы онъ давно не могъ писать сидя и уставалъ стоять.

— Слышалъ,—отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами и бросивъ препаратъ, который держалъ лѣвой рукою.

— Ну, и какого вы мнѣнія?

— Мнѣнія скорбнаго, Розановъ.

— А я думаю, что это вздоръ.

— Вздоръ! Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Когда гибнетъ дѣло, такъ хорошо начатое, такъ это не вздоръ. По крайней мѣрѣ для меня это не вздоръ. Я положительно увѣренъ, что это какой-нибудь негодяй нарочно подстраиваетъ. Помилуйте, — продолжалъ онъ, вставая: — сегодня еще передъ утромъ зашелъ, какъ нарочно, и всѣ три были здоровехоньки, а теперь вдругъ приходитъ и говоритъ: «пузырехалы воны».

— Да вы о чемъ это говорите? — спросилъ удивленный Розановъ.

— А вы о чемъ?

Розановъ рассказывалъ свои разговоры съ маркизою и молодымъ Богатыревымъ.

Лобачевскій плюнулъ и разсмѣялся.

— Что?

— Слышалъ я это; ну, да что намъ за дѣло до этихъ глупостей.

— А вы о чемъ же говорили?

— Кролицы мои издохли.

Теперь Розановъ плюнулъ, и оба расхохотались.

— Экой вздоръ какой вышелъ, — произнесъ Розановъ.

— Да еще вы съ такимъ вздоромъ приѣхали. Вѣдь охота же, право, вамъ, Розановъ, Богъ знаетъ съ кѣмъ якшаться. Дѣло бы дѣлали. Я вотъ васъ запречь хочу.

— Ну-те?

— Да вотъ. Давайте людей учить.

— Чему учить?

— А вотъ чему: я вѣдь отъ своего не отстану. Если не умру еще пятнадцать лѣтъ, такъ въ Россіи хоть три женщины будутъ знать медицину. А вы мнѣ помогите начать. Я сегодня ужъ началъ слегка съ Бекомъ. Онъ намъ позволить по воскресеньямъ читать въ секціонной. Поѣду къ Пармену Семенову, къ Лучкову, къ Тришину, уговорю пускать къ намъ ребятъ; вы человекъ народный, рассказывайте имъ попонятивѣ гигиеническіе законы, говорите о лѣченіи шарлатановъ и все такое. Вы это отлично можете дѣлать; а я дѣвушекъ ужъ найду такихъ, что захотятъ дальше учиться.

— Пожалуй, только что изъ этого выйдетъ?

— Ужъ вреда не выйдетъ, а у меня изъ двадцати хотя пять, хоть двѣ найдутся способныя идти далѣе. Терпѣніе ужъ необходимое.

— А чѣмъ онѣ жить будутъ?

— Найдешь, чѣмъ жить.

— Не лучше ли бы, ужъ если такъ, то примкнуть къ воскреснымъ школамъ, — сказали Розановъ.

— Къ воскреснымъ школамъ! Нѣтъ, намъ надо дѣло дѣлать, а онѣ частенько тамъ... Нѣтъ, мы сами по себѣ. Вы только идите со мною къ Беку, чтобъ не заподозрилъ,

что это я одинъ варганю. А современемъ я вамъ дамъ за то каюдру судебной медицины въ моей академіи. Только нѣтъ, — продолжалъ онъ, махнувъ весело рукою: — вы не исправимы. Бѣгучій господинъ. Долго не посидите на одномъ мѣстѣ. Провинція да идеализмъ загубили васъ.

— Меня идеализмъ загубилъ?—смѣясь переспросилъ Розановъ.

— Да какъ же? Водитесь съ какими-то химеристами, ко всему этому химерному провинціально доврчивы, все вѣдь это что? Провинціальная доврчивость сама собою, а прежде всего идеализмъ.

— Ну, это первое такое обвиненіе слышу, что я идеалистъ.

— Пламеннѣйшій!

— Нельзя же, мой милый Лобачевскій, всѣмъ быть только спеціалистами.

— Зачѣмъ? и не надо; только зачѣмъ понесту разбрасываться.

— А можетъ быть человѣчеству полезнѣе будетъ, чтобъ мы были помногостороннѣе, такъ сказать, *увлекались* бы немножко.

— Ну, какъ же!

Въ это же время въ домѣ Богатырева на антресоляхъ горѣла свѣчечка, за которою Лиза строчила шестую записочку.

Пять мелко изорванныхъ листовъ почтовой бумаги свидѣтельствовали, что записка, составляемая Лизою, выходила изъ ряда ея обычной корреспонденціи.

Наконецъ записка была кончена, написана, запечатана и положена въ карманъ платья.

На другой день казачокъ Гриша отдалъ ее на городскую почту, а еще черезъ день онъ подалъ Лизѣ эlegantный конвертикъ, съ штемпелемъ московской городской почты.

Вотъ что было написано въ полученномъ Лизою письмѣ:

«Вы меня плѣнили прелестью вашего милаго письма и я очень благодарна вамъ за желаніе со мною познакомиться. Никакія занятія не должны мѣшать сходиться сочувствующимъ людямъ,—особенно въ наше живое время. Я встаю въ десять часовъ и пью чай въ постели. Такъ я принимаю иногда нѣкоторыхъ друзей, между которыми одна

женщина, съ которою я васъ познакомлю, есть неотступная тѣнь моя. Мы съ ней дружны скоро двадцать лѣтъ и вмѣстѣ жили вездѣ, и за границею, и въ Ниццѣ, и въ Россіи. Потомъ я беру холодную ванну въ 8 Р. и только въ это время никого изъ постороннихъ не принимаю, а затѣмъ ѣмъ мой завтракъ и работаю. Въ часъ я ѣду кататься на своей Люси: такъ называется моя лошадь. Къ тремъ бываю дома. Въ это время всего лучше меня видѣть. Послѣ обѣда я сижу у себя съ моими друзьями; а вечеромъ приходитъ разный народъ, но преимущественно свои, хорошіе знакомые и мои друзья. Въ двѣнадцать часовъ я ложусь спать, а иногда засиживаемся и до бѣлаго утра. Такъ вы можете сами выбрать время, когда мы свидимся, я всегда къ вашимъ услугамъ».

«Кс. де-Бараль».

— Отъ кого это, Лизочка, ты получила письмо? — спросила Ольга Сергѣевна.

— Отъ маркизы, — спокойно отвѣчала Лиза.

— Что жъ она вамъ пишетъ? — освѣдомилась Варвара Ивановна.

— Она зоветъ меня къ себѣ; я хочу съ ней познакомиться.

Лиза купила себѣ дешевой цѣной перваго врага въ Москвѣ, въ лицѣ своей тетуськи Варвары Ивановны.

Розановъ былъ у маркизы на минуточку и засталъ ее въ странной агитаціи. Она сидѣла калачикомъ на оттоманкѣ, крутила полосочку пахитосной соломинки и вся дергалась, какъ въ родимцѣ. Передъ нею, молча, сидѣлъ Персіянцевъ.

Она ни о чемъ не могла говорить складно и все стояла на пашихидѣ.

— Гдѣ Орестъ Григорьевичъ? — спросилъ ее Розановъ.

— Что?

Розановъ повторилъ вопросъ.

— Гггааа! — воскликнула маркиза: — Оничка тамъ. Онъ часъ одинъ спалъ во всю ночь и не завтракалъ.

— Что жъ такъ?

— Нельзя же, мой милый: взялись, такъ ужъ надо дѣлать.

— Да что тамъ такъ много хлопотъ?

— Гггааа! Какъ же? Цвѣты будутъ и все.

Персіянцевъ поднялся и, вынувъ изъ кармана коротень-

кую германскую трубочку и бумажку съ кнастеромъ, пошелъ въ залу.

Розановъ смотрѣлъ на маркизу. Она сидѣла молча и судорожно шипала соломинку, на глазахъ у нея были слезы, и она старалась сморгнуть ихъ, глядя въ сторону.

Доктору стало жаль ее.

— Чего вы такъ беспокоитесь? — сказалъ онъ успокоительно.

— За Ояичку страшно мнѣ, — отвѣчала маркиза голосомъ, въ которомъ слышна была наша простоволосая русская мать, питательница, безучастная ко всякой политикѣ.

— Да успокойтесь, ему ничто не угрожаетъ.

— Гггааа! какъ вы это говорите, мой милый докторъ.

— Вѣдь это не заговоръ, ничто, а самая простая вещь, панихида по почтенномъ человѣкѣ и только.

— Да, да, только эти монтаньяры со Вишовой горки чтобъ не надѣлали какихъ-нибудь гадостей.

— Они, я думаю, совсѣмъ къ этому равнодушны.

— Да, помилуй Богъ! Надо все сдѣлать тихо, смирно. Одно слово глупое, одинъ жестъ и сейчасъ придерутся. Вы, мой милый, идите возлѣ него, пожалуйста; пожалуйста, будьте съ нимъ. — упрашивала маркиза, какъ будто сыну ея угрожала опасность, при которой нужна была скорая медицинская помощь.

«Экъ натолковала себѣ!» — подумалъ Розановъ, прощаясь съ маркизою, которую все болѣе оставляла храбрость.

— Черезъ два дня увидимся? — спросила она, отирая глаза.

— Увидимся, маркиза.

— Что будетъ черезъ эти два дня... Боже мой!.. А я васъ познакомлю съ одной замѣчательной дѣвушкой. Въ ней виденъ положительный талантъ и чувство, — добавила маркиза, вставая и впадая въ свою обычную колею.

— Кто это такая?

— Весьма замѣчательная дѣвушка. Я теперь о ней еще не хочу говорить. Мнѣ нужно прежде хорошенько поэкзаменоваться се, и если она стѣитъ, то мы должны ею заняться.

Розановъ чуть было не заикнулся о Лизѣ, но ничего не сказалъ и уѣхалъ, думая: «Можетъ-быть и къ лучшему, что Лизавета Егоровна отказалась отъ своего намѣренія. Кто знаетъ, что выйдетъ, если онѣ познакомятся?»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Разворошенный муравейникъ.

Предсказанія Розанова сбылись вполнѣ: никто не помѣшалъ панихидѣ, тревожившей маркизу. Радость на Чистыхъ-Прудахъ была большая; но въ этой радости было что-то еще болѣе странное, чѣмъ въ томъ непонятномъ уныніи, въ которое здѣсь приходилъ въ ожиданіи этого торжественнаго обстоятельства. Всѣ какъ-то неповѣрно высоко задрали носы и подняли головы. Точно была одержана блистательнѣйшая побѣда и побѣдители праздновали свой триумфъ, влача за своими колесницами надменныхъ вождей вражьяго стана. Маркиза совсѣмъ ужъ, какъ говорятъ въ Москвѣ, даже въ мысляхъ разстроилась: сидитъ да прядетъ между пальцевъ обрывочки пахитосокъ и вся издергалась, словно окунь на удочкѣ. Что ни вечеръ,—да что вечеръ!—что ни часъ, то у нея экстраординарное собраніе. Madame Роланъ уже совсѣмъ позабыта. Страсти славянской натуры увлекли маркизу. Собственно чему она радовалась — самъ чертъ не зналъ этого. У народа есть пословица: «Радъ зайка, что желѣзце нашель». Невѣдомо, на чтѣ было зайкѣ это желѣзце, точно такъ, какъ невѣдомо, чтѣ приводило теперь въ высокоторжественное настроеніе маркизу. Было дѣло совсѣмъ простое и прошло оно совсѣмъ попросту, никѣмъ не отмѣченное ни въ одной лѣтописи, а маркиза всклохталась, какъ строившаяся пчелиная матка.

— Слышали вы?—спрашивала она, встрѣчая Розанова.

— Я самъ былъ, — отвѣчала Розановъ, догадавшись о чемъ идетъ дѣло.

— Гггааа! это ужасно! Оничка шель и всѣ... Пусть лопаются.

«Фу ты, дьяволь возьми, что это такое! — думалъ Розановъ, — изъ-за чего это у нея сыр-боръ горить?»

— Ужасно, — рассказывала маркиза другимъ: — народъ идетъ, и Оничка идетъ, и все это идетъ, идетъ...

«Экъ, чортъ возьми, фантазируетъ», — думали другіе.

— Теперь ужъ не удержать, — радостно смѣясь, замѣчала маркиза: — общество краснѣетъ.

Нѣкоторые, точно, краснѣли. Въ числѣ краснѣющихъ былъ Розановъ, Райнеръ и Рациборскій.

Въ тотъ вечеръ, когда происходилъ этотъ разговоръ, было

и еще одно существо, которое было бы очень способно по-краснѣть отъ здѣшнихъ ораторствъ, но оно здѣсь было еще ново и не успѣло осмотрѣться.

Маркиза возвѣщала объ этомъ существѣ необыкновенно торжественно. •

— Какую я, батюшка, дѣвочку приобрѣла!—говорила она Розанову, цѣлуя кончики своихъ пальцевъ,—матеріаль. Мы за нее возьмемся.

— Какую я, батюшка, дѣвушку приобрѣла!—говорила она Рацборскому, цѣлуя кончики своихъ пальцевъ,—матеріаль. Мы за нее возьмемся.

То же самое она сказала и Бычкову, и Бѣлоярцеву, и Брюхачеву.

Бѣлоярцевъ сейчасъ же усики по губѣмъ расправилъ и пожки засучилъ, какъ зеленый кузнечикъ: «мы, дескать, насчетъ дѣвочки всегда какъ должно; потому женскій полъ папаче передъ всѣмъ принадлежитъ свободному художеству».

Этимъ временемъ въ гостиную изъ заднихъ комнатъ вошли три дѣвушки. Одна изъ нихъ была Рогинѣда Романовна, другая—дочь маркизы, а третья—Лиза.

Лиза-то и была тотъ матеріаль, о которомъ говорилось. Пренепріятно было маркизѣ, что Розановъ оказался старымъ знакомымъ Лизы.

Она о немъ ужъ слишкомъ много ей наговорила.

— Матеріаль,—говорила она:—не глупъ, связи имѣетъ и практиченъ! Мы за него возьмемся.

— Кто же это такой?—спытала Лиза.

— Увидите, мое дитя, — отвѣчала таинственно маркиза.

А тутъ вышло, что и глядѣть имъ другъ на друга нечего.

Другимъ Лиза не понравилась. Брюхачевъ сказалъ о ней, что это сверчокъ, а Бѣлоярцевъ буркнулъ: «карандашъ».

Такъ она въ этотъ вечеръ и звалась «карандашомъ».

Лизу терзали нарасхватъ и не давали Розанову сказать съ нею ни одного слова.

Розановъ только зналъ, что Лиза попала сюда «сама», но какъ это она сама сюда попала—онъ не могъ добратъся.

Отъ маркизы честная компанія зашла въ Барсовъ трактиръ и, угощаясь пивомъ и прочими назидательностями, слушала Бѣлоярцевскія предположенія насчетъ «карандаша» въ натурѣ.

Райнера здѣсь не было, а Розановъ могъ все слушать,

и его способность слушать *все* насчетъ Лизы черезъ нѣсколько страницъ, можетъ-быть, и объяснится.

По привычкѣ возиться въ грязи и тилѣ, Розановъ не замѣчалъ нѣкоторой особенной теплоты въ участіи Лизы и, не будучи самъ циникомъ, безъ особаго возмущенія могъ слушать о ней такіе разговоры, которыхъ Лиза не могла слышать на губернаторскомъ балѣ о Женни.

То прекрасное качество, которое благовоспитанные люди называютъ «терпимостью», въ нѣкоторыхъ случаяхъ было усвоено Розановымъ въ весьма достаточномъ количествѣ. Онъ не вытерпѣлъ бы, если бы Лизу злословили, ну, а цинически разбирать женщину.—Это что же? Это не вредить. Остановить—въ другомъ мѣстѣ заговаривать еще хуже.

Прошло нѣкоторое время. Бахаревы переѣхали на собственную квартиру; Лиза еще побывала раза три у маркизы; докторъ досконально разузналъ, какъ совершилось это знакомство, и тоже навѣдывался.

Побѣдный духъ маркизы все еще торжествовалъ, но торжество это начинало прѣдаться.

Съ немовѣрною быстротою свѣдѣнія о городскихъ со студентами событіяхъ облетѣли Москву, и Розановъ съ яростнѣйшимъ негодованіемъ бросился къ маркизѣ.

Онъ весь дрожалъ отъ безсиьной злобы.

Маркиза сидѣла на стулѣ въ передней и вертѣла пахитосную соломинку. Передъ нею стоялъ Брюхачевъ и Марейчка. Брюхачевъ доказывалъ, что студенты поступаютъ глупо, а маркиза слушала: она никакъ не могла опредѣлить, какую роль въ подобномъ дѣлѣ приняла бы *madame* Роланъ.

Розановъ рыкнулъ на Брюхачева и сказалъ:

— Все это вздоръ; надо стоять тамъ, гдѣ людей бьютъ, а не ораторствовать.

Это было въ четвертомъ часу пополудни.

Лобачевскій посмѣялся надъ подбитымъ носомъ Розанова и сказалъ:

— Такъ вамъ и слѣдовало.

— За что же это?—спросилъ Розановъ.

— Такъ, чтобъ не болтались попусту.

Розановъ немощно разсердился и пошелъ въ свою комнату.

— Я у васъ одну барышню велѣлъ дегтемъ помазать,—крикнулъ вслѣдъ ему Лобачевскій.

— Какую это?

— Тамъ увидите,—на пятой койкѣ лежить.

— А вы были въ моей палатѣ?

— Надобно жъ было кому-нибудь посмотрѣть на больныхъ,—отвѣчала Лобачевскій.

Тѣмъ этотъ день и покончился, а черезъ три дня нашихъ московскихъ знакомыхъ ужъ и узнать нельзя было. Только одно усиленное стараніе Лобачевского работать по больницѣ за себя и Розанова избавляло послѣдняго отъ дурныхъ послѣдствій его крайней неглижировки службой. Онъ исчезалъ по цѣлымъ суткамъ и пропадалъ безъ вѣсти. Квартира Арапова сдѣлалась мѣстомъ сходокъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Тамъ кипѣла дѣятельность. По другимъ мѣстамъ тоже часто бывали собранія; у маркизы были «эписпастики» — какъ Араповъ называлъ собранія, продолжавшіяся у ней.

На этихъ собраніяхъ бывали: Розановъ, Араповъ, Райнеръ, Слободзинскій, Рациборскій и многіе другіе. Теперь маркиза уже не начинала разговора съ «il est mort», или «толпа идетъ, и онъ идетъ». Она теперь говорила преимущественно о жандармахъ, постоянно окружающихъ ея домъ.

Романовны также каркали объ опасномъ положеніи маркизы, но отставали въ сторону; Брюхачевъ отзывался недосугами: Бычковъ велъ какое-то особенное дѣло и не показывался; Сахаровъ ничего не дѣлалъ; Бѣлоярцевъ и Завулоновъ исчезли съ горизонта.

Лиза слушала, жадно слушала и забывала весь міръ. Маркиза росла въ ея глазахъ, и жандармы, которыхъ ждала маркиза, не тронулись бы до нея, иначе какъ черезъ Лизу.

Персіянцева тоже нѣкоторое время не было видно.

Наконецъ, по городской почтѣ въ домъ маркизы получила пустая и ничтожная литографированная записочка, относящаяся къ происходившимъ обстоятельствамъ.

Маркиза взбѣленилась; показывала ее всѣмъ по секрету и всѣхъ просила молчать.

Рѣшено было, что въ Москвѣ уже сложилась оппозиціонная сила.

Все было болѣзненно встревожено этою запискою; каждый звонокъ заставлялъ маркизу блѣднѣть и вздрагивать.

Только Араповъ, Райнеръ и Розановъ оставались спокойными.

Выходя отъ маркизы, Араповъ много смѣялся, Райнеръ упрямо молчалъ, а Розановъ какъ-то словно разслабѣлъ, раскисъ и одинъ уѣхалъ въ свою больницу.

Съ тѣхъ поръ Розановъ, по выраженію Арапова, началъ отлынивать, и Араповъ сталъ поговаривать, что Розановъ тоже «швахъ».

Лобачевскій только сказалъ:

— Это хорошо, что вы, Розановъ, возвратились изъ бѣговъ: а то Бекъ ужъ сильно сталъ на васъ коситься.

Такъ прошло недѣли съ двѣ. Розановъ только и отлучался, что къ Бахаревымъ. Онъ ввелъ къ нимъ въ это время Райнера и пзрѣдка попадалъ на студентскія сходки, къ которымъ невѣдомо какимъ образомъ примыкали весьма различные люди.

Лиза то-и-дѣло была у маркизы, даже во время ваннь, при чемъ въ прежнія времена обыкновенно вовсе не было допускаемо ничье присутствіе.

Между Розановымъ и Лизою не послѣдовало ни одного сердечнаго разговора; все поглотила изъ ничего возникшая суматоха, оставившая вдалекѣ за собою университетское дѣло, съ котораго все это распочалось.

Общество было неспокойно; въ городѣ шли разные слухи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Que femme veut, Dieu le veut.

Барвара Ивановна Богатырева, возвратясь одинъ разъ домой въ первомъ часу ночи, была до крайности изумлена кучею навѣшаннаго въ ея передней платья и длинною шеренгою различныхъ калошъ.

Прежде чѣмъ лакей успѣлъ объяснить ей, что это значитъ, слухъ ея былъ пораженъ многоголоснымъ крикомъ изъ комнаты сына.

— Кто у молодого барина?—спросила она челоуѣка.

— Студенты-съ.

Барвара Ивановна бросилась въ залу.

— Гдѣ Алексѣй Сергѣевичъ?—спросила Барвара Ивановна, остановясь посреди комнаты, въ чрезвычайной ажитациі.

— Они тамъ-съ.

— Гдѣ?

— Съ господами. Тамъ двери отъ молодого барина въ кабинетъ открыли.

— Боже мой!—простонала Барвара Ивановна и опустилась на стулъ.

— Чего стоишь? Позови ко мнѣ барина!—крикнула она черезъ вѣсколько минутъ человѣку.

— Ну, не глупецъ ли вы? Не врагъ ли вы семейному благополучію?—начала она, какъ только Алексѣй Сергѣевичъ показался на порогѣ комнаты:—затворите, по крайней мѣрѣ, двери.

Богатыревъ затворилъ двери въ переднюю.

— Что это такое?—спросила его съ грознымъ придыханіемъ Варвара Ивановна.

— Что?—робко переспросилъ Богатыревъ.

— Сходка? Да? Отвѣчайте же: сходка у нихъ, да? Что жъ вы онѣмѣли, что ли?

— Да никакой нѣтъ сходки. Ничего тамъ законопротивнаго нѣтъ. Такъ сошлись у Сережи, и больше ничего. Я самъ тамъ былъ все время.

— Самъ былъ все время! О, Создатель! Онъ самъ тамъ былъ все время! И еще признается! Колпакъ вы, батюшка, колпакъ. Вотъ какъ сына укутуть, а васъ пошлютъ съ женою гусей стеречь въ рязанскую губернію, такъ вы и узнаете, какъ «я самъ тамъ былъ».

— Но ужъ нѣтъ, извините меня, Фалилей Трифоновичъ!—начала она съ декламаціей. — Васъ пусть посылаютъ куда угодно, а ужъ себя съ сыномъ я спасу. Нѣтъ, извините. Сами можете отправляться куда вамъ угодно, а я нѣтъ. Извините...

— Да чѣмъ же я виновать?—казанскою сиротою произнесъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Чѣмъ? И вы смѣете спрашивать чѣмъ? Двухъ молодыхъ людей только-что наказали, а вы потихоньку отъ жены учреждаете у себя сходки и еще смѣете спрашивать, чѣмъ вы виноваты.

— Да это не я, а Сергѣй. Я съ какой же стати... Это его знакомые.

— А! а! Вотъ вамъ и отецъ! Головою сына выдаю, молъ: извольте его вамъ, только меня, сѣдого дурака, не трогайте. Прекрасно! прекрасно! Вотъ отецъ такъ отецъ!

— Да что вы пугаете? Кого наказали и какая тутъ сходка?

— А о чемъ тамъ говорить?—спросила Варвара Ивановна съ придыханіемъ и указывая большимъ пальцемъ руки въ сторону, откуда долетали студентскіе голоса.

— Объ университетскихъ порядкахъ говорятъ.

— Какъ калоши ставить въ швейцарской, или что другое?

— Нѣтъ, о начальствѣ.

— Какъ его не слушаться?

— Нѣтъ, только о деньгахъ говорятъ.

— Ну да, то-то, чтобъ денегъ не платить?

— Да.

— Это оборвыши эти разсуждаютъ?

— Всѣ говорятъ.

— А вы слушали?

— Да, что же тутъ такого. право? Они разсуждаютъ резонно.

Барвара Ивановна отодвинулась отъ мужа одинъ шагъ назадъ, окинула его взоромъ неописаннаго презрѣнiя и, плюнувъ ему въ самый носъ, шибко выбѣжала изъ залы.

Оставивъ въ залѣ совершенно потерявшагося мужа, madame Богатырева перебѣжала гостинную, вскочила въ свой будуаръ и, затворивъ за собою дверь, щелкнула два раза ключомъ.

Алексѣй Сергѣевичъ постоялъ въ залѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ давалъ отчетъ своей супругѣ, потомъ подошелъ къ зеркалу, приподнялъ съ подзеркальнаго столика свѣчу и, внимательно осмотрѣвъ свое лицо, тщательно вытеръ бѣлымъ платкомъ глаза и переносицу.

Затѣмъ онъ потихоньку подошелъ къ жениному будуару и взялся за ручку замка.

Дверь была заперта на-глухо.

— Барвара Ивановна!— произнесъ, откашлянувшись, Богатыревъ.

Отвѣта не было.

— Варинька!—повторилъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Что вамъ нужно здѣсь?—сердито крикнула изъ-за двери Барвара Ивановна.

— Я на минуточку.

— Нечего вамъ здѣсь дѣлать.

— Да я хочу только посоветоваться,—умолялъ Богатыревъ, поспѣшно прикладывая ухо къ створу дверей.

— Не о чемъ.

— Да что же дѣлать? Я не знаю, что дѣлать.

— Такъ я знаю, что нужно дѣлать,—отвѣтила Барвара Ивановна.

И Алексѣй Сергѣевичъ слышалъ, какъ она перешла изъ будуара въ спальню и затворила за собою другую дверь.

Въ это же время въ передней послышался топотъ и гомонъ. Сходка расходилась.

Последніе изъ комнаты Сержа Богатырева ушли Розановъ и Райнеръ. Для нихъ еще подали закусить, и они ушли ужъ въ третьемъ часу утра.

Сергѣй Богатыревъ самъ заперъ за ними дверь и, возвратясь, легъ спать.

Варвара Ивановна на другой день встала ранѣе обыкновеннаго. Она не позвала къ себѣ ни мужа, ни сына и страшно волновалась, безпрестанно посматривая на часы. Въ одиннадцать часовъ она велѣла закладывать для себя карету и къ двѣнадцати выѣхала изъ дома.

Глаза у Варвары Ивановны были сильно наплаканы и лицо немножко подергивалось, но дышало рѣшимостью и притомъ такую рѣшимостью, какаѣ нисходитъ на лицо людей, изобрѣтшихъ геніальный путь къ своему спасенію и стремящихся осуществить его во что бы то ни стало.

Карета Варвары Ивановны остановилась сначала у одного большого дома неподалеку отъ университета.

Варвара Ивановна вошла въ круглый, строго-меблированный залъ и сказала свою фамилію дежурному чиновнику.

Черезъ двѣ минуты ее попросили въ кабинетъ.

Варвара Ивановна начала плачевную рѣчь, въ которой призывалось великодушное вмѣшательство начальства, упоминалось что-то объ обязанностяхъ старшихъ къ молодости, о высококомъ постѣ лица, съ которымъ шло объясненіе, и, наконецъ, объ общественномъ судѣ и слезахъ бѣдныхъ матерей.

— Но что же я могу сдѣлать, сударыня? Вашъ сынъ, слава Богу, еще даже ни въ чемъ не замѣшанъ, — возражалъ ей хозяинъ.

— Да, это правда; но онъ можетъ быть замѣшанъ; его могутъ увлечь.

— Удержите его.

— Я васъ прошу объ этомъ. Я васъ прошу защитить его.

— Да отъ чего же защитить? Помилуйте, я васъ увѣряю, его ни въ чемъ не подозрѣваютъ.

— Это все равно: онъ ходитъ... или можетъ ходить на сходки.

— Уговорите его, чтобъ не ходилъ.

— Развѣ они слушаютъ?

— Вы мать,—онъ васъ скорѣе всѣхъ послушается.

— Ахъ, развѣ они слушаютъ.

— Но что же я-то могу для васъ сдѣлать?

— Вы начальникъ.

— Да ужъ если матери не слушаютъ, то какъ же вы надѣетесь, чтобы начальника послушались.

— Запретите имъ собираться на сходки.

— Ихъ давно объ этомъ просили.

— Что просить? Запретите просто.

— Мы не можемъ ходить за ними въ каждый домъ. Москва велика,—они вездѣ собираются.

— Прекратите какъ-нибудь всѣ эти безпорядки.

— Только объ этомъ и заботимся; но это вовсе не такъ легко, какъ нѣкоторые думаютъ; нужно время, чтобы все пришло въ порядокъ.

— О, Боже мой! ну, выслать ихъ вонъ изъ города, ну, закрыть университетъ.

Хозяинъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Сударыня, это отъ насъ не зависитъ и желательно, чтобы этого не случилось.

«Баба! я всегда говорила, что ты баба, — баба ты и есть,»—подумала Варвара Ивановна, усѣвшись въ карету и велѣвъ ѣхать вверхъ по Тверской.

Въ другомъ официальном домѣ объясненія Богатыревой были неудачнѣе первыхъ. Здѣсь также успокоивали ее отъ всякихъ тревогъ за сына, но все-таки она опять выслушала такой же рѣшительный отказъ отъ всякаго вмѣшательства, способнаго оградить Сержа на случай всякихъ его увлеченій.

— Ну, наконецъ, арестуйте его, пока это все кончится!—воскликнула Богатырева, выведенная изъ всякаго терпѣнія спокойнымъ тономъ хозяина.

— Что такое?—переспросилъ тотъ, полагая, что ослышался.

— Арестуйте его, — повторила Богатырева: — я мать, я имѣю право на моего сына, и если вы не хотите сдѣлать ничего въ удовлетвореніе моей справедливой просьбы, то я мать, *сама мать*, прошу васъ арестуйте его, чтобы онъ только ни во что не попался.

Хозяинъ посмотрѣлъ на Богатыреву и негерциливо отвѣтилъ:

— Я вамъ уже имѣлъ честь доложить, что у насъ нѣтъ въ виду ни одного обстоятельства, обвиняющаго вашего сына въ поступкѣ, за который мы могли бы взять его подъ арестъ. Можетъ-быть, вы желаете обвинить въ чемъ-нибудь, тогда, разумѣется, другое дѣло: мы къ вашимъ услугамъ. А безъ всякой вины у насъ людей не лишаютъ свободы.

— Нѣтъ, я не обвиняю, но я прошу васъ арестовать его, чтобъ впередъ чего не случилось... я прошу васъ...

— Извините, сударыня: у меня много дѣла. Я вамъ сказала, что людей, которыхъ ни въ чемъ не обвиняютъ, нельзя сажать подъ арестъ. Это, наконецъ, запрещено закономъ, а я виѣ закона не въ правѣ поступать. Впередъ мало ли кто что можетъ сдѣлать: не посажать же подъ арестъ всѣхъ. Повторяю вамъ, *это запрещено закономъ*.

— И это запрещено закономъ! И это запрещено закономъ!—воскликнула отчаянная мать.

Начальникъ, взглянувъ еще разъ на Богатыреву, удерживая улыбку, подтвердилъ:

— Да-съ, это запрещено закономъ,—а затѣмъ обратился къ другимъ просителямъ.

— Это запрещено закономъ! когда жъ это было запрещено закономъ? Знаемъ мы васъ, законниковъ. Небось своего сына ты бы такъ упряталъ, что никто бы его и не нашелъ, а къ чужимъ такъ ты законы подбираешь,—ворчала Варвара Ивановна, возвращаясь домой съ самымъ растерзаннымъ и замирающимъ сердцемъ.

Но материнскій инстинктъ великъ и силенъ.

У поворота къ бульварамъ Варвара Ивановна велѣла кучеру ѣхать назадъ, проѣхала Тверскую, потомъ взяла налѣво Софійкой и, наконецъ, остановилась у маленькаго деревяннаго домика въ одномъ изъ переулковъ, прилегающихъ къ Лубянской площади.

Здѣсь жилъ частный стряпчій, завѣдывавшій дѣлами Богатыревыхъ.

На счастье Варвары Ивановны стряпчій былъ дома. Онъ выслушалъ ея рассказъ, предложилъ ей воды и затѣмъ спросилъ, чего ей хочется.

— Удалить его хоть изъ Москвы,—отвѣчала Богатырева.

— Такъ пошлите его въ рязанскую губернію.

— Да не ѣдетъ. Вѣдь не связаннаго же его отправить!

Стряпчій подумалъ съ минуту и потомъ отвѣтилъ:

— Мы это уладимъ.

Черезъ полчаса богатыревская карета остановилась въ одномъ изъ переулковъ Арбата. Изъ кареты сначала вышла стряпчій и вошелъ въ дверь, надъ которою была табличка, гласившая: «квартира надзирателя такого-то квартала».

Варвара Ивановна осталась въ каретѣ.

Спустя десять минутъ пришла и ея очередь вступить въ «квартиру надзирателя квартала».

Въ очень хорошо и со вкусомъ меблированной комнатѣ ее встрѣтилъ военный господинъ, съ нѣмецкимъ лицомъ и очень страшными усамп.

Въ его фигурѣ и лицѣ было что-то весьма сложное, такъ сказать, нѣмецко-вахмистровски-полицейско-гусарское. Видно было, однако, что онъ уменъ, ловокъ, не разборчивъ на средства и съ извѣстной стороны хорошій знатокъ човѣческаго сердца.

Онъ внимательно усадилъ Варвару Ивановну въ кресло, терпѣливо выслушалъ ея отчаянный разсказъ, соболѣзновалъ ей и, наконецъ, сказалъ, что онъ тоже не въ правѣ для нея сдѣлать многого, но, видя ея безпомощное положеніе, готовъ сдѣлать, что можетъ.

— Бога ради,—умоляла его Варвара Ивановна.

— Будьте спокойны, сударыня.

— Я васъ прошу принять отъ меня эту бездѣлицу, — проговорила самымъ сладкимъ голосомъ Варвара Ивановна, подавая надзирателю сторублевую бумажку.

Надзиратель сказалъ:

— Напрасно беспокоитесь,—и спряталъ бумажку.

Богатырева встала и, разынтиничавшись, порпцала нерѣшительное, по ея мнѣнію, начальство.

— Какое это начальство!—воскликнула она:—удалить такое начальство нужно, а не давать ему людьми распоряжаться.

Надзиратель посмотрѣлъ на нее при этомъ приговорѣ и подумалъ:

«Вотъ тебя бы, дуру, такъ сейчасъ можно спрятать даже и безъ всякой благодарности»,—но не сказалъ ни слова и спокойно проводилъ ее съ лѣстницы.

Варвара Ивановна уѣхала совершенно спокойная. Передъ вечеромъ она пожаловалась на головную боль; попросила сына быть дома и затѣмъ ушла къ себѣ въ спальню.

У Сережи были два товарища, сосѣдь Бахарева — Ступинъ. и сынъ одесскаго купца, Иона Кацель.

Молодые люди уснули и, кажется, весь домъ заснулъ до полуночи. Но это только такъ казалось, потому что Варвара Ивановна быстро припрыгнула на постелъ, когда въ четвертомъ часу ночи въ передней послышался смѣлый и громкій звонокъ.

Прежде чѣмъ сонный лакей успѣлъ повернуть ключъ въ двери, звонокъ раздался еще два раза и съ такою силою, что заводъ, на которомъ тянули проволоку, соединявшую звонокъ съ ручкою, имѣлъ бы полное право хлопотать о привилегіи.

Наконецъ дверь отворили, и въ переднюю, брызгая шпорами и саблей, вошелъ квартальный нѣмецко-вахмистровски-полицейски-гусарскаго вида.

Лакей зажегъ свѣчу и побѣжалъ за шкапъ надѣтъ что-нибудь сверхъ бѣлья.

Изъ-за разныхъ дверей высунулись и тотчасъ же спрятались назадъ разныя встревоженныя, мужскія и женскія, лица.

Квартальный стоялъ, подперши руки фертомъ, и ожидать, пока лакей снова появится изъ-за шкапа.

Въ это время Варвара Ивановна успѣла накинуть на себя платье и, выйдя въ залу, сама пригласила надзирателя.

— Бога ради скорѣе все кончите, — говорила она, ломая руки.

— Не безпокойтесь, — отвѣчалъ надзиратель: — я только боюсь одного.

— Ничего не бойтесь.

— Я боюсь, чтобы вашъ мужъ не надѣлалъ завтра тревоги.

— О, за это я вамъ даю мое слово.

— Что это такое? — тихо спросилъ входящій Алексѣй Сергѣевичъ.

— За Сергѣемъ, — вздохнувъ, отвѣчала Варвара Ивановна, не глядя на мужа.

— Сережу арестуютъ?

— Вѣдь видите; что же тутъ еще спрашивать?

— Наша печальная обязанность... — началъ-было надзиратель, но въ залу вошелъ Сергѣй Богатыревъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и старался держать себя какъ можно смѣлѣе.

— За мной?—спросилъ онъ.

— За вами.

— Что жъ, я готовъ.

У него стукнули зубы.

— Лошади внизу,—спокойно отвѣчалъ надзиратель:—по мнѣ для порядка нужно взглянуть на вашу комнату. Тамъ, конечно, ничего нѣтъ?

— Не знаю, можетъ-быть, что-нибудь и есть,—отвѣчалъ блѣдный студентъ.

— Сережа! Сережа! что ты говоришь? — простонала съ упрекомъ Варвара Ивановна.

— Я вѣрю на слово вашей матушкѣ,—съ достоинствомъ сказалъ надзиратель:—и прошу васъ собраться.

Варвара Ивановна взяла сына въ спальню, дала ему пачку ассигнацій, заплакала, долго-долго его крестила и, наконецъ, вывела въ залу. Здѣсь арестантъ простился еще разъ съ матерью, съ отцомъ, съ лаксемъ и дрожащими ногами вышелъ изъ дома.

Долго они ѣхали молча въ открытыхъ дрожкахъ надзирателя, наконецъ тому надоѣло это.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—мнѣ жаль вашу мать: я самъ имѣю дѣтей. Если вы можете скрыться изъ Москвы, я пушу васъ и скажу, что не нашелъ васъ дома. А между тѣмъ все это кончится, и вы возвратитесь.

— Вы! вы меня пустите?

— Да, пушу. Со мной не было понятыхъ. Если вы дадите слово удирать отсюда подальше, я пушу васъ.

— О, клянусь вамъ.

— Не клянитесь, я и такъ повѣрю.

— Я уѣду въ Рязань.

— Ступайте.

— Только нѣтъ подорожной.

— Какой вздоръ. Были бы деньги. Возьмите вольныхъ у Рогожской.

Сергѣй Богатыревъ предложилъ надзирателю ассигнацію, отъ которой тотъ благородно отказался, потомъ прыгнулъ съ дрожекъ, взялъ перваго ваньку и запрыгалъ къ Рогожской.

— Что?—спросила Варвара Ивановна мужа, когда надзиратель вышелъ съ Сережей за двери.

— Пропадетъ теперь.

— Нѣ. теперь нюни: «пропадетъ», — передразнила Варвара Ивановна.

— Господа!—крикнула она студентамъ, войдя въ комнату сына: — вы видѣли, что было съ Сережей? За это я вамъ обязана: вчера была сходка, а сегодня арестантъ. Прошу васъ оставить мой домъ.

Студенты только этого теперь и желали.

— А вы у меня ни во что не смѣйте мѣшаться, — пригрозила она стоявшему посреди залы мужу: — не смѣйте ничего рассказывать: Сержъ черезъ три дня будетъ въ Богатыревкѣ.

— Ка-а-къ?

— Т-а-а-къ, какъ вы не знаете, — проговорила Варвара Ивановна, отходя въ свою комнату.

И Алексѣй Сергѣевичъ до самаго разсвѣта простоялъ въ залѣ.

Обстоятельства совершенно смутили его.

Вечеромъ въ этотъ же день были три сходки, на которыхъ толковали о внезапномъ арестѣ Сергѣя Богатырева и всячески допытывались, кто бы могъ донести о богатыревской сходкѣ.

— Изъ нашихъ никто; за это можно ручаться головою!— кричали нѣсколько молодыхъ голосовъ.

— Такъ кто же? Кто? нужно знать доносчика.

Кто-то громче другихъ произнесъ имя Райнера.

— А въ самомъ дѣлѣ, кто онъ? Кто этотъ Райнеръ?

— Что онъ?

— Зачѣмъ онъ здѣсь?

— Зачѣмъ онъ на сходкахъ?

Ни на одинъ этотъ вопросъ никто не умѣлъ дать отвѣта.

- Кто ввелъ его?

— Докторъ Розановъ, — отвѣчалъ кто-то.

— А что такое самъ Розановъ?

— Онъ знакомый маркизы; его многие знаютъ.

— Вытребовать Розанова, вытребовать Розанова! — закричало нѣсколько голосовъ.

— И судить его.

— За что судить? Пусть объяснится.

— Гдѣ жъ собираться?

— У маркиза, послѣзавтра, у маркиза.

— А завтра тамъ?

— Ну да, только одни свои.

Завтра уже во всѣхъ либеральныхъ кружкахъ Москвы заговорили о бывшей у Богатыревыхъ ссодкѣ и о послѣдовавшемъ затѣмъ внезапномъ арестѣ молодого Богатырева.

Не очень чуткое ухо могло легко слышать, какъ при этихъ разсказахъ вполголоса поминалось имя Райнера.

Содержаніе этихъ полголосныхъ разсказовъ, вѣроятно, было довольно замысловато, потому что докторъ, услыхавъ одинъ такой разговоръ, прямо объявилъ, что кто позволяетъ себѣ распускать такіе слухи, тотъ человекъ нечестный.

Теперь докторъ догадывался, какихъ отъ него потребуютъ объясненій и собирался говорить круто и узловато.

А въ эту ночь была еще ссодка, послѣ которой, передъ утромъ дня, назначеннаго для допроса Розанова, было арестовано нѣсколько студентовъ.

Изъ этихъ арестантовъ уже ни одинъ не соскочилъ съ полицейскихъ дрожекъ и не уѣхалъ на вольныхъ въ свою Богатыревку.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Delirium tremens.

Новыя трепетанія не успокоивались. Москва ждала скандала и чуть не дождалась его.

Утромъ одного дня Араповъ вышелъ изъ своего дома съ Персіянцевымъ, взяли извозчика и поѣхали ко Введенію въ Барашахъ.

Они остановились у Нестеровскаго дома.

— Ступайте, — сказали Араповъ, тревожно оглядываясь и подавая Персіянцеву изъ-подъ своей шинели тючокъ, обшитый холстомъ.

— А вы?—спросилъ Персіянцевъ.

— Я подожду здѣсь: всюду надо смотрѣть.

Персіянцевъ вошелъ на чистый купеческій дворъ и, отыскавъ двери съ надписью: «*контора*», поднялся по лѣстницѣ.

Посланный имъ артельщикъ возвратился съ Адрианомъ Николаевымъ.

— Отъ Розанова, — сказали Персіянцевъ.

— А! милости прошу, пожалуйста, — воскликнулъ центральный человекъ. — Какъ они, въ своемъ здоровьи?

— Ничего, — отвѣчалъ, краснѣя, непривычный ко лжи Персіянцевъ.

— Давно вы ихъ видѣли?

— Вчера, — отвѣчалъ, еще болѣе краснѣя, Персіянцевъ. — Вы получили вчера его письмо?

— Получили-сь, получили. А это что: товаръ?

— Да.

— Сколько же тутъ?

— Триста.

— Что жъ, покупились, али недостача? — шутилъ центральный человѣкъ и, взявъ тючокъ изъ рукъ Персіянцева, пригласилъ войти далѣе.

Проходя третью комнату конторы, Персіянцевъ увидѣлъ Пармена Семеновича, любезно бесѣдовавшаго съ частнымъ приставомъ.

— Андріаша! чайку не хочешь ли? — спросилъ Пармень Семеновичъ.

— Нѣтъ, Пармень Семеновичъ, только что пилъ, — отвѣтилъ, проходя, центральный человѣкъ.

— Дѣй Митревъ! — крикнулъ онъ, сѣвъ за конторку и усадивъ Персіянцева, нѣсколько растерявшагося при видѣ частнаго пристава.

Показался артельщикъ самаго древняго письма.

— Положь-ка эту штучку, да завтра ее въ низовой посылкѣ отправь Жилину.

— Слушаю, — отвѣчалъ Дѣй Митревъ и унесъ съ собою тючокъ въ кладовую почетнаго гражданина и 1-й гильдин купца Нестерова.

— Будетъ исполнено, — сказалъ Персіянцеву центральный человѣкъ, и они простились.

Проходя мимо Пармена Семеновича, Персіянцевъ раскланялся съ нимъ и съ частнымъ приставомъ.

— Кланяйтесь господину доктору, — сказалъ опять Адрианъ Николаевъ Персіянцеву у порога.

Арапова не было у воротъ.

Персіянцевъ глянулъ туда, сюда — нѣту.

Онъ пошелъ одинъ.

Но не успѣлъ Персіянцевъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, его пагналъ Араповъ.

— Что? — спросилъ онъ мрачно.

Персіянцевъ ему разсказалъ все, что мы знаемъ.

— А гдѣ это вы были? Я васъ не видалъ за воротами.

— Я сидѣлъ въ трактирѣ, оттуда виднѣе. Я видѣлъ, какъ вы вышли.

— Ну,—говорилъ Араповъ, усѣвшись дома передъ Персіянцевымъ и Соловейчикомъ: — теперь за новую работу, ребята.

День цѣлый Араповъ строчилъ, потомъ бѣгалъ къ Райнеру, къ Рациборскому. Правили, переправляли и, наконецъ, сочинили что-то.

— Теперь черти, Соловейчикъ,—сказалъ Араповъ.

И Соловейчикъ сталъ чертить.

За полночь Соловейчикъ кончилъ свое ковырянье на литографическомъ камнѣ, сдѣлалъ валькомъ пару пробныхъ оттисковъ и ушелъ изъ квартиры Арапова.

На Чистыхъ-Прудахъ становилось скучновато. Новостей эффектныхъ не было. Маркизь жаловался, что сходка топчетъ въ его комнатѣ полы и раздавила зубную щеточку накладного серебра.

Самымъ пріятнымъ занятіемъ маркизы было воспитаніе Лизы. Ей внушался бѣлый либерализмъ и изъяснялось его превосходство передъ монтаньярствомъ. Маркиза сидѣла какъ Калипсо въ своемъ гротѣ; около нея феи, а передъ ними Лиза, и онѣ дудѣли ей объ образцахъ, приводя для контраста женщинъ изъ времени упадка нравовъ въ Римѣ, женщинъ развратнѣйшихъ дней Франціи и нѣкую московскую дѣвицу Бертольдн, возмущающую своимъ присутствіемъ чистоту охраняемыхъ феями нравственныхъ принциповъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Московскіе мизерабли.

Въ ряду московскихъ особенностей не послѣднее мѣсто должны занимать *пустые дома*. Такіе дома еще въ наше время изрѣдка встрѣчаются въ нѣкоторыхъ старыхъ губернскихъ городахъ. Въ Петербургѣ такихъ домовъ вовсе не видно, но въ Москвѣ они есть и ихъ хорошо знаютъ многіе, а особенно люди извѣстнаго закала.

Пустой домъ въ губерніи исключительно бываетъ домъ или спорный, или выморочный, или за безцѣнокъ взятый въ залогъ одурѣвшимъ скрягою. Встрѣчаются такіе дома преимущественно въ городахъ, гдѣ требованіе на помѣщенія относительно не велико, доходъ съ домовъ не вѣренъ, а

обыватель не охотникъ ни до какихъ затратъ на ремонтъ зданія. Но страннѣ всего, что встрѣчаются такіе дома и въ нашей оригинальной столицѣ и даже нерѣдко стоятъ они среди самой густонаселенной мѣстности. Кругомъ биткомъ набито всякаго народа, а тутъ вдругъ стоитъ домъ: никогда въ его окнахъ не видно свѣта, никогда не отворяются его ворота и никто имъ, повидимому, не интересуется. Словно никому этотъ домъ не принадлежитъ и никому онъ не нуженъ.

Иногда въ такомъ домѣ обитаетъ какой-нибудь солдатъ, занимающійся починкою старой обуви, и солдатка, ходящая на повою. Платить имъ жалованье какой-то опекунъ, и живутъ они такъ десятки лѣтъ, сами не задавая себѣ никакого вопроса о судьбахъ обитаемаго ими дома. Сидятъ въ укромной теплой каморкѣ, а по хоромамъ вѣтеръ свищетъ, да бѣгають рослая крысы и бархатныя мышки.

Одинъ такой домъ стоялъ невдалекѣ отъ московской Сухаревой башни. Домъ этотъ былъ довольно большой, двухъ-этажный, въ одинъ корпусъ, безъ всякихъ флигелей. Домъ стоялъ посреди большого двора, нѣкогда вымощеннаго камнемъ, а нынѣ заросшаго шелковистою муравкою. На улицу выходила одна каменная ограда съ давно неотворявшимися воротами и ветхой калиткой. Въ кухнѣ дома жилъ дворникъ, какой и долженъ находится въ такомъ домѣ. Это былъ отставной солдатъ, промышлявшій теркою и продажею особеннаго нюхательнаго табаку, а въ сожителствѣ онъ имѣлъ солдатку, не свою, а чужую солдатку, гадавшую сосѣдямъ пустого дома на картахъ. Въ конурѣ у калитки еще жила старая цѣпная собака, и болѣе, казалось, никто не обиталъ въ этомъ домѣ.

Но это только такъ казалось.

По вечерамъ въ калитку дома входили три личности. Первая изъ этихъ личностей былъ высокій, рыжій атлетъ, въ полушубкѣ, человекъ свирѣпаго и рѣшительнаго вида; вторая — его товарищъ, былъ прекоренастый черный мужикъ, съ волосами, нависшими на лобъ. Онъ былъ слѣпъ, угрюмъ и молчаливъ.

Далѣе, сюда входилъ еще молодой парнекъ, котораго здѣсь звали Андреемъ Тихоновичемъ.

Все это были люди безпаспортные и никому изъ ближнихъ сосѣдей ни съ какой стороны не извѣстные.

Слѣпецъ и его рыжій товарищъ жили въ большой, пустой комнатѣ второго этажа и платили сторожу по три четвертака въ мѣсяць, а молодой жидокъ, котораго здѣсь звали Андреемъ Тихоновичемъ, жилъ въ продолговатой узенькой комнатѣ за ними.

Обѣ эти комнаты были совершенно пусты такъ же, какъ и всѣ остальные покои пустого дома.

У мужиковъ на полу лежали два войлока, по одной засаленной подушкѣ въ набойчатыхъ наволочкахъ, синій глиняный кувшинъ съ водою, деревянная чашка, двѣ ложки и мѣшечекъ съ хлѣбомъ; у Андрея же Тихоновича въ покоѣ не было совсѣмъ ничего, кромѣ пузырька съ чернилами, засохшаго гусинаго пера и трехъ или четырехъ четвертушекъ измаранной бумаги. Бумага, чернила и перья скрывались на полу въ одномъ уголкѣ, а Андрей Тихоновичъ ночлеговалъ, сворачивался на окнѣ, безъ всякой подстилки и безъ всякаго возглавiя.

Андрей Тихоновичъ тоже былъ безпаспортный и прожывалъ здѣсь съ половины лѣта, платя сторожу въ мѣсяць по полтиннѣ серебра.

Теперь и Андрею Тихоновичу, и рыжему съ слѣпымъ приходилось плохо. Сторожъ не выгонялъ ихъ; но холода, доходившіе до восьми градусовъ, дѣлали дальнѣйшее пребываніе въ пустомъ, нетопленномъ домѣ довольно затруднительнымъ.

Перелетнымъ птицамъ приходилось искать новаго, болѣе или менѣе теплаго и притомъ опять дешеваго и безопаснаго прiюта; а по этому случаю жильцы пустого дома желчны и безпокойны.

Въ ночь, когда Араповъ поручилъ Нафтулѣ Соловейчику послѣднюю литографскую работу, и когда Соловейчикъ, окончивъ ее, сдѣлалъ два пробные оттиска, онъ, дойдя до забора пустого дома, перескочилъ его за собачьей конурою и, такъ сказать, перекинувшись Андреемъ Тихоновичемъ, прошелъ въ свою пустую казарму.

Часъ былъ поздній, но сосѣди жидка еще не спали: они ругались съ холода.

Андрей Тихоновичъ постоялъ одну минутку, послушалъ и потомъ началъ ходить, безпрестанно останавливаясь и приставляя палецъ ко лбу.

По гримасамъ и ужимкамъ жидовскаго лица видно было,

что въ душѣ Нафтулы Соловейчика кипитъ какой-то смѣ-
лый и опасный планъ, заставляющій его не слышать руга-
тельствъ сосѣдей и не чувствовать немилосердаго холода
пустой горницы.

— Да, такъ, такъ, — проговорилъ къ полуночи Соловей-
чикъ и, вынувъ изъ кармана бумажный сверточекъ, досталъ
оттуда стеариновый огарочекъ. Изъ другого кармана онъ
вынулъ спичку и, добывъ ею огня, сталъ моститься въ
угольничкѣ. Сначала Соловейчикъ капнулъ нѣсколько разъ
на полъ стеариномъ и приставилъ къ незастившимъ еще
каплямъ огарокъ. Потомъ подошелъ къ двери сосѣдей, по-
слушалъ и, отойдя опять на цыпочкахъ, прилегъ къ огарку,
досталъ изъ кармана сверточекъ чистой бумаги, разложилъ
его передъ собою и, вынувъ ломанный перочинный ножикъ,
сталъ поправлять перо.

Черезъ пять минутъ жидокъ, скосоротившись, вывелъ ти-
тулъ должностного лица, которому назначалась бумага, и
остановился. Потомъ покусалъ верхушку пера, пососалъ
губы и началъ: «хотя и находясь въ настоящую время въ
противозаконномъ положеніи безъ усякїи письменный видъ,
но по долгу цести и совѣсти священной обязанностію за
долгъ себѣ всегда поставляю донести, что...» и т. д. Соло-
вейчикъ все писалъ, словно исторію сочинялъ, или новое
поминанье заводилъ. Именъ, именъ въ его сочиненіи было,
какъ блохъ въ собачьей шкурѣ: никого не забылъ и всѣмъ
нашелъ мѣстечко. Прошло болѣе часа, прежде чѣмъ Соло-
вейчикъ окончилъ свое сочиненіе строками: «а посему, если
благоугодно будетъ дозволить мнѣ жительство и снабдить
приказаніями, то я надѣюсь въ сей должности еще полнѣе
оправдать довѣріе начальства».

— Нѣтъ, брешешь! Семь пачекъ я самъ знаю, что есть,
да что въ нихъ въ семи-то пачкахъ? Чортъ ты! Антихристъ
ты, дьяволъ ты этакой; ты меня извести хочешь; ты ду-
маешь, я не вижу, чего ты хочешь, ворнице ты треанасм-
скій! — ругался въ сосѣдствѣ слѣпой.

— Молчи! — прошипѣлъ рыжій.

— Молчи! Нѣтъ, не замолчу, не замолчу, а я тебя въ
Сибирь сошлю.

— Молчи, чтобъ тебѣ высадил.

— Не стану молчать: ты подай мнѣ свою подушку, а

мою возьми. Ты меня обворовалъ: бумажекъ мнѣ навязалъ, а деньги себѣ взялъ.

— Молчи!—прошипѣлъ рыжій.

— Не замолчу, я до государя доведу. Я виноватъ, я и повинюсь, что я виноватъ: казните, милуйте: загубилъ христіанскую душу. Тебя просилъ: не грѣши, Антошка; дѣли какъ по-божннскому. вмѣстѣ били почтальона, вмѣстѣ намъ и казна пополамъ, а ты теперь, видя мое калѣчество, что мнѣ напхалъ въ подушку?

— Молчи, чортъ, въ подушкѣ твои деньги.

— Врешь: ты деньги, вытащилъ, а напхалъ бумажекъ. Я вчера досталъ одну, всѣмъ показывалъ: вотъ, говорю, баринъ одинъ мнѣ сигнацію подарилъ; говорятъ: чайная бумажка. Это ты, разбойникъ, это твое дѣло.

Соловейчикъ обезумѣлъ.

— Подай мнѣ свою подушку, — кричалъ разъяренный слѣпецъ.

— Молчи, дьяволъ!—шипѣлъ рыжій.

— Подай.

— Убью, молчи.

— А, убьешь!—проревѣлъ слѣпой, и вслѣдъ затѣмъ рыжій вскрикнулъ.

Соловейчикъ толкнулъ дверь и увидалъ, что слѣпой спидъ на рыжемъ и душитъ его за горло, а тотъ одною рукою слабо защищается, а въ другой держитъ набойчатую подушку.

Еврей въ одно мгновеніе сообразилъ: онъ схватилъ свой перочинный ножикъ, подскочилъ съ нимъ къ борющимся, ловко воткнулъ лезвее ножа въ лѣвый глазъ рыжаго, и въ то же мгновеніе схвативъ выпущенную нищимъ подушку, слетѣлъ съ лѣстницы и, перебросившись съ своимъ приобрѣтеніемъ черезъ заборъ, ударился по улицѣ.

На дворѣ былъ холодъ, звонили къ заутренямъ и изъ переулочковъ выныривали темныя личности, направлявшіяся съ промышленнымъ ночью товарцемъ къ Сухаревой, Лубянкѣ и Смоленскому рынку.

Соловейчикъ, разумѣется, никому не продалъ своей подушки и теперь уже не думалъ о забытомъ на прежней квартирѣ сочиненіи, со множествомъ знакомыхъ и незнакомыхъ намъ именъ.

Сочиненіе это, въ числѣ прочихъ бумагъ бѣжавшаго Со-

ловейчика, черезъ нѣкоторое время было взято сторожемъ пустого дома и поступило на коническія закрутки, при мелочной продажѣ нюхательнаго табаку.

Дальнѣйшая судьба этого сочиненія достоверно неизвѣстна. Но если въ это время у сторожа никто не купилъ табаку полфунта разомъ, то врядь ли сочиненіе Соловейчика сохранился для потомка, который задумаетъ вполне изобразить своимъ современникамъ всѣ многообразныя чудеса вашего достославнаго времени.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Генераль Стрепетовъ.

Вскорѣ послѣ описанныхъ послѣднихъ событій, Розановъ съ Райперомъ спѣшно проходили по одному разметенному и усыпанному пескомъ московскому бульвару. Стоялъ ясный осенній день, и бульваръ былъ усеянъ народомъ. На Спаской баннѣ пробило два часа.

Райнеръ съ Розановымъ шли довольно скоро и не обращали вниманія на бульварную толпу.

На одной лавочкѣ, въ концѣ бульвара, сидѣлъ высокій сутуловатый человѣкъ, съ большою головою, покрытою совершенно бѣлыми волосами и съ сильнымъ выраженіемъ непреклонной воли во всѣхъ чертахъ умнаго лица. Онъ былъ одѣтъ въ ватную военную шинель старой формы, съ капюшономъ и въ широкодонной военной фуражкѣ, съ бархатнымъ околышемъ и красными кантами.

Рядомъ съ этимъ человѣкомъ сидѣлъ Илья Артамоновичъ Нестеровъ.

Оба эти лица вели между собою спокойный разговоръ, который, однако, не текъ плавнымъ потокомъ, а шелъ лаконически, отдѣльными замѣчаніями, насмѣшками и сдержанными улыбками, дополнявшими лаконическія недомолвки устной рѣчи.

Изъ толпы людей, проходившихъ мимо этой пары, многіе отвѣщивали ей низкіе поклоны. Кланялись и старики, и кремлевскіе псаломщики, и проходившій казанскій протопопъ, и щеголеватый коммисаръ съ Кузнецкаго моста, и толстый хозяинъ трехъ лавокъ изъ Охотнаго ряда, и университетскій студентъ въ ветхихъ панталонахъ съ обитыми низками и въ зимнемъ пальто, подбитомъ весеннимъ вѣтромъ.

Военный старикъ спокойно снималъ свою фуражку и совершенно съ одинаковымъ вниманіемъ отвѣчалъ на каждый поклонъ. Съ нимъ вмѣстѣ откланивался и Илья Артамоновичъ. Иногда военный старикъ останавливалъ кого-нибудь изъ извѣстныхъ ему людей и предлагалъ одинъ-два короткіе вопроса и затѣмъ опять дѣлалъ своему сосѣду короткія односложныя замѣчанія, послѣ которыхъ они улыбались едва замѣтною улыбкою и задумывались.

Поровнявшись съ этою парюю, Розановъ, несмотря на свою сосредоточенность, замѣтилъ ее и поклонился.

— Кому это вы кланялись? — спросилъ, оглядываясь, Райнеръ.

— Вонъ тому старику.

— Кто жъ это такой?

— Генераль Стрепетовъ, — съ нѣкоторою національною гордостью отвѣчалъ докторъ.

— Вотъ это-то Стрепетовъ! — воскликнулъ Райнеръ.

— Будто вы его не узнали?

— Я его никогда не видалъ. Какая голова львиная!

— Да, это голова.

— Вы съ нимъ знакомы?

— Нѣтъ: ему здѣсь всѣ кланяются.

— Съ кѣмъ же это онъ сидитъ?

— А это купецъ Нестеровъ, старовѣръ.

Докторъ съ Райнеромъ повернули съ бульвара направо и исчезли въ одномъ переулкѣ.

Можно было предположить, что докторъ только отвелъ куда-то Райнера, гдѣ не требовалось его собственнаго присутствія, ибо онъ вскорѣ снова появился на бульварѣ и такъ же торопливо шелъ въ обратную сторону.

Генераль и старовѣръ еще сидѣли на той же лавочкѣ. Толпа стала рѣдѣть.

— Господину доктору, — произнесъ Нестеровъ, кланаясь во второй разъ Розанову.

— Здравствуйте, Илья Артамоновичъ, — отвѣтилъ Розановъ, откланиваясь и не останавливая своего шага.

— Здравствуйте, господинъ докторъ! — вдругъ неожиданно произнесъ генераль Стрепетовъ.

Доктора очень удивило это неожиданное привѣтствіе, и онъ, остановясь, сдѣлалъ почтительный поклонъ генералу.

— Не хотите ли присѣсть? — спросилъ его Стрепетовъ, показывая рукою на свободную половину скамейки.

Розановъ поблагодарилъ.

— Присядьте, прошу, — повторилъ генераль.

Розановъ сѣлъ.

— Устали? — началъ Стрепетовъ, внимательно глядя въ лицо доктора.

— Нѣтъ, не особенно усталъ.

— Что, вы давно въ Москвѣ?

— Нѣтъ, очень недавно.

— Здѣшняго университета?

— Нѣтъ, я былъ въ кievскомъ университетѣ.

— Значить, панъ муви по-польску: «бардзо добжэ».

— Я говорилъ когда-то по-польски.

— Ну, а что у насъ въ университетѣ?

— Кажется, ничего теперь.

— Депутація вернулась?

— Да, они возвратились.

— Не солоно хлебавши, — досказалъ генераль съ ядовитою улыбкой, въ которой, впрочемъ, не было ничего особенно обиднаго для депутатовъ, о которыхъ шла рѣчь.

Генераль еще пошутилъ съ Розановымъ и простился съ нимъ и Нестеровымъ у конца бульвара.

Вечеромъ въ этотъ день докторъ зашелъ къ маркизѣ: она сидѣла запершись въ своемъ кабинетѣ съ полковникомъ Степаненко.

Докторъ ушелъ къ себѣ, взялъ книгу и завалился на диванъ.

Около полночи къ нему зашелъ Райнеръ.

— Что это у нашей маркизы? — спросилъ онъ на первомъ шагу, входя къ Розанову.

— А что?

— Такая таинственность. Шторы спущены, двери кругомъ заперты и никого не принимаетъ.

— Она съ Степаненко сидитъ.

— То-то, что жъ это тамъ за секреты вдругъ.

— Да такъ, другъ друга на выгонки пугаютъ.

Райнеръ засмѣялся.

— Комедія, право, — весело вставилъ докторъ: — трусь труса пугаетъ. Вотъ, Райнеръ, нѣтъ у насъ знакомаго полицейскаго, надѣтъ бы мундиръ да въ дверь. Только духъ бы сильный пошелъ.

Райнеръ опять засмѣялся.

— А что на сходкѣ?—спросилъ докторъ.

— Ахъ, тоже безтолковщина. Начнутъ о дѣлѣ, а свернутъ опять на шпионовъ.

— Вы заходили къ Бахаревымъ?

— Да, на минутку былъ, — отвѣчалъ Райнеръ довольно сухо и какъ бы вовсе нехотя.

Докторъ пересталъ спрашивать и продолжалъ чтеніе. Райнеръ остался у него ночевать, раздѣлся и тотчасъ же уснулъ.

Утромъ Райнеръ съ докторомъ собирались выйти вмѣстѣ и, снаряжаясь, пошучивали надъ вчерашнимъ экстреннымъ засѣданіемъ у маркизы. Райнеръ говорилъ, что ему надо ѣхать въ Петербургъ, что его вызываютъ.

Въ это время въ воротахъ двора показался высокій человекъ въ волчьей шубѣ съ кашушономъ и въ киверообразной фуражкѣ. Онъ докликался дворника, постоялъ съ нимъ съ минуту и пошелъ прямо въ квартиру Розанова.

Розановъ все это видѣлъ изъ окна и никакъ не могъ понять, чтѣ бы это за посѣтитель такой?

Черезъ минуту это объяснилось: это былъ лакей генерала Стрететова, объявившій, что генераль приказали кланяться и просятъ побывать у нихъ сегодня вечеромъ.

Лакей ничего не сказалъ больше.

Докторъ обѣщался прійти. Цѣлый день онъ ломалъ себѣ голову, отыскивая причину этого приглашенія и путаясь въ разныхъ догадкахъ. Райнера тоже это занимало.

Вечеромъ въ половинѣ восьмого часа, Розановъ выпилъ наскоро стаканъ чаю, вышелъ изъ дома, сторговалъ извозчика на Мясницкую и поѣхалъ.

На Мясницкой докторъ остановился у невысокаго каменнаго дома съ мезонинномъ и вошелъ въ калитку. Вечеръ былъ темный, какъ вообще осенніе вечера въ срединной Россіи, и домъ, выкрашенный грязно-желтою краскою, смотрѣлъ нелюдно и непривѣтливо. Въ двухъ окнахъ ближе къ старинному крыльцу свѣтилось, а далѣе въ окнахъ было совсѣмъ черно и только въ одномъ изъ нихъ вырѣзалась слабая полоска свѣта, падавшая изъ какого-то другого помещенія.

Въ передней на желтомъ коникѣ сидѣлъ довольно пожилой лакей и сладко плевать носомъ. Около него, обло-

котясь руками на столъ, спалъ казачокъ. Въ передней было чисто: стояла ясеневая вѣшалка съ военными шинелями, пальто п тулупчикомъ, маленькій столикъ, зеркало и коникъ, а на стѣнѣ висѣлъ жестяной подсвѣчникъ съ зеркальнымъ рефлекторомъ, такой подсвѣчникъ, какой въ Москвѣ почему-то называется «передней лампой».

При входѣ доктора старый лакей проснулся и толкнулъ казачка, который всталъ, потянулся и опять опустился на коникъ.

Розанову вся эта обстановка нѣсколько напоминала гурберскіе нравы.

— Дома генераль?—спросилъ онъ лакея.

— У себя-съ,—отвѣчалъ старикъ.

— Могу я его видѣть?

— Вы чиновникъ?

— Нѣтъ, не чиновникъ,—отвѣчалъ докторъ.

— Пожалуйте,—ласково пригласилъ старикъ, вѣшая докторское пальто.

— Кто же доложитъ обо мнѣ?—спросилъ докторъ.—Надо доложить, что Розановъ, за которымъ Александръ Павловичъ присылалъ нынче утромъ.

— Пожалуйте, пожалуйста, докладывать не надо. Я вотъ только посвѣчу вамъ: генераль въ своемъ кабинетѣ, въ мезонинѣ.

Докторъ, слѣдуя за лакеемъ, прошелъ черезъ залу, которая, при минутномъ освѣщеніи, обратила на себя его вниманіе крайнею простотою убранства; затѣмъ они повернули въ коридоръ и стали подниматься по деревянной лѣстницѣ.

Дойдя до поворота, гдѣ лѣстница образовывала небольшую площадку, лакей со свѣчою остановился и, сдѣлавъ доктору знакъ, пропустилъ его впередъ.

Докторъ одинъ, безъ провожатаго, поднялся на вторую половину лѣстницы и очутился въ довольно большой комнатѣ, гдѣ за столомъ сидѣлъ весьма почтенный человѣкъ и читалъ газету.

При появленіи доктора человѣкъ всталъ, окинулъ его съ ногъ до головы спокойнымъ, умнымъ взглядомъ и, взявшись за ручку одной изъ боковыхъ дверей, произнесъ вполголоса:

— Пожалуйте.

Въ отворенную дверь Розановъ увидѣлъ еще большую комнату, съ диванами и большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ. На этомъ столѣ горѣли двѣ свѣчи и ярко освѣщали величественную фигуру колоссальнаго сѣдого орла.

Этотъ орелъ былъ генераль Стрепетовъ.

Генераль Стрепетовъ сидѣлъ на креслѣ по самой срединѣ стола и, положивъ на руки большую бѣлую голову, читалъ толстую латинскую книжку. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрый тулупчикъ на лисьемъ мѣху, синія суконныя шаровары со сборками на животѣ и безъ галстука. Ноги мощнаго старика, обутыя въ узорчатые азіатскіе сапоги, покоились на раскинутой подъ столомъ медвѣжьей шкурѣ.

При входѣ доктора генераль поднялъ голову, покрылъ ладонью глаза и, всмотрѣвшись въ гостя, произнесъ:

— Прошу-покорно.

Докторъ поклонился.

— Очень благодаренъ, что пожаловали, — сказалъ опять Стрепетовъ и, указывая на стулъ, стоявшій сбоку стола, добавилъ:—прошу садиться.

Докторъ ничего не отвѣчалъ и молча сѣлъ на указанный ему стулъ.

Стрепетовъ вынулъ изъ кармана синій фуляръ съ бѣлыми кольцами, осмотрѣлъ его и, громко высморкавшись, спросилъ:

— Вы вѣдь изъ революціонеровъ?

Розановъ смѣшался.

Стрепетовъ, свертывая платокъ, взглядывалъ исподлобья на Розанова.

— Это не хорошо отречься отъ своего званія, — замѣтилъ Стрепетовъ, послѣ довольно долгой паузы.

— Я не знаю, что вы хотите сказать этимъ? — проговорилъ смущенный Розановъ.

Стрепетовъ посмотрѣлъ на него и, не сводя своего орлиаго взгляда, сверкавшаго пзъ-подъ нависшихъ бѣлыхъ волосъ, началъ:

— Я васъ сконфузилъ. Это угѣнительно: значитъ, вы, дѣйствительно, еще русскій человекъ, своего смысла не утратили. Чувствуете, что затѣваютъ дѣло не ладное.

Докторъ выжидалъ, что будетъ далѣе.

— Р-е-в-о-л-ю-ц-і-я! — произнесъ съ большою разстановкою Стрепетовъ.—Это какое слово? Слышится, будто что-то

какъ перусское, а? Съ кѣмъ же это вы хотите дѣлать революцію на Руси?

— Вы мнѣ, Александръ Павловичъ, уже разъ замѣтили, что я отрекаюсь отъ своего званія, а мнѣ и еще разъ придется отречься. Я никакой революціи не затѣваю.

— Вѣрю. Ну, а другіе?

— Почему же мнѣ знать, что думаютъ другіе! «У всякаго барона своя фантазія».

— У всякаго есть свой царь въ головѣ, говорится по-русски,—замѣтилъ Стрепетовъ.—Ну, а я съ вами говорю о тѣхъ, у которыхъ свой царь-то въ отпускѣ. Вы, вѣдь, ихъ знаете, а Стрепетовъ старый солдатъ, а не сыщикъ, и ему, кромѣ плутовъ и воровъ, всѣ вѣрятъ.

— И я вамъ вѣрю,—произнесъ Розановъ, смѣло и откровенно глядя въ грозное лицо старика.

Теперьшній Стрепетовъ былъ не похожъ на Стрепетова, сидѣвшаго вчера на лавочкѣ бульвара. Онъ былъ суровъ и гнѣвнъ. Умный лобъ его морщился, брови сдвигались, онъ певелилъ своими большими губами и грозно смотрѣлъ въ сторону изъ-подъ нависшихъ бровей. Даже бѣлый стогъ волосъ на его головѣ какъ будто двигался и шевелился.

«Недаромъ тобой дѣтей-то пугали»,—подумалъ Розановъ, сидя спокойно и храня мертвое молчаніе.

Это тянулось нѣсколько минутъ.

— Ассессоръ! — крикнулъ, наконецъ, Стрепетовъ, ударяя два раза въ ладоши.

По лѣстницѣ раздался шагъ спускающагося человѣка, потомъ по ней кто-то быстро взбѣжалъ и въ комнату вошелъ казачокъ.

— Прикажи подать чаю, — велѣлъ Стрепетовъ, и опять водворилось молчаніе.

Черезъ десять минутъ подали генералу большую чайную чашку чаю, а Розанову стаканъ.

— Вы и *должны* мнѣ вѣрить,—раздражительно произнесъ Стрепетовъ, проглотивъ два глотка чаю.

— Я вамъ и вѣрю,—отвѣчалъ Розановъ.

— Со мной нечего бояться откровенности. Откровенличете же съ кѣмъ попало, лишь бы вамъ потакали по вась.

— Я съ вами готовъ быть совершенно откровеннымъ,—спокойно произнесъ Розановъ.

Генераль взглянул на него и потребовал себѣ другую чашку чаю.

Онъ видимо обезоруживался, но оставался чрезвычайно возбужденнымъ и серьезнымъ.

— Кто жъ это у васъ коноводомъ? Кто этимъ дѣломъ коноводить?

— Я хочу отвѣчать вамъ, Александръ Павловичъ, совершенно откровенно, а мой отвѣтъ опять вамъ можетъ показаться уверткой: никакого коновода я не знаю, и никто, мнѣ кажется, ничѣмъ не коноводить.

Стрепетовъ взглянул на доктора, потомъ хлебнулъ чаю и проговорилъ:

— Ну, это значить еще умнѣе.

— Такъ оно и есть, какъ я говорю.

— А какой это иностранецъ тутъ у васъ сидить?

— Вѣрно вы изволили слышать о Райнеръ?

— Можетъ-быть. Что жъ оно такое этогъ, какъ вы его называсте, Райнеръ?

— Очень честный и умный человекъ.

— Отзывъ завидный. Вы его хорошо знаете?

— Утвердительно на этогъ вопросъ отвѣчать не могу; но мы приятели.

— А-а?

— Да.

— Откуда жъ у васъ началось съ нимъ знакомство?

Докторъ рассказалъ въ общихъ чертахъ все, что мы знаемъ.

— И вамъ не пришло въ голову ничего разузнать, чего онъ сидитъ здѣсь, въ Россіи?

— Онъ очень скрытенъ.

— Значить, одинъ за всѣхъ молчитъ. Ну-съ, а если онъ?..

— Это клевета, Александръ Павловичъ, это невозможно: я головою отвѣчаю, что онъ честный человекъ.

— Ну, съ головою-то, батюшка, не торопитесь: она вѣдь пока одна у васъ. Вѣдь не за деньгами же онъ пріѣхалъ?

— Нѣтъ.

— Значить, что же онъ такое?

— Если вамъ угодно... пожалуй, революціонеръ.

— Ну, да, *соціалистъ*, конечно. Другого-то вѣдь ничего быть не можетъ.

Докторъ промолчалъ.

— Ну, вотъ. А говорите: *умный челоуѣкъ* онъ; какой ужъ тутъ умъ.

— Эхъ-ма хма!—протянуль, немного помолчавъ и глубоко вздохнувъ, Стрепетовъ: — какіе-то социалнсты, да клубисты! Бѣдная ты, наша матушка Русь. Съ такими опекунами да помощниками не скоро ты свою муштру отмуштруешь.

— Ну, а эти мокроногія у васъ при какихъ же должностяхъ?

— Вы говорите о...

— Ну, о вашихъ француженкахъ-то.

— Ни при какихъ, мнѣ кажется. Болтаютъ и только.

— Экія сороки! Нѣтъ, ей-ей, право, это начальство со-всѣмъ безъ сердца. Ну, что бы такое хоть одну изъ нихъ поугаты; взять бы, да поугаты блохъ-то.

— Да взять-то не за что.

— Да такъ, изъ вѣжливости, а то бьются, бьются бабы, и никакого имъ поощренія нѣтъ.

Докторъ улыбнулся и самъ генераль не выдержалъ, разсмѣялся.

— Зачѣмъ же вы, господа, раскольниковъ-то путаете?— началъ Стрепетовъ.— Ну, помилуйте скажите: есть ли тутъ смыслъ? Ну, что общаго, напимѣръ, скажемъ, хоть съ этими вашими сойгами у русскаго челоуѣка?

— Мнѣ кажется, ихъ не мѣшаютъ.

— А книженки на Волгу черезъ кого посылали?

Докторъ недоумѣвалъ.

— Вы полагаете, что я этого не знаю. Слухомъ, батюшка, земля полнится. Я съ-диву дался, узнавши это. Вчера ихъ мужики только отколотили при всемъ честномъ народѣ, а они опять съ ними заигрываютъ.

— Я ни о чемъ такомъ не имѣю никакого понятія,— проговорилъ Розановъ.

Стрепетовъ зорко посмотрѣлъ на него исподлобья и проговорилъ:

— Какъ же-съ, какъ же! Шляя Артамоновичъ всю эту кладь въ воду спустиль.

— Бросилъ книжки въ воду?

— Бросилъ-съ.

— Въ обществѣ полагаютъ, что раскольники недовольный элементъ.

— А вы какъ полагаете, господинъ докторъ?

— И я такъ же думаю.

— И думаете, что они пойдутъ войною противъ царя?

— Нѣтъ, я этого не думаю.

— То-то и есть: вы вѣдь живали въ народѣ, вамъ стыдно не знать его; ну, какой же онъ революціонеръ? Эхъ, господа! господа!

— Мнѣ будетъ странно говорить вамъ, Александръ Павловичъ, что я, вѣдь, самъ ональный. Я безъ мало почти то же самое часто рассказываю. До студентской исторіи я вѣрилъ въ общественное сочувствіе; а съ тѣхъ поръ я вижу, что все это сочувствіе есть одна модная фраза.

— И умно дѣлаете. Затѣмъ-то я васъ и позвалъ къ себѣ. Я старый солдатъ; мнѣ, можетъ-быть (извините меня), съ революціонерами и говорить бы, пожалуй, не слѣдовало. Но пусть каждый думаетъ, кто какъ хочетъ, а я по-своему всегда думалъ и буду думать. Молодежь есть наше упованіе и надежда Россіи. Къ такому положенію нельзя оставаться равнодушнымъ. Ихъ жалко. Я не говорю объ университетскихъ исторіяхъ. Тутъ что жъ говорить! Тутъ говорить нечего. А есть, говорятъ, другія затѣи...

Генераль вдругъ остановился и пронизательно посмотрѣлъ въ глаза доктору. Тотъ выдержалъ этотъ взглядъ спокойно.

— Вѣдь все вздоры какіе-то.

— Это ясно,—проговорилъ докторъ.

— Да какъ же не ясно? Надо изъ ума выжить, чтобъ не видать, что все это безуміе. Изъ раскольниковъ, смиреннѣйшихъ людей въ мірѣ, которымъ дай только право молиться свободно, да вѣрить по-своему, революціонеровъ посочинили. Тутъ... вонъ... общину въ коммуну перетолковали: сумасшествіе, да и только! Недостаетъ, чтобъ еще въ храмъ Божию манифестацію сдѣлали: разнымъ этапія афиши, что ли, бросили... такъ народъ-то еще одинъ разъ кулаки почешетъ.

Генераль опять воззрися въ глаза доктора. Тому очень трудно было сохранить спокойствіе, но онъ сохранилъ его, гоже какъ человѣкъ, который рѣшилъ, что онъ будетъ дѣлать.

— Дѣти!—произнесъ генераль, и послѣ нѣкоторой паузы, началъ опять.—А вы вотъ что, господинъ докторъ! Вы ихъ тамъ болѣе или менѣе знаете, и всѣхъ ихъ попытиѣ,

такъ вы должны вести себя честно, а не хромать на оба колѣна. Говорите мнѣ прямо въ глаза правду, пользуйтесь вашимъ положеніемъ... На вашей совѣсти будетъ, если вы мнѣ не воспользуетесь.

— Я принимаю вашъ совѣтъ и что могу сдѣлаю,—отвѣчалъ, подумавъ. Розановъ.

— Ну, давайте руку. Я очень радъ, что я въ васъ не ошибся. Теперь прощайте. Мы все переговорили и я усталъ: силы плохи.

Докторъ поднялся.

— Прощайте, — ласково сказала Стрепетовъ. — Богъ дастъ еще, можетъ-быть, увидимся, не на этомъ свѣтѣ, такъ на томъ.

Докторъ пожалъ протянутую ему старикомъ руку.

«Такъ вотъ вы какіе гуси! Кротами подъ землею роетесь, а наружу щепки летятъ. Нечего сказать, ловко дѣйствуете!» — подумалъ Розановъ и, не возвращаясь домой, нанялъ извозчика въ Лефортово.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Измѣна.

Было уже близко къ полуночи, когда Розановъ остановился въ Лефортовѣ у дома, гдѣ жилъ слѣдственный приставъ Нечай и Араповъ.

Долго докторъ дергалъ за веревку, прежде чѣмъ заспанный Антропъ Ивановичъ вышелъ и отперъ ему калитку.

Розановъ не зашелъ къ Нечая, а прямо постучался въ квартиру Арапова. Босая Липка откинула дверной крючокъ и, впустивъ Розанова безъ всякаго опроса, бросилась опрометью на свой блошливый войлокъ.

Розановъ потрогалъ дверь араповскаго ложементъ, — она была заперта. Не поднимая никакого шума, докторъ отперъ дверь своимъ ключомъ и, войдя, тотчасъ же заперъ за собою двери и не вынулъ ключа, такъ чтобы уже еще никто не могъ отпереть ее, а долженъ былъ бы постучаться.

Въ комнатахъ Арапова было тихо и темно. Только чуть-чуть на этой темнотѣ намѣчались туманные пятна, обозначающія мѣста оконъ.

Докторъ, пройдя первую комнату, кликнулъ вполголоса Арапова и Персіянцева; никто не отзывался. Онъ нащу-

паль араповскую кровать и диванъ, — тоже никого нѣтъ. Розановъ толкнулъ дверь въ узенькій чуланчикъ. Изъ-подъ пола показалась свѣтлая линія. Наклонясь къ этой линіи, Розановъ взялся за желѣзное кольцо и приподнять люкъ погребѣ. Изъ творила на него пахнуло сыростью, а трепетный свѣтъ изъ ямы въ одно мгновеніе погасъ, и доктора окружила совершенная тьма и сверху, и снизу, и со всѣхъ сторонъ.

— Араповъ! — крикнулъ докторъ, наклонясь надъ открытымъ твориломъ.

Отвѣта не было.

— Араповъ! — произнесъ онъ во второй разъ. — Это я, Розановъ, и больше никого нѣтъ.

— Это вы, Дмитрій Петровичъ? — отозвался изъ ямы голосъ Персіянцева.

— Да я же, я, — откликнулся докторъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ погребѣ черкнула фосфорная спичка, и опять освѣтилась и яма, и творило.

Докторъ полѣзъ въ яму.

Подземная картина была очень оригинальна.

Она помѣщалась въ узенькомъ, но довольно глубокомъ погребкѣ, какіе московское купечество весьма часто устраиваетъ въ отдаленныхъ комнатахъ своихъ домовъ для храненія винъ, мариновки, варенья и прочихъ вещей, до которыхъ не положено касаться наемной рукѣ, а за которыми ходитъ сама хозяйка, или ея дочь, или свояченица, или падчерица.

Въ дальнемъ углу, на кирпичномъ полу этого кирпичнаго погребѣ стоялъ на колѣняхъ Персіянцевъ. Передъ Персіянцевымъ лежалъ весьма небольшой литографическій камень, черепокъ съ типографской краской, кожаный валикъ, полоскательная чашка съ водою, губка и огромная грязная тряпка. На одной изъ прилаженныхъ по стѣнамъ полокъ можно было замѣтить кучку бумажныхъ листовъ маленькаго формата, такъ, менѣе чѣмъ въ осьмушку. Съ краевъ полокъ свѣшивалось и торчало много, много такихъ же клочковъ. На полу, въ углу, шагахъ въ трехъ отъ Персіянцева, свернувшись, лежалъ барсукъ.

Все это слабо освѣщалось одною стеариновою свѣчкою, стоявшею передъ литографическимъ камнемъ, за которымъ на корточкахъ сидѣлъ Персіянцевъ. — При этомъ слабомъ

освѣщеніи, совершенно исчезавшемъ на темныхъ стѣнахъ погреба, и только съ грѣхомъ пополамъ озарявшемъ камень и работника, молодой энтузіастъ какъ нельзя болѣе напомнилъ собою швабскаго поэта, обращеннаго хитростью Ураки въ монса и обязаннаго кинятить горшокъ у вѣдьмы до тѣхъ поръ, пока его не размопситъ совершенно непорочная дѣвица.

При входѣ Розанова онъ разогнулся, поправилъ поясницу и сказалъ: «ухъ! работаю».

— А много ли сдѣлали?

— Да вотъ четвертую сотню качаемъ. Бумага паскудная такая. что мочи нѣтъ. Красная и желтая ничего еще, а эта синяя,—чортъ ее знаетъ,—вся подъ валомъ крутится. Или опять и зеленая; вотъ и глядите, ни чорта на ней не выходитъ.

Персіянецъ прокатилъ валькомъ.

— Мастеръ вы, видно, плохой,—сказалъ Розановъ.

— И у Арапова такъ точно выходило.

— А гдѣ Араповъ?

— Онъ въ городѣ долженъ быть.

— Что жъ, вы еще много будете печатать?

— Да, до пятисотъ надо добить. Только спать мочи пѣтъ хочется. Двѣ ночи не спалъ.

— То-то я и зашелъ: ложитесь, а я поработаю.

Персіянецъ всталъ и зажегъ папирску.

Докторъ сѣлъ на его мѣсто, внимательно осмотрѣлъ камень, стеръ губкой, намазалъ его, потомъ положилъ листокъ и тишннулъ.

— Это пятно ужъ на всѣхъ есть? — спросилъ онъ Персіянцева, показывая оттискъ.

— На всѣхъ. Никакъ его нельзя было обойти на камнѣ.

— Ну, идите, спите спокойно. Ключъ тамъ въ двери; вы его и не вынимайте. Я не лягу спать, и если Араповъ вернется, услышу.

Персіянецъ вышелъ изъ погреба и повалился на диванъ. Онъ былъ очень утомленъ и заснулъ въ ту же минуту.

По выходѣ Персіянцева, Розановъ, сидя на корточкахъ, опустилъ руки на колѣни и тяжело задумался. Въ погребѣ уже болѣе часа долетали рулады, которыя вырабатывалъ носомъ и горломъ сонный Персіянецъ; приготовленные бумажки стали вянуть и съ уголковъ закручиваться; стеари-

новая свѣчка стала много ниже ростомъ, а Розановъ все находился въ своемъ столбняковомъ состояніи.

Это продолжалось еще и другой часъ, и третій. Свѣчи ужъ совсѣмъ оставалось намалѣ; ночь проходила.

Докторъ, наконецъ, очнулся и тихо сказалъ самъ себѣ:

— Нѣтъ, ничего все это не стѣднѣ.

Затѣмъ онъ спокойно всталъ, потеръ ладонями переспяженныя колѣни, собралъ всѣ отпечатанныя литографіи и приготовленные листки, сложилъ ихъ вмѣстѣ съ губкою и валькомъ въ большую тряпку и пронесъ мимо Персіянцева въ большую комнату. Здѣсь докторъ открылъ осторожно трубу, сунулъ въ печку все принесенное имъ изъ погреба и, набивъ туда еще нѣсколько старыхъ араповскихъ корректуръ, сжегъ все это и самымъ тщательнымъ образомъ перемѣшалъ пепелъ съ печною золою. Послѣ этой операціи Розановъ вернулся въ погребъ, подобралъ окурки папиросъ и всякій соръ, выкинулъ все это наверхъ, потомъ взялъ камень, вынесъ его наружу, опустилъ люкъ и опять, пройдя мимо крѣпко спавшаго Персіянцева, осторожно вышелъ изъ Араповской квартиры съ литографскимъ камнемъ подъ полюю.

Дворъ уже былъ отпертъ и Антропъ Ивановичъ привязывать спущенную на ночь Алегру.

Докторъ долго шелъ пѣшкомъ, потомъ взялъ извозчика и поѣхалъ за Москву-рѣку.

На небѣ чуть сѣрѣло, и по улицамъ уже встрѣчались люди, но было еще темно.

У Москворѣцкаго моста Розановъ отпустилъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ. Черезъ двѣ минуты что-то бухнуло въ воду и потонуло.

Два проходившіе мѣщанина оглянулись на доктора: онъ оглянулся на нихъ, и каждый пошелъ своею дорогою.

Съ моста докторъ взялъ переулкомъ налѣво и, встрѣтивъ другого извозчика, порядилъ его домой и поѣхалъ.

На дворѣ все еще не было настоящаго свѣта, а такъ только—сѣрѣлось.

ГЛАВЫ СЕМНАДЦАТАЯ и ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

На столѣ въ своей пріемной комнатѣ Розановъ нашелъ записку Арапова.

«Я, Бычковъ и Персіянцевъ были у васъ и всѣ втроемъ

будемъ снова въ 12-ть часовъ. Надѣюсь, что въ это время вы будете дома и потрудитесь на нѣсколько минутъ оставить свою постель. Мы имѣемъ къ вамъ дѣло».

Подписано: «А. А.»

По тону записки и торжественности разъѣздовъ въ трехъ липахъ, Розановъ догадался, за какимъ объясненіемъ явятся Бычковъ, Персіяицевъ и Араповъ

Онъ посмотрѣлъ на свои часы, было четверть двѣнадцатаго.

Розановъ сѣлъ и распечаталъ конвертъ, лежавшій возлѣ записки Арапова. Это было письмо отъ его жены. Ольга Александровна въ своемъ письмѣ и лгала, и ползала, и бѣсилась. Розановъ все читалъ равнодушно, но при послѣднихъ строкахъ вскочилъ и поблѣднѣлъ. Письмо вдругъ переходило въ тонъ исключительно нѣжный и заключалось выраженіемъ рѣшительнѣйшаго намѣренія Ольги Александровны въ самомъ непродолжительномъ времени прибыть въ Москву для совмѣстнаго сожителства съ мужемъ, на томъ основаніи, что онъ ей мужъ и что она еще надѣется на его исправленіе.

— Еще мало!--произнесъ, опускаясь на стулъ Розановъ, и, дѣйствительно, этого было еще мало, даже на сегодня этого было мало.

У дверей Розанова послышался лошадиный топотъ.

Это вваливали Араповъ, Бычковъ и Персіяицевъ.

Впереди всѣхъ шелъ Араповъ.

Огонь горѣлъ въ его очахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрлась.

За нимъ съ простодушно-кроваваднымъ рыломъ двигался въ-развалъ Бычковъ, въ огромныхъ ботикахъ и спущенной съ плечъ шинели, а за ними дѣвственный Персіяицевъ.

Вшедшіе не поклонились Розанову и не протянули ему рукъ, а остановились молча у стола, за которымъ его застали.

— Господинъ Розановъ, вы уничтожили въ самомъ началѣ общее дѣло, вы злоупотребляли нашимъ довѣріемъ.

— Да, я это сдѣлалъ.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Затѣмъ, чтобы всѣхъ васъ не послали понапрасну въ катергу.

Араповъ постоялъ молча и потомъ, обратясь къ Бычкову и Персіянцеву, произнесъ:

— Разговаривать болѣе нечего; господинъ Розановъ врагъ нашъ и человѣкъ достойный всякаго презрѣнія. Господинъ Розановъ!—добавилъ онъ, обратясь къ нему:—вы человѣкъ, съ которымъ мы отнынѣ не желаемъ имѣть ничего общаго.

— Сердечно радуюсь,—отвѣтилъ Розановъ.

Араповъ завернулся и пошелъ къ двери. За нимъ слѣдовали Бычковъ и воздыхающій Персіянецъ.

— Что это за таинственные посѣтители? — спросилъ, входя къ Розанову, Лобачевскій, изъ комнаты котораго чрезъ двери былъ слышенъ этотъ разговоръ.

— Это мои знакомые,—отвѣчалъ сквозь зубы Розановъ.

— Съ которыми вы строили планы?—самымъ серьезнымъ тономъ спросилъ Лобачевскій.

Розанову стало очень совѣстно; всѣ его московскія похождения представились ему какъ на ладони.

«Гдѣ же умъ былъ?» — спрашивалъ онъ себя, шагая по комнатѣ.

«Бросилъ одну прорву, попалъ въ другую, и все это даже не жалко, а только смѣшно и для моихъ лѣтъ непростительно глупо. Вошь диссертация валяется... а дома Варинька...»

Тутъ опять ему припоминался труженикъ Нечай, съ его нескончаемою работою и спокойнымъ презрѣниемъ къ либеральному шутовству, а потомъ этотъ спокойно слѣдящій за нимъ глазами Лобачевскій, весь сколоченный изъ трудолюбія, любознательности и настойчивости; Лобачевскій, не удостоивающій эту суету даже и нечашкаго презрительнаго отзыва, а просто игнорирующій ее, не дающій Араповымъ, Бараламъ, Бычковымъ и tutti frutti даже никакого мѣста и значенія въ общей экономіи общественной жизни.

Лобачевскій долго слѣдилъ за Розановымъ, и въ его спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ даже засвѣтилось какое-то сожалѣніе къ Розанову, душевныя терзанія котораго ясно отражались на его подвижномъ лицѣ.

Наконецъ Лобачевскій всталъ, молча зажегъ свою свѣчку и, молча протянувъ Розанову свою руку, отправился въ свою комнату. А Розановъ проходилъ почти цѣлую зимнюю

почь и только передъ разсвѣтомъ забылся неприятнымъ, тревожнымъ сномъ, нисходящимъ къ человѣку послѣ сильнаго потрясенія его оскорбленіями и мучительнымъ сознаніемъ собственныхъ промаховъ, отнимающихъ у очень нервныхъ и нетерпѣливыхъ людей вѣру въ себя и въ собственный свой умъ.

Розанову сдавалось, что Лобачевскій, выходя отъ него, проговорилъ въ себѣ: «пустой вы человѣкъ, мой милый», и это очень щипало его за сердце.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Различныя послѣдствія тяжелаго дня.

Араповъ съ Бычковымъ и Персіянцевымъ, несмотря на поздній почной часъ, не поѣхали отъ Розанова домой, а отправились къ маркизѣ. Они хорошо знали, что тамъ обыкновенно засаживаются далеко за полночь и позднее ихъ прибытіе никого не потревожитъ, а къ тому же бурный водоворотъ признаваемыхъ этимъ кружкомъ политическихъ событій разрѣшалъ всѣхъ членовъ этого кружка отъ многихъ стѣсненій.

Маркиза еще не спала; у нея была Лиза и всѣ пять углекислыхъ фей.

Араповъ, торопливо поздоровавшись со всѣми, тотчасъ же попросилъ маркизу въ сторонку. Здѣсь онъ эффектно сообщилъ ей, по секрету, что Розановъ и Райнеръ шпионы, что ихъ нужно остерегаться и что теперь, когда они открыты и разоблачены, отъ нихъ можно ожидать всего.

Маркиза вскудахталась, взяла Рогнеду Романовну и ей пошептала, потомъ Серафиму Романовну, — той пошептала; потомъ третьей, четвертой и такъ далѣе, всѣмъ по секрету и, наконецъ, вышло, что ужъ секретничать нечего.

— Га! га-аа! ггааха!— раздавалось по комнатѣ.

Лиза вспыхнула; она жарко вступилась за Розанова и смѣло настаивала, что этого не можетъ быть. Ей не очень вѣрили, но все-таки она въ значительной мѣрѣ противодействовала безащелационному обвиненію Райнера и Розанова въ шпионствѣ.

Маркиза ужъ колебалась. Ей очень правилась «опасность», но она была слишкомъ честна для того, чтобы играть чужимъ именемъ изъ одной прихоти.

— Вы, мой другъ, не знаете, какъ они хитры,—только

говорила она, обобщая фактъ.— Они меня какими людьми окружали?.. Ггга! Я это знаю... а потомъ оказалось, что это все ихъ шпионы. Вонъ Корней человекъ или Оничкинъ Прохоръ, кто ихъ знаетъ,—пожалуй, все шпионы,—я даже увѣрена, что они шпионы.

— Да вы знаете, ужъ если на то пошло, то Розановъ съ Райнеромъ сегодня осуждены нами,— произнесъ торжественно Араповъ.

— Кааааакъ!—вспрыгнула маркиза.

— Такъ-съ; они ни больше, ни меньше, какъ выдали студента Богатырева, котораго увезли въ Петербургъ въ крѣпость; передавали все, что слышали на сходкахъ и въ домахъ, и, наконецъ, Розановъ укралъ, да-съ, укралъ у меня вещи, которыя, вѣроятно, сведутъ меня, Персіянцева и еще кого-нибудь въ каторжную работу. Но тутъ дѣло не о насъ. Мы люди, давно обреченные на гибель, а онъ убилъ этимъ все дѣло.

— Ггггааа! и такіе люди были у меня! И я въ моемъ домѣ принимала такихъ людей!—вопила маркиза, закрывая рукою свой лобъ.—Гдѣ Оничка?

Оказалось, что Онички нѣтъ дома. У маркизы сдѣлалась лихорадка; фен уложили ее въ постель, укутали и сѣли по сторонамъ кровати; Лиза поѣхала домой, Араповъ пошелъ ночевать къ Бычкову, а Персіянцева упростила слетать завтра утромъ въ Лефортово и привезти ему, Арапову, оставленные имъ на столѣ корректуры.

Маркиза всю ночь вскрикивала:

— Обыскъ? а! идуть? Ну, такъ что жъ такое?

При этомъ она дергалась и стучала зубами.

— Это убьетъ ее!—говорили фен.

Лиза возвратилась домой, сѣла въ ногахъ своей кровати и такъ просидѣла до самаго утра: въ ней шла сильная нравственная ломка.

Утромъ, выйдя къ чаю, Лиза чувствовала, что бдльшая часть разрушительной работы въ ней кончена, и когда ей подали письмо Женни, въ которомъ та, съ своимъ всегдашнимъ добродушіемъ, освѣдомлялась о Розановѣ, Лиза почувствовала что-то гадкое, въ родѣ непріятнаго напоминанія о прошлой глупости.

Такъ кончилось прежде начала то чувство, которое могло бы, можетъ-быть, во что-нибудь сформироваться, если бы

внутренній міръ Лизы не раздвигался, ослабляя прежнюю почву, въ которой держалось нѣкоторое вниманіе къ Розанову, начавшееся на провинціальномъ безлюдьѣ.

Маркизинъ кружокъ не былъ для Лизы тѣмъ высокимъ міромъ, къ которому она стремилась, гадя людьми къ ней близкими со дня ея выхода изъ института, но все-таки этотъ міръ заинтересовалъ ее, и она многого отъ него ожидала.

«Шпіонъ!—думала Лиза.—Ну, это навѣрно какой-нибудь вздоръ; но онъ трусь, мелкій и пустой, робкій, ничтожный человѣкъ,—это ясно.»

Персіянецъ на другой день утромъ пріѣхалъ къ Бычкову безъ лица.

Никакихъ корректуръ на столѣ Арапова онъ не нашель, но привезъ ему вальяжную повость.

— У васъ ночью былъ обыскъ,—сказалъ онъ Арапову, который при этомъ извѣстїи привскочилъ на диванъ и поблѣднѣлъ пуще Персіянцева.

— Ну?—произнесъ онъ робко.

— Ну, и ничего.

— Ничего не нашли?

— Ничего: да что жъ было находить!

Араповъ смотрѣлъ то на Бычкова, то на Персіянцева.

— И что же еще?—спросилъ онъ, совсѣмъ теряясь.

— Только всего: васъ спрашивали.

— Спрашивали?

— Спрашивали.

— Меня? меня?

— Ну да, васъ.

— А васъ?

— А меня не спрашивали.

— А его?

Араповъ указалъ на Бычкова.

— И его не спрашивали,—отвѣчалъ Персіянецъ.

— Да меня съ какой же кстати?—какъ-то отчуждающимся тономъ произнесъ Бычковъ.

— Эко, братъ, «съ какой кстати!» «съ какой кстати!» будутъ они «тебѣ» стать разбирать,—совершенно другимъ, какимъ-то привлекающимъ тѣномъ возразилъ Араповъ.

— Ну, какъ же! Такъ и чирій не сядетъ, а все почесать прежде надо,—отрекался Бычковъ.

— А Розанова спрашивали?—отнесся Араповъ къ Персіянцеву.

— Зачѣмъ же Розанова? Нѣтъ, никого, кромѣ васъ, не спрашивали.

— Возьмутъ?—произнесъ Араповъ, глядя на Бычкова и на Персіянцева.

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Бычковъ.

— Теперь мнѣ отсюда и выйти нельзя.

— Да ужъ не отсидишься. А по-моему цди лучше самъ.

— Какъ самъ? Чортъ знаетъ, что ты выдумываешь! Съ какой кстати я пойду самъ? Ни за что я самъ не пойду.

— Такъ поведутъ.

— Ну, ужъ пусть ведутъ, а самъ я не пойду. Лучше вотъ что,—началь онъ:—лучше слетайте вы, милый Персіянцевъ...

— Куда?—спросилъ тотъ, пыхнувъ своей трубочкой.

— Въ Лефортово опять, спросите тамъ Нечая, знаете, полицейскаго, что живетъ наверху.

— Ну, знаю.

— Попросите его развѣдать обо мнѣ и приѣзжайте скорѣе сюда.

Персіянцевъ ушелъ.

Араповъ посмотрѣлъ на Бычкова, который спокойно стоялъ у окна, раздувая свои щеки и подрѣзывая перочиннымъ ножичкомъ застывшее на рукавѣ халата пятнышко стеарина.

«У! у! скотина жестокая!»—подумалъ Араповъ, глядя на тщательную работу Бычкова, а тотъ какъ будто услыхалъ это, тотчасъ же вышелъ за двери и, взявъ въ другой комнатѣ своего ребенка, заплѣлъ съ нимъ:

«Ципки, ципки, ципки, ципки,
Ципки, ципки, ципки»,

а потомъ

«Та-та-ри, Та-та-ри,
Та-та-ри-ри».

Араповъ завернулся, поскребъ себя ногтями по лѣвому боку и жалостно охнулъ.

Болѣе полутора часа пролежалъ въ такомъ положеніи одинъ-одинѣшенекъ бѣдный корректоръ. Никто къ нему не входилъ въ комнату, никто о немъ не понавѣдался: хозяйна и слуха и духа не было.

Наконецъ дверь отворилась: Араповъ судорожно приподнялся и увидѣлъ Персіянцева.

— Ну, что?—спросилъ онъ въ одно и то же время робко и торопливо.

— Ничего,—все хорошо.

— Ну!—вскрикнулъ, привскочивъ обрадованный Араповъ.

— У васъ ничего подозрительнаго не нашли, и на томъ дѣло и кончено. Только одно подозрѣніе было.

Араповъ всталъ и началъ скоро одѣваться.

— Ничего! — радостно произнесъ онъ навстрѣчу входившему Бычкову, съ которымъ они только что наблюдали другъ друга безъ масокъ. — Подозрѣніе было, и теперь все кончено. Хорошо, что я дома не ночевалъ, а то, чортъ возьми, напрасно бы сцена могла выйти: я бы ихъ всѣхъ въ шею.

— Поблагодари лучше Розанова,—замѣтилъ Бычковъ.

— Да,—но, впрочемъ, нѣтъ. При мнѣ бы ничего; я бы не допустилъ.

— Въ погребѣ были. Прямо туда и пошли,—произнесъ Персіянцевъ.

Араповъ онять отупѣлъ.

— Однако, указаньяца вѣрныя были,—проронилъ, помолчавъ, Бычковъ.

Араповъ съ Персіянцевымъ вышли и разстались за воротами: Араповъ уѣхалъ въ Лефортово; Персіянцевъ пошелъ къ себѣ.

— Аранка! — крикнула Давыдовская, входя вслѣдъ за корректоромъ въ его комнаты.—А у тебя ночью гости были.

— Знаю-съ,—мрачно отвѣчалъ Араповъ.

— Цѣлое маркобрунство.

— Знаю-съ, знаю. А вы бы, Прасковья Ивановна, могли не допустить до обыска: безъ хозяина квартиры обыскивать не позволено.

— Ахъ, батюшка Ашика воинъ, не пиришь такъ. сдѣлай свое одолженіе! Ты прежде разспроси, мало ли я тутъ съ ними страженія имѣла: я, можетъ-быть, горло все надсадила. Го-го-го! не бойся, будутъ помнить. Я, говорю, знаю такихъ лицъ, къ которымъ васъ и въ переднюю-то не пустятъ. Ко мнѣ, говорю, самъ князь ѣзжалъ, по три графина холодной воды выливалъ, возлѣ меня сидя.—А то я ихъ, маркобруновъ, бояться стану! Но вѣдь ни-

чего нельзя сдѣлать, — нахрапомъ лѣзуть: позвали Нечая, сосѣда Ларивонова, дворника Антрона Иванова и пошли шарить.

— Чего они искали?

— Не сказали; я спрашивала—не сказали. Ревизию, говорятъ, имѣемъ предписаніе произвести. Ну, да ужъ за то скажу тебѣ, Арапка, и смѣху жъ было! Только спустились двое хожалыхъ въ погребъ, смотримъ, летятъ оба. «Ай! ай! тамъ чортъ, говорятъ, сидитъ». Смотрю, у одного всѣ штаны такъ и располосованы. Вплотьмахъ-то, дуракъ, на твоего барсука налѣзъ. Много хохотали послѣ.

— Гм!—крикнулъ Араповъ:—а вы вотъ что, Прасковья Ивановна, вы велите Антрону, если ко мнѣ покажется этотъ маленькій жидокъ, что у меня перепиской занимался, такъ въ шею его. Понимаете: отъ воротъ прямо въ шею.

--- Хорошо.

— И другихъ тоже.

--- Всѣхъ гнать?

--- Въ шею, отъ воротъ и въ шею. Никого ко мнѣ не пускать.

Оставшись одинъ, Араповъ покусалъ губы, пожалъ лобъ, потомъ вошелъ въ чуланчикъ, взялъ съ полки какую-то ничтожную бумажку и разорвалъ ее; наконецъ, снялъ со стѣны висѣвшій надъ кроватью револьверъ и остановился, смотря то на окно комнаты, то на дуло пистолета.

Въ такомъ колебаніи прошло нѣсколько минутъ: въ глазахъ Арапова выражалась совершенная потерянности.

Однако онъ, наконецъ, сдѣлалъ рѣшительный шагъ, вошелъ въ чуланчикъ, открылъ погребъ, сталъ на самый край черного квадрата, обозначавшаго поднятое творило, и взялъ пистолетъ въ правую руку.

Черезъ нѣсколько секундъ раздался выстрѣлъ, послѣ котораго въ погребѣ слышался отчаянный визгъ боли и испуга. Цѣпь гроыхнула, дернулась и въ это же время слышался крикъ Арапова, опять визгъ; еще пять одинъ за другимъ въ мгновеніе ока послѣдовавшихъ выстрѣловъ, и Араповъ, блѣдный и растрепанный, съ лѣвою ладонью у сердца и съ теплымъ пистолетомъ въ правой рукѣ выбѣжалъ изъ чулана.

Онъ напоминалъ собою Макбета болѣе, чѣмъ всѣ современные актеры, терзающіе Шекспира, и это ему было

тѣмъ легче, что тутъ онъ не «игралъ изъ себя комедіи», какъ говорила жена Нечая, а дѣйствительно былъ объятъ страшнымъ ужасомъ и, выронивъ пистолеть, тяжело рухнулся на полъ въ сильномъ обморокѣ, закончившемъ его безумство.

Барсукъ былъ убитъ папаваль, и очнувшійся къ вечеру Араповъ самъ не понималъ, зачѣмъ онъ убилъ бѣднаго звѣря.

Хожалый былъ отомцентъ. Барсукъ былъ облилъ кровью, а самъ Араповъ заставлялъ жалѣть, что въ теченіе этихъ трехъ или четырехъ часовъ его жлзни не могъ наблюдать хоть Розановъ, для своей психіатрической диссертациі, или великій драматическій талантъ, для типическаго созданія героя современной комедіи.

Розановъ писалъ свою диссертацию. Недѣля шла за недѣлей и уже приближались рождественскіе праздники, а Розановъ не дѣлалъ ни шагу за ворота больницы. Онъ очень хорошо зналъ, что слухи о его «подлости» и «шпіонствѣ» непременно достигли до всѣхъ его знакомыхъ, и сначала не хотѣлъ идти никуда, чтобъ и людей не волновать своимъ появленіемъ, и себя не подвергать еще длинному ряду незаслуженныхъ оскорбленій. Оправдываться же онъ не могъ. Во-первыхъ, все это было ему до такой степени больно, что онъ не находилъ въ себѣ силы съ должнымъ хладнокровіемъ опровергать взведенныя на него обвиненія, а во-вторыхъ, что же онъ и могъ сказать? Одни обвиненія были просто голословныя клеветы или подозрѣнія, для опроверженія которыхъ нельзя было подыскать никакихъ доказательствъ, а другихъ нельзя было опровергать, не подводя нѣкоторыхъ людей прямо къ неминуемой тяжелой отвѣтственности. Докторъ не хотѣлъ купить этою цѣною возстановленіе своей репутаціи и молчалъ, сидя безвыходно дома и трудясь надъ своей диссертацией. Единственнымъ отдыхомъ ему была бесѣда съ Лобачевскимъ, который оставался съ Розановымъ въ прежнихъ, неизмѣнно хорошихъ, не то что пріятельскихъ, а товарищескихъ отношеніяхъ. Но, несмотря на то, что въ этихъ отношеніяхъ не было ни особенной теплоты, ни знаковъ нѣжнаго сочувствія, они дѣйствовали на Розанова чрезвычайно успокоительно и до такой степени благотворно, что ему стало казаться, будто онъ еще никогда не былъ такъ хорошо пристроенъ, какъ

нынче. Въ такомъ-то положеніи онъ работалъ, забывъ о всей Москвѣ и самъ забытый, повидимому, всею Москвою.

Мало-по-малу Розановъ такъ освоился съ своимъ положеніемъ, что ужъ и не думалъ о возобновленіи своихъ знакомствъ и даже находилъ это окончательно неудобнымъ.

Диссертация подвигалась довольно успѣшно, и Лобачевскій былъ ею очень доволенъ, хотя нѣсколько и подтрунивалъ надъ Розановымъ, утверждая, что его диссертация болѣе художественное произведеніе, чѣмъ диссертация. «Она, такъ сказать, *приятная* диссертация», говорилъ онъ, добавляя, что «впрочемъ, ничего; для медицинскаго поэта весьма одобрительна».

Розановъ шелъ скоро и написалъ болѣе половины.

Кромѣ Лобачевскаго, его два или три раза посѣщаль Пармень Семеновичъ, вообразившій, что у него либо васса, либо волосъ въ пяткѣ.

— Свербить мочи нѣтъ, — говорилъ онъ: — бабка выли-вала, и волосъ шелъ по водѣ, а опять точить.

Лобачевскій съ Розановымъ лѣчили Пармена Семеновича для его утѣхи, а сами для своей потѣхи всѣ втроемъ травили другъ друга. Пармень Семеновичъ въ это время вообще глумился надъ медициной. Въ это время его супруга нашла магнетизера.

— Щупаетъ, — говорилъ Пармень Семеновичъ: — ни самъ ничѣмъ не дѣйствуетъ, ни изъ аптекъ не прописываетъ, а только все се щупаетъ, просто руками щупаетъ и, хвалить Бога, — зримымъ веществомъ идетъ помощь.

Былъ и Адрианъ Николаевъ; навѣстити заѣхалъ и съ различными ужимками говорилъ Розанову, чтобъ онъ былъ покоенъ, что все пошло въ порядкѣ.

— Что такое пошло? — спросилъ удивленный Розановъ.

Центральный человѣкъ разсказалъ о бумагахъ, полученныхъ имъ для отсылки на Волгу.

— Батюшка мой! я и сномъ и духомъ не вѣдаю! — отвѣчалъ Розановъ.

Адрианъ Николаевъ успокоивалъ его, что это ничего и, наконецъ, пересталъ спорить и возымѣлъ о Розановѣ сугубо выгодное понятіе, какъ о человѣкѣ «остромъ», остро-рожномъ.

Розановъ никакъ не могъ додумать, что это за штука, и теперь ему стали понятны слова Стрепетова; но какъ

дѣло уже было кончено, то Розановъ такъ это и бросилъ. Ему ужасно тяжело и непріятно было возвращаться къ памяткамъ прошедшаго, клпучаго періода его московской жизни.

О томъ, что дѣлалось въ кружкѣ его прежнихъ знакомыхъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: всѣ связи его съ людьми этого кружка были разорваны; но, тѣмъ не менѣе, Розанову иногда сдавалось, что тамъ, вѣроятно, что-нибудь чудотворять и суетять суету.

Розановъ въ этомъ ошибался; панъ знакомый кружокъ вдругъ не разошелся, а просто какъ-то рассыпался. Люди не узнавали себя. Самъ Розановъ, вызывавшій нѣкогда Илью Муромца съ булавой стонудовою, не замѣчалъ, какъ онъ перешелъ далеко за свой радикализмъ, но оправдывалъ себя только тѣмъ, что именно нуженъ былъ Илья Муромецъ, а безъ Ильи Муромца и дѣлать нечего. Фiasco, погрозившее опрометчивымъ попыткамъ сдѣлать что-то безъ ясно опредѣленнаго плана, безъ средствъ и безъ общественнаго сочувствія, вдругъ отрезвило большинство людей этого кружка.

Все это не объяснялось, не разошлось, вслѣдствіе формальнаго разлада, а такъ бросило то, что еще такъ недавно считало своимъ главнымъ дѣломъ, и сидѣло по своимъ нормамъ. Нѣкоторые, впрочемъ, сидѣли и не въ своихъ нормахъ, но изъ нашихъ знакомыхъ эта доля выпала только Персіянцеву, который былъ взятъ тотчасъ по возвращеніи домой, въ тотъ день, когда Араловъ разстрѣлялъ своего барсука, а Бычковъ увлекся впервые родительскою нѣжностью къ отрасли своего естественнаго брака.

Въ Лизѣ эта возбужденность не ослабѣвала ни на минуту. Она, напротивъ, только укрѣплялась въ своихъ убѣжденіяхъ о необходимости радикальнаго перелома и, не заходя въ вопросъ глубоко и практически, ждала разрѣшенія его горстью людей, не похожихъ на всѣ тѣ личности, которыя утомляли и въ провинціи, и на тѣ, которыя сначала обошли ее либеральными фразами въ Москвѣ, открывъ всю внутреннюю пустоту и безсодержательность своихъ натуръ. Послѣ смиренства, налетшаго на этотъ кружокъ съ арестомъ кроткаго Персіянцева, взявшаго на себя грѣхъ сумасбродства своего кружка, и нѣсколько скандальнаго возвращенія Сергеи Богатырева изъ рязанской деревни, передъ Лизою

какъ-то вдругъ обнажилась вся комическая сторона этого дѣла. Но, несмотря на это, Лиза все-таки продолжала навѣщать маркизу, ожидая, что не можетъ же быть, чтобы столь либеральный кружокъ такъ-таки выходилъ совсѣмъ *ничего*. Дни шли за днями; домъ маркизинъ замѣтно пустѣлъ, феи хотя продолжали презрительно говорить объ одной партіи, но столь же презрительно, и даже еще болѣе презрительно, отзывались и о другой. Особенно часто былъ терзаемъ Бычковъ и нѣкая дѣвица Бертольдн. Эта «стриженная дѣвка», какъ ее называла маркиза въ своихъ бурно-пламенныхъ очистительныхъ критикахъ, выходила какимъ-то чортомъ, какимъ-то вреднымъ общественнымъ наростомъ, какимъ-то полипомъ, который непременно надо взять и съ корнемъ вырвать изъ общественнаго организма и выжечь раскаленнымъ желѣзомъ самое мѣсто, на которомъ этотъ полипъ гнѣздится.

— Иначе,—говорила маркиза:—эта монтаньярская гидра рассадится по лицу земли русской и погубитъ насъ въ Россіи, какъ она погубила насъ во Франціи.

А какъ собственно феи ничего не дѣлали и даже не умѣли сказать, что бы такое именпо, по ихъ соображеніямъ, слѣдовало обществу начать дѣлать, то Лиза, слушая въ сотый разъ ихъ анафематство надъ дѣвицей Бертольдн, подумала: «Ну, это, однако, было бы не совсѣмъ худо, если бы въ числѣ прочей мелочи могли бы смести и васъ». И Бертольдн стала занимать Лизу.—«Это совсѣмъ новый закалъ, должно быть, — думала она, — очень интересно бы посмотреть, что это такое».

Лиза даже какъ-то постарѣла и пожелтѣла, ее мучили тоска, бездѣйствіе и безлюдье. Розановъ оправдался, не произнося ни одного слова въ свое оправданіе. Его оправдалъ Персіянцевъ,—который, идучи домой отъ Бычкова, въ послѣдній день своей свободы, встрѣтилъ Рогнѣду Романовну и рассказалъ ей исторію съ Арановымъ, прибавивъ, что «насъ всѣхъ спасъ Розановъ».

Его только, бѣдняжку, не спасло розановское благоразуміе. Чистый и фанатически преданный дѣлу Персіянцевъ несъ на себѣ всю опасность предпріятія, и такъ неловко обставился въ своей маленькой комнаткѣ, что ему, застигнутому врасплохъ, не было никакого спасенія. Онъ и не спасся.

Но еще болѣе оправдало Розанова возвращеніе Сережи

Богатырева изъ деревни. Это было такъ смѣшно, что ужъ никто не позволялъ себѣ и заикнуться насчетъ Розанова.

Шпиономъ остался одинъ Райнеръ.

Углекислый либерализмъ поступалъ иначе. Дорожа правомъ говорить о своемъ безпристрастїи и другихъ качествахъ, отличающихъ людей высшаго развитїя, онъ торжественно возстановилъ доброе имя Розанова и напрасно тотъ избѣгалъ встрѣчь съ углекислыми: здѣсь ему готовы были честь и мѣсто.

Но мнѣнія углекислыхъ не уходили дальше своей сферы и если бы они даже вышли за предѣлы ея, то не принесли бы этимъ никакой пользы для Розанова, а только были бы повымъ поводомъ къ вѣщшимъ для него обвиненїямъ. Бѣлые были въ это время жертвами искупленїя общей глупости.

На Лизу, впрочемъ, все это очень мало вліяло. Она знала и безъ того, что обвиненїя, взводимыя на Розанова, чистѣйшїй вздоръ, но Розановъ ей былъ совсѣмъ чужой человѣкъ и жалкая, досадившая ей *«посредственность»*. И потому она не понимала, какъ этотъ человѣкъ, бывшїй въ уѣздной глуши радикаломъ, здѣсь сталъ вдругъ удерживать другихъ отъ крушительной работы Ильи Муромца. Когда одинъ разъ Розановъ прислалъ ей со сторожемъ деньги, занятыя имъ у нея предъ отъѣздомъ въ Москву, она равнодушно прочла его вѣжливую записочку, написала на своей карточкѣ «получила и благодарю», и только.

Старикъ Бахаревъ не выѣзжалъ: у него обнаружались признаки каменной болѣзни; у Софи наклевывались женишки, но какъ-то все только наклевывались, а изъ скорлупы не выѣзали.

Лиза желтѣла и становилась чрезвычайно раздражительная. Она сама это замѣчала, большую часть дня сидѣла въ своей комнатѣ и только предъ обѣдомъ выходила гулять неподалеку отъ дома.

Изъ Петербурга получилось извѣстїе, что Пархоменко также нашелъ себѣ казенную квартиру, о Райнерѣ не было ни слуха, ни духа. Одни утверждали, что онъ въ Петербургѣ, но что его нельзя узнать, потому что онъ ходитъ переодѣтый, въ синихъ очкахъ и съ выкрашенными волосами; другїе утверждали, что видѣли Райнера въ Парижѣ, гдѣ онъ словяется между русскими и всякій день ходитъ то въ парижскую префектуру, то въ наше посольство. На-

конецъ прошелъ слухъ, что Райнеръ вовсе не Райнеръ, а польскій жидъ Ренарскій. Нѣсколько пріятелей получали письма, пришедшія на имя Райнера, во время его отсутствія, распечатали ихъ и ничего въ нихъ не нашли, хотя, тѣмъ не менѣе, все-таки остались о немъ при своемъ мнѣніи. А Райнеръ, между тѣмъ, былъ на Рютли и обкладывалъ зеленымъ швейцарскимъ дерномъ свѣжую могилу своего отца. Затѣмъ онъ, собравъ окрестныхъ науперовъ, сдать имъ свою ферму, выговоривъ себѣ только одни проценты на капиталъ, и сталъ спѣшно собираться въ Россію, къ своимъ политическимъ друзьямъ, требушившимъ здѣсь его письма.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Скоропостижная дама.

Неудачи въ это время падали на нашихъ знакомыхъ какъ періодическіе дожди: даже Лобачевскій не ушелъ отъ нихъ. Главный докторъ больницы рѣшительно отказалъ ему въ дозволеніи устроить при заведеніи приватную медицинскую школу для женщинъ. Сколько Лобачевскій его ни убѣждалъ, сколько ни упрашивалъ, нѣмецъ сталъ на своемъ—и баста.

Это ужасно огорчило Лобачевского, вообще неспособнаго отставать отъ того, за что онъ разъ взялся и что положилъ себѣ непремѣнною обязанностію, во что бы то ни стало, сдѣлать.

Онъ, не долго думая, объяснился съ Бекомъ, въ томъ родѣ, что такъ какъ онъ, Бекъ, не можетъ позволить ему, Лобачевскому, завести приватную медицинскую школу для женщинъ, которая никому и ничему мѣшать не можетъ, то, въ силу своего непреодолимаго влеченія къ этому дѣлу, онъ, Лобачевскій, не можетъ болѣе служить вмѣстѣ съ нимъ, Бекомъ, и просить отпуска.

Беку жаль было хорошаго ординатора, но еще болѣе жаль было бы ему своего хорошаго мѣста, и Лобачевскій получилъ отпускъ.

Проводивъ Лобачевского на двѣ недѣли въ Петербургъ, Розановъ сидѣлъ одинъ-одинѣшенекъ и часто раздумывалъ о своемъ давно-прошедшемъ и недавно-прошедшемъ. Изъ этихъ думъ невольно вытекали вопросы о будущемъ. Розановъ никакъ не могъ сдѣлать ни одного болѣе или менѣе

вѣроятнаго предположенія о томъ, что́ будетъ далѣе съ нимъ самимъ и съ его семействомъ? Сначала неопредѣленность собственнаго положенія, потомъ хлопотливая суета и ожиданія, вытекавшія изъ временной политической возбужденности кружка, удаляли Розанова отъ этихъ размышлений; но теперь, съ возвращеніемъ въ самого себя, онъ крѣпко задумывался.

«Ну, что жъ, — думалъ онъ, — ну, я здѣсь, а они тамъ; что жъ тутъ прочнаго и хорошаго. Конечно, все это лучше, чѣмъ быть вмѣстѣ и жить чортъ знаетъ какъ, а все же и такъ мало проку. Все кругомъ пустота какая-то... несносная пустота. Ничего, таки рѣшительно ничего впереди, кромѣ труда, труда и труда изъ-за одного насущнаго хлѣба. Ребенокъ?.. Да Богъ его знаетъ, что́ и изъ него выйдетъ при такой обстановкѣ», — думалъ докторъ, засыпая.

Часу въ четвергомъ его разбудили и подали ему телеграфную депешу: Ольга Александровна пзвѣщала его изъ ближайшаго губернскаго города, что она ѣдетъ и завтра будетъ въ Москвѣ.

Розановъ привскочилъ съ постели, протеръ глаза и опять взялъ брошенную на столѣ депешу: ясно и четко синимъ карандашомъ было написано: «Мы ѣдемъ къ вамъ съ попутчиками и завтра будемъ въ Москвѣ. Встрѣтите насъ на Солянкѣ, домъ Рѣпина».

— Вотъ тебѣ и орѣхъ съ масломъ! — произнесъ Розановъ и сталъ поспѣшно одѣваться.

Надо было куда-нибудь пріютить ѣдущихъ, а въ тѣсной казенной квартиркѣ это было рѣшительно невозможно. Съ одной стороны здѣсь очень тѣсно, а съ другой... Ольга Александровна... Какъ за нее поручиться? А тутъ Лобачевскій, которому Розановъ даже никогда не говорилъ, что онъ жепать. Не годится это. Розановъ вспомнилъ Нечаева, но это опять не подходило: тамъ тѣснота и дѣти, да и слова Ольга Александровна можетъ сразу выкинуть колѣпо, кетерое развернетъ передъ чужими людьми то, что́ Розановъ всегда старался тщательно скрывать и маскировать. Пойти къ Бахаревымъ! Эти ужъ болѣе или менѣе все знаютъ и отъ нихъ скрываться нечего. Розановъ, дождавшись утра, взялъ извозчика и поѣхалъ къ Бахаревымъ.

Дорогою Розановъ все смотрѣлъ на бумажки, означавшія свободныя квартиры, и думалъ, какъ бы это такъ устроиться,

чтобы подалше отъ людей; чтобы никто не видалъ никакихъ сценъ.

— А можетъ-быть теперь и сценъ никакихъ не будетъ: она пожила, упрыгалась, ѣдетъ сама, безъ зова... а я буду поравнодушнѣе, стану учить Варюшку...

Розанову даже становилось весело, и онъ, забывая всѣ тревоги, радовался, что черезъ нѣсколько часовъ онъ снова будетъ съ семьєю, и потомъ пойдетъ тихая, осмысленная жизнь на пользу ребенка, и т. п.

Розанову это представлялось совершенно возможнымъ.

Бахаревыхъ докторъ засталъ за утреннимъ чаемъ и замѣтилъ, что всѣ они, кромѣ Лизы, были необыкновенно веселы. Это объяснилось тѣмъ, что маркиза сдѣлала визитъ Ольгѣ Сергѣевнѣ и, встрѣтясь здѣсь съ Варварой Ивановной Богатыревой, очень много говорила о себѣ, о людяхъ, которыхъ она знала, о преслѣдованіяхъ, которыя терпѣла отъ правительства въ теченіе всей своей жизни, и, наконецъ, объ обществѣ, въ которомъ она трудится на пользу просвѣщенія народа. Въ концѣ концовъ маркиза завербовала Богатыреву въ это полезное общество, сказавъ: «у меня все-таки будетъ на моей сторонѣ лишній голосъ», и уѣхала.

Визитъ этотъ былъ сдѣланъ въ тѣхъ соображеніяхъ, что нехорошо быть знакомой съ дочерью и не знать семейства. За окончаніемъ всего этого маркиза снова дѣлалась дамой, чтущей законы свѣта, и спѣшила обставить свои зады сообразно всѣмъ требованіямъ этихъ законовъ. Перваго же шага она не боялась, во-первыхъ, по своей добротѣ и взбалмошности, а во-вторыхъ и потому, что считала себя достаточно высоко поставленною для того, чтобы не подвергнуться обвиненіямъ въ искательствѣ.

Лизѣ отъ этого визита было ни жарко, ни холодно, но онъ ей былъ почему-то неприятенъ. Къ тому же, вѣтреная маркиза во время полуторачасового пребыванія у Бахаревыхъ, какъ нарочно, не удостоивала Лизу никакого вниманія и исключительно занималась съ Богатыревой, которая ей очень понравилась своимъ свѣтскимъ видомъ и положеніемъ.

Ольга Сергѣевна не замѣчала этого, но Варвара Ивановна это замѣтила и порѣшила, что маркиза сразу отличала ее какъ женщину, стоящую всѣмъ выше здѣшнихъ хозяевъ.

— А у насъ вчера была гостья!—начала, встрѣтивъ Розанова, Ольга Сергѣевна: —а какая—не отгадаете.

— А у меня завтра будутъ двѣ,—отвѣчалъ Розановъ.

— Кто жь такія?

— Тоже не отгадаете.

Наконецъ, Ольга Сергѣевна похвалилась своею вчерашнею гостьею, похвалился и Розановъ своими завтрашними гостями.

— Умища Ольга Александровна, — сказала Ольга Сергѣевна.

— Да куда мнѣ ихъ дѣть-то-съ?

— Ну... развѣ мало квартиръ.

Лиза, выслушавшая весь этотъ разговоръ безъ всякаго участія, встала изъ-за стола и вышла въ гостиную.

Розановъ торопился и сталъ тотчасъ же прощаться.

— Прощайте, Лизавета Егоровна, — сказали онъ, входя съ фуражкой въ гостиную, гдѣ никого не было, кромѣ Лизы.

— Прощайте, — отвѣчала она, кладя книгу: — скажите, какъ же это случилось?

Розановъ разсказалъ о неожиданной денешѣ.

— Удивительно!—произнесла Лиза:—Что же вы теперь думаете дѣлать?

— Что же дѣлать: надо устраниваться и жить.

— Вмѣстѣ!—воскликнула Лиза.

— Да какъ же иначе?

— Вмѣстѣ! Вмѣстѣ съ женщиной, съ которой вы дошли до такихъ сценъ?

— Да что же дѣлать, Лизавета Егоровна?

— Что, вы думаете, этого здѣсь не повторится?

— Да ужъ теперь я могу смотрѣть на это равнодушиѣе.

— Нѣтъ, Дмитрій Петровичъ, извините, я въ хроническое равнодушіе не вѣрю.

— Да вѣдь нечего дѣлать: что же дѣлать-то, скажите?

Лиза отвѣчала:

— Ну, ужъ это вамъ больше знать, что должно дѣлать.

Розановъ пожалъ плечами и простился.

Выходя, онъ думалъ: «только надо подальше отъ всѣхъ», и мимоходомъ нанялъ первую попавшуюся имъ квартиру въ четыре комнаты; купилъ у Сухаревой подержанную мебель, нанялъ дѣвушку и заказалъ топить, а на другой день, передъ вечеромъ, встрѣтилъ на дворѣ купца Рѣпина на

Солянскі дорожный возокъ, изъ котораго выльзли три незнакомыя барыни, а потомъ и Ольга Александровна съ дочкой.

Ну, были и радости, и поцѣлун, и объятія, и даже слезы раскаянія и сожалѣнія о прошломъ.

Началась у Розанова семейная жизнь въ Москвѣ, жизнь весьма тяжелая, въ которой концы трудно связывались съ концами.

Не замедлили къ этимъ трудностямъ поспѣшить и другія.

Ольга Александровна не ссорилась и старалась быть всемъ довольною. Только квартира ей не совсѣмъ нравилась: сыровата оказалась, да Ольгѣ Александровнѣ хотѣлось имѣть при жилѣ разныя хозяйственныя удобства, которыхъ Розановъ не имѣлъ въ виду при спѣшномъ наймѣ. Еще Ольгѣ Александровнѣ очень не понравилась купленная мужемъ тяжелая мебель изъ краснаго дерева, но она и въ этомъ случаѣ ограничилась только тѣмъ, что зачастую называла эту мебель то дровами, то убоищемъ.

Кто знаетъ, какъ бы это шло далѣе мѣсяца, но случай не далъ дѣлу затянуться и такъ долго.

Маркиза въ это время, за отсутствіемъ всякой гражданской дѣятельности, страдала необузданнымъ стремленіемъ благодѣтельствовать.

— Какъ-таки держать молодую бабочку взаперти? — говорила она всемъ и каждому при разспросахъ о пріѣздѣ Розановой.

Лиза при этихъ разговорахъ обыкновенно молчала; да она и довольно рѣдко видалась теперь со всемъ углекислымъ гнѣздомъ.

Маркиза одинъ разъ освѣдомилась у Лизы, знаетъ ли она madame Розанову? но Лиза коротко отвѣчала, что не знаетъ.

— Какъ же это, опъ, стало-быть, и тамъ ее никому не показывалъ? — крикнула въ изступленіи маркиза. — Гаааа! Неда! что жъ это такое? Это какой-то уѣздный Отелло: слышишь, онъ и тамъ никуда не пускалъ жену.

Репутація Розанова въ другихъ отношеніяхъ, однако, еще держалась, и въ силу того съ нимъ еще пока церемонились. Положено было только подрессировать его; мягкимъ образомъ заставить его дать женѣ «свободу и жизнь».

Но пока это ходило въ предположеніяхъ, къ которымъ, къ тому же, никто, кромѣ Рогнѣды Романовны, не изъяв-

лялъ горячаго сочувствія, маркиза столкнулась у Богатыревой съ Ольгою Сергѣевной Бахаревой, наслушалась отъ той, какъ несчастная женщина бѣгала просить о защитѣ, додумала три короба собственныхъ словъ сильнаго значенія, и надъ Розановымъ грянулъ судъ, ошельмовавшій его заочно до степеней самыхъ невозможныхъ. Даже самый его либерализмъ ставился ему въ вину. Маркиза сошла, говоря:

— Либераль! вѣдь тоже либераль! жену тиранить и либераль.

Исповятно было, изъ-за чего такъ кипятилась маркиза, а ей случалось такъ кипятиться не въ рѣдкость. Словно муха злая се укусила, такъ и лѣзеть, какъ вѣтряная опухоль. Но, несмотря на все бѣснованіе, положено было все-таки дѣйствовать на Розанова осторожно: высвободить жертву тонко, такъ, чтобы тиранъ этого и не замѣтилъ. Даже предполагалось, что тиранъ еще можетъ до извѣстной степени исправиться.

— Вѣдь онъ не глупъ, — говорила маркиза: — пужно ближе взять его въ наше общество; онъ увидитъ, какъ живутъ другіе, какъ живетъ Икаръ съ Маренчкой, и измѣнится.

Между тѣмъ къ Розанову, какъ онъ только попадался на глаза, приставали, чтобы онъ привелъ свою жену и дочку.

Думалъ, думалъ Розановъ и понимаетъ, что худая для него игра начынается, и повелъ Ольгу Александровну къ маркизѣ.

Послѣ перваго знакомства съ маркизою и феями, Ольга Александровна начала къ нимъ учащать и учащать. Ее тамъ пѣжили и ласкали, и она успѣла ужъ рассказать тамъ всѣ свои несчастія.

Маркиза и феи, слушая ее, только дивились, какъ можно было столько лѣтъ прожить съ такимъ человѣкомъ, какъ Розановъ.

Ольга Александровна тоже стала этому удивляться, и дома опять началась старая пѣсня, затѣвавшаяся по поводу тяжелыхъ стульевъ «убоиць» и оканчивавшаяся тѣмъ, какъ добрые люди «женамъ все доставляютъ, а есть и подлецы, которые...» Выходило обыкновенно, что всѣ подлецы всегда живутъ именно такъ, какъ живетъ Розановъ.

Розановъ нашъ засмутился: чуялъ онъ, что дѣло плохо.

Впрочемъ, Ольга Александровна иногда бывала и до-

вольно благодушна; но въ ней зато начали обнаруживаться самовластіе и упрямство.

Разъ приходитъ Розановъ домой, а Ольга Александровна тихо и мирно ему объявляетъ, что они переходятъ на другую квартиру.

— Какъ на другую квартиру? Куда? — освѣдомился Розановъ.

— Въ домъ, гдѣ живетъ маркиза, я наняла квартиру и лучше, и дешевле, — отвѣчала Ольга Александровна.

Розановъ хотѣлъ-было поудержать жену отъ этого перехода, но квартира, дѣйствительно, была и лучше, и дешевле. Ольга Александровна съ видомъ крайней покорности сообщила маркизѣ, что мужъ ея не хочетъ брать этой квартиры, пошли толки, и Розановъ уступилъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ жилъ на новой квартирѣ, а еще чрезъ нѣсколько дней увидать, что онъ спеленуть по всѣмъ членамъ и ему остается работать, смотрѣть, слушать и молчать.

Работы у него было много, а смотрѣть тоже было на что: Ольга Александровна дѣлала разныя чудеса и стала брать у Рогнеды Романовны какіе-то уроки.

Фен дружно заботились о ея развитіи. Одна только Серафима Романовна стояла въ сторонкѣ, и хотя не одобряла Розанова, но не любила его и порицать въ глаза женѣ.

Розановъ и не оглянулся, какъ его смяли и стигостили. Онъ снова увидѣлъ себя въ переплетѣ крѣпче прежняго; но молчалъ.

Лобачевскій, возвратясь изъ Петербурга, съ удивленіемъ разспрашивалъ:

— Когда же это вы, Розановъ, женились?

— Да ужъ было такое время, — отвѣчалъ Розановъ, стараясь сохранять видимое спокойствіе и даже нѣкоторую веселость.

Впрочемъ, разъ онъ прорвался при Лобачевскомъ и, помогая ему укладывать книги и препараты, которые тотъ перевозилъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ новое мѣсто, сказалъ:

— Грустно мнѣ будетъ безъ васъ, Лобачевскій.

— Работайте, Розановъ.

— Да что работать?

— Всего лучше: полно вамъ лошачкомъ-то скакать. У васъ жена.

Поговорили на эту тему и договорились до того, что Лобачевскій сказалъ:

— Я видѣлъ, что ваша жена съ душкомъ, ну, да что жъ такое, женщины вѣдь всѣ сумасшедшія. А вы себѣ табакерку купите: она капризничать, а вы табачку понюхайте, да свое дѣло дѣлайте.

Лобачевскій уѣхалъ въ Петербургъ: прощались они съ Розановымъ по-дружески. Розановъ даже заплакалъ, цѣлуясь съ нимъ на дебаркадерѣ: иначе онъ не умѣлъ проститься съ человѣкомъ, который ему сталъ милъ и близокъ. Лобачевскій тоже поцѣловалъ Розанова теплыми устами.

По отъѣздѣ Лобачевского, для Розанова опустѣла даже и больница. Ему даже нерѣдко становилось жаль и своего уѣзднаго захолустья. Тамъ, бывало, по крайней мѣрѣ всѣ его знали; тамъ былъ Вязмигиновъ, веселый Зарницынъ, кроткій Петръ Лукичъ, привѣтливая, добрая Женни. Все тамъ было *свое*, какъ-то: нажгутъ дома, на происшествіе поѣдешь, лошадки фыркаютъ, обдавая тонкимъ облакомъ взметеннаго снѣга, ночь въ избѣ, на селомѣ, споръ съ исправникомъ, курьезные извороты прикосновенныхъ къ дѣлу крестьянъ, или ѣзда теплою вешнею ночью, проталины, жаворонки такъ и замираютъ, рѣя въ воздухѣ, или, наконецъ, еще позже, ѣдешь и думаешь... тарантасикъ подкидываетъ, а поле какъ посеребренное, и по немъ ходятъ то тяжелыя драхвы, то стальнокрылые стрепеты... А тутъ... служба, потомъ дома игра въ молчанку или задиранье. Уйти? да и уйти некуда; въ театръ—часомъ денегъ нѣтъ; въ трактиръ—подло, да и скучно одному и, наконецъ, совѣстно. Ну, а пойдешь, попьешь чаю, и опять скучно. Маркиза и феи разжеваны до мякоти. Ребеночъ? Но онъ и занимался ребенкомъ, да и на этотъ разъ не умѣлъ всецѣло отдаться одному дѣлу. Табакерки онъ тоже не купилъ. О диссертациі забылъ и думать. Что жъ ему оставалось? Лиза?.. совсѣмъ стала холодная: она имѣла на это свои причины. Ей жаль было Розанова, да больше всего все это ей гадко не въ мѣру стало. — «Ну, чтѣ это за люди?» — спрашивала она себя.

Ей тоже было нестерпимо скучно.

Бахаревское Мерево, переѣхавъ въ Москву, осталось тѣмъ же Меревомъ. Только дворнѣ да Софи стало повеселѣе: у нихъ общества поприбыло и разговоровъ поприба-

вилось, а Егору Николаевичу, Ольгѣ Сергѣевнѣ и Лизѣ все было то же. Егоръ Николаевичъ даже еще болѣе скучать въ Москвѣ, чѣмъ въ своемъ городѣ или въ Меревѣ. Онъ не сдѣлался ни членомъ, ни постояннымъ гостемъ никакого клуба, а сидѣлъ почти безвыходно дома и бесѣдовалъ только съ Богатыревымъ, который заходилъ къ нему по субботамъ и воскресеньямъ. Ольга Сергѣевна обмѣняла мать-попадю на странницу Алену Лукьяновну; Софи женихалась и выѣзжала съ Варварою Ивановною, которая для выѣздовъ была сто разъ удобнѣе Ольги Сергѣевны, а Лиза... она опять читать начала и читала.

Зато ей и былъ ниспосланъ старый сюриризмъ: она ослѣпла.

Хуже этой муки Лизѣ трудно было изобрѣсти; исчезло послѣднее утѣшеніе—нельзя было читать.

Сидитъ она, сидитъ въ своей комнатѣ, заставляя горничную читать чуть не по складамъ, бросить и сама возьметса; прочтаетъ полчаса, глаза болятъ, она и сойдетъ внизъ.

А внизу, въ трехъ парадныхъ, вѣчно пустыхъ комнатахъ, тоже тошно. Лиза пойдетъ въ столовую и видитъ Елену Лукьяновну и слушаетъ все одинъ разговоръ Елены Лукьяновны о волшебствѣ, да о чудахъ.

— Чудо, мать моя,—говоритъ Елена Лукьяновна:—въ казанской губерніи разбойникъ объявился. Объявился и сталъ онъ народъ смущать. Идите, говорить, я поведу въ златыя обители. Стали его разстригивать, а онъ подъ землю. Какъ только офицеръ по-своему скомандовалъ, а онъ подъ землю.

— Все влашебство,—говорила Елена Лукьяновна.— Мужикъ былъ и на духъ хаживалъ, а тутъ его разстригнули, а онъ подъ землю. Офицеръ: «пали», а онъ подъ землю.

Ольга Сергѣевна удивляется.

— Теперь,—продолжаетъ Елена Лукьяновна:—теперь два отрока сидѣли въ темницѣ, въ подводной, не забудь ты, темницѣ.

Слышитъ Лиза, какъ рассказчица сахарочку откусила.

— Ну, и сидѣли, и отлично они сидѣли. Крѣпость подводная со всѣхъ сторонъ; никуда имъ выйти невозможно.

— Да!—говоритъ Ольга Сергѣевна.

— Все отлично, такъ что же, ты думаешь, выдумали?

«Дайте, говорятъ начальнику своему, дайте намъ свѣчки кусочекъ». Доложили сейчасъ генералу, генераль и спрашиваетъ:— «на что вамъ свѣчки кусочекъ?»

— Это въ подводной крѣпости? — спрашиваетъ Ольга Сергѣевна.

— Тамъ,—отвѣчаетъ странница:— «священную Библию», говорятъ, «почитать». Вѣдь разумѣй, что выдумать надо было. Ну, и дали. Утромъ приходятъ, а они ушли.

— Ушли?

— Ушли.

— Какъ же такъ?

— Такъ подъ водою и прошли.

— Съ огарочкомъ?

— Такъ съ огарочкомъ и прошли.

Слушаетъ все это Лиза равнодушно; все ей скучнѣе и скучнѣе становится.

«Гдѣ же эти люди? — спрашиваетъ она нерѣдко себя.— Что это за Бертольди такая еще? что это за чудовище? — думаетъ Лиза.— Вѣрно это лицо смѣлое и оригинальное.»

А тутъ Елена Лукьяновна сидитъ да и рассказываетъ:

— Ну, ужъ, мать, былъ клятеръ. Были мы въ суконныхъ баняхъ. Вспарились, сѣли въ передбанникъ, да и говоримъ, какъ его солдаты-то изъ ружьевъ разстригнули, а онъ подъ землю. Странница одна и говоритъ: онъ, говоритъ, опять по землѣ ходитъ.— Какъ, говоримъ, по землѣ ходитъ?—Ходитъ, говоритъ. А тутъ бабочка одна въ баню пошла, да какъ, мать моя, выскочить оттуда, да какъ гаркнетъ безъ ума, безъ разума: «мужикъ въ банѣ». Глянули, исправда онъ. Такъ и стоитъ такъ, то-есть такъ и стоитъ.

— Боже мой!—простонала Ольга Сергѣевна.

— Да. Какъ женщины увидали, сейчасъ въ-разбродъ. Банчикъ сейчасъ ворота. Мы подъ ворота. Ну, опять насъ загнули.—Трясемся. Чего, говорить, спужались? Говоримъ, влашебникъ ходитъ. Глядимъ, а она женскую рубашку одѣваетъ въ предбанникъ.— Ну, барышня вышла. Вотъ грѣха-то набрались! Смерть. Ей-Богу, смерть, что было: стриженная, ловкая какъ есть мужчина, Бертолева барышня называется.

— Экая мерзавка,—замѣчала Ольга Сергѣевна.

— Стриженная.

— Фуй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Дѣвица Бертольди.

Лиза гуляла. Былъ одиннадцатый часъ очень погожаго и довольно теплаго дня.

Лиза обошла Патріаршіе пруды и хотѣла уже идти домой, какъ изъ воротъ одного деревяннаго дома вышла молодая дѣвушка, въ драповомъ бурнусѣ и черномъ атласномъ капорѣ, изъ-подъ котораго спереди выглядывали клочки подстриженныхъ въ кружокъ золотистыхъ волосъ.

Дѣвушка шла довольно скоро, нѣсколько въ-развалъ. Въ рукахъ у нея были двѣ книги, пачка папиросныхъ гильзъ, склянка съ безцвѣтной жидкостью.

Поровнявшись съ Лизой, дѣвушка хотѣла ее обойти, но поскользнулась, уронила папиросныя гильзы и склянку, которая тотчасъ же разбилась и пролилась.

Лиза инстинктивно нагнулась, чтобы поднять разбитую склянку и гильзы.

— Не трогайте, — спокойно произнесла тонкимъ дискантомъ дѣвица.

— Я хотѣла поднять ваши гильзы.

— Нѣтъ, это ужъ ни на что не годится. Онѣ облиты ѣдкимъ веществомъ, ихъ теперь нельзя набивать. Какая досада! — окончила дѣвушка, отряхивая марселиновую юбку. — Это все прогоритъ теперь, — продолжала она, указывая на брызги.

— Что жъ это было въ этой склянкѣ?

— Это была кислота для опытовъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не *modemoiselle* Бертольди? — спросила, нѣсколько конфузясь, Лиза.

— Допустимъ-съ, что это такъ.

— Я слыхала о васъ.

— Бранять меня?

— Да... нѣкоторые.

— А васъ какъ зовутъ?

— Бахарева, — отвѣчала Лиза.

— Слыхала, Бычковъ говорилъ о васъ. Вы гдѣ живете?

— Я далеко.

— Зачѣмъ же вы идете сюда на Бронную? А впрочемъ, я не знаю, зачѣмъ я объ этомъ васъ спрашиваю.

— Я гуляю, — отвѣчала Лиза.

— Вы работаете надъ чѣмъ-нибудь?

Лиза затруднилась отвѣтомъ.

— Я читаю,—отвѣчала она.

— Я теперь работаю надъ Прудономъ. Онъ часто завирается и надъ нимъ надо работать, да работать, а то сейчасъ загородить вздоръ. Вы знакомы съ Прудономъ?

— Только по журнальнымъ рецензіямъ.

— О! Наша специальность—доведеніе мысли до состоящаго непронизводительности. Это фактъ.

— Ну, не все же пропадаетъ,—возразила Лиза.

— Фактъ.

— Я, впрочемъ, не читала Прудона.

— Зайдите ко мнѣ, я вамъ дамъ.

Лиза поблагодарила.

— Только работайте надъ нимъ, а не берите ничего на вѣру: у него тоже есть подлая жилка.

— У Прудона?

— Фактъ,—зарѣшила Бертольди и, остановясь у калитки одного грязнаго двора въ Малой Бронной, сказала:—входите.

Лиза вошла во дворъ, за нею перешагнула Бертольди.

— Прямо!—сказала она, направляясь къ флигелю съ мезониномъ.

Лиза пошла за Бертольди на деревянное крылечко, съ котораго онѣ поднялись по покосившейся деревянной лѣстницѣ въ мезонинъ.

Бертольди отворила дверь и опять сказала:

— Входите.

Лиза очутилась въ довольно темной передней, изъ которойшло нѣсколько тонкихъ дощатыхъ дверей, оклеенныхъ обоями. Одна дверь была отворена и въ ней виднѣлась кухня.

— Акулина Ивановна дома?—крикнула ни къ кому не относясь Бертольди.

— Нѣтути, ушедши, съ полчаса будетъ какъ ушедши,—отвѣчалъ женскій голосъ изъ кухни.

— Досадно,—проговорила Бертольди, и сейчасъ же добавила:—поставьте, Елена, мнѣ самоваръ, я ѣсть хочу.

Бертольди отворила дверь, которой Лиза до сихъ поръ вовсе не замѣчала, и ввела свою гостью въ маленькую, довольно грязную комнатку съ полукруглымъ окномъ, задернутымъ до половины полниаюю ситцевою занавѣскою.

— Кореневъ!—крикнула она, стукнувъ рукою въ сосѣднюю дверь.

— Асиньки!—отозвался мужской голосъ.

— Есть у васъ гильзы?

— Имѣемъ.

— Доставьте нѣкоторое количество.

— Гуть.

Между тѣмъ Лиза оглядѣлась.

Комната Бертольди была представительна и не отличалась убранствомъ.

Въ углу, между сосѣднею дверью и круглою желѣзною печью, стояла узкая деревянная кровать, закрытая стеганымъ бумажнымъ одѣяломъ; развернутый ломберный столъ, на которомъ валялись книги, листы бумаги, высыпанный на бумагу табакъ, половина булки и тарелка колотатаго сахару со сверточкомъ чаю; три стула, одно кресло съ засаленной спинкой и ветхая этажерка, на которой опять были книги, бумаги, картузикъ табаку, человѣческой черепъ, акушерскіе щипцы, колба, стеклянный сифонъ и лакированный поясъ съ бронзовою пряжкой.

Гардероба Бертольди было вовсе не замѣтно. Въ уголку, на деревянной вѣшалкѣ, висѣло что-то въ родѣ люстриноваго платья и полотенца, но ни запасной юбки, ничего прочаго, повидимому, не имѣлось.

Бурнусъ свой и капоръ Бертольди какъ вошла, такъ и бросила на кровать и не трогала ихъ оттуда.

— А у меня какая досада,—начала она, встрѣчая отворившаго дверь рослаго студента:—пролила *acidum nitricum*, что далъ Суровцовъ.

— Ну!—воскликнулъ студентъ, не затворяя за собою двери.

— Фактъ, вотъ и свидѣтельница. Да! знакомьтесь: студентъ Кореневъ, естественникъ, и дѣвица Бахарева.

Студентъ и Лиза холодно поклонились другъ другу.

— Въ Прудона безусловно вѣрить, — произнесла Бертольди, показывая на Лизу и уходя изъ комнаты.

Студентъ дунулъ въ гильзу и началъ набивать себѣ папирску.

Бертольди возвратилась съ бутылкою молока и ломтемъ хлѣба.

— Хотите?—спросила она Лизу.

Та поблагодарила.

— А вы?—отнеслась она къ Корепеву.

Тотъ тоже отказался.

— А что сходка?—спросила студента Бертольди.

— Что сходка?—переспросилъ студентъ.

— Когда будетъ?

— Не знаю.

— Да вѣдь третьягодня оповѣщали.

— Ну, она и была вчера.

— Какая подлость! Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали?

— Такъ не сказалъ,—отвѣчалъ спокойно студентъ.

— Вы, можетъ-быть, такъ же поступите, когда состоится опытъ?

— Нѣтъ, не поступлю.

— Вы имѣете понятіе объ искусственномъ оплодотвореніи?—отнеслась Бертольди къ Лизѣ, жуя и прихлебывая изъ бутылки.

— Нѣтъ,—отвѣчала Лиза.

— Это очень интересный опытъ. Онъ у насъ будетъ производиться на одной частной квартирѣ надъ кроликами. Ни одного ученаго генерала не будетъ. Хотите видѣть.

Лиза не знала что отвѣчать.

— Я думаю, что это для меня будетъ бесполезно: я вѣдь не имѣю нужныхъ свѣдѣній для того, чтобы судить объ этомъ опытѣ, — проговорила она, скрывая застѣнчивость.

— Это пустяки. Вы заходите къ намъ какъ-нибудь въ это время; у Коренева есть отличный препаратъ; онъ вамъ расскажетъ все обстоятельно и объяснитъ, что нужно знать при опытахъ.

Студентъ и Лиза не сказали при этомъ ни слова.

— Или вы работаете исключительно надъ гуманитарными науками?—продолжала Бертольди.— Гуманная наука сама по себѣ однѣ ничего не значать. Всему корень матерія. Въ нашъ вѣкъ нельзя быть узкимъ специалистомъ. Я недавно работала надъ Прудономъ, а теперь занимаюсь органической химіей, переводами и акушерствомъ.

— Вы что переводили изъ Прудона?—спросила Лиза.

— Я не переводила Прудона. Я перевожу тутъ для одного пошляка-редактора кое-что въ газету, изъ насущнаго хлѣба. А кстати, чтобъ не забыть о Прудонѣ, — вотъ опъ подъ табакомъ.

Лиза поблагодарила и взяла книгу.

— Вы заходите, мы вами займемся,—сказала, прощаясь съ нею, Бертольдн. — Бычковъ говорилъ, что у васъ есть способности. Вамъ для вашего развитія нужно близко познакомиться съ Бычковымъ; онъ не откажется содѣйствовать вашему развитію. Онъ талантъ. Его теперешнюю жену нельзя узнать, что онъ изъ нея сдѣлалъ въ четыре мѣсяца, а была совѣмъ весталка.

Лиза ушла домой съ Прудономъ и черезъ пять дней понесла его назадъ Бертольдн.

Скоро они близко познакомились, и чѣмъ усерднѣе углекислыя фенъ порицали стриженую барышню, тѣмъ быстрѣе шло ея сближеніе съ Лизой, которой въ существѣ Бертольдн вовсе не нравилась.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Независимая пора.

Такъ жили наши знакомые не весело и разъединенно до самой весны, а весна пришла хорошая и ранняя. Еще какъ только солнышко стало нагрѣвать и начались просовы, — пошли толки и предположенія насчетъ лѣта. Сергѣй Сергѣевичъ Богатыревъ Христомъ Богомъ умолялъ сестру и Егора Николаевича не возвращаться домой, а прожить лѣто у него въ подмосковной и потомъ на зиму остаться оиать въ Москвѣ. Егоръ Николаевичъ поупрямился было, но его дружнымъ нападеніемъ сбили съ пункта: согласился. Лиза осталась въ Москвѣ, потому что ея глаза требовали лѣченія и потому, что она терпѣть не могла своей тетки, точно такъ, какъ та не любила ея. Сонюшку же Варвара Ивановна непремѣнно обѣщалась выдать замужъ за богатаго сосѣда.

Фенъ тоже уѣзжали на лѣто въ свою небольшую деревушку въ калужской губерніи и брали съ собою Ольгу Александровну съ ребенкомъ.

Розановъ былъ ко всему этому совершенно равнодушенъ; онъ даже радовался, что останется на нѣкоторое время одинъ.

Ярославцевъ съ Ольгой Александровной отѣхалъ въ первыхъ числахъ мая, а пятнадцатаго мая уѣхали и Богатыревы съ Бахаревыми. Лиза осталась одна съ дѣвушкой.

Въ отсутствующихъ домахъ теперь пошла новая жизнь. Ро-

зановъ, проводивъ Бахаревыхъ, въ тотъ же день вечеромъ зашелъ къ Лизѣ и просидѣлъ долго за полночь. Говорили о многомъ, и попережнему пріятельски, но не касались въ этихъ разговорахъ другъ друга.

На другой день Розановъ, зайдя къ Лизѣ, засталъ у нея Бертольди, съ которой они познакомились безъ всякихъ церемоній, и знакомство это скоро сблизило ихъ до весьма короткихъ пріятельскихъ отношеній, такъ что Розановъ шутя подтрунивалъ надъ Бертольди, какъ она перепугала бабъ въ банѣ, и даже называлъ ее въ шутку злосчастной Бертольдинькой.

Бертольди не умѣла держать себя постоянно въ роли и открывала много довольно смѣшныхъ сторонъ, надъ которыми и Розановъ, и даже Лиза изрѣдка позволяли себѣ подсмѣиваться.

Прошла еще недѣлька, и Лизинъ кружокъ увеличился еще однимъ новымъ лицомъ. Лиза случайно встрѣтилась съ однимъ своимъ старымъ институтскимъ другомъ, Полинькой Рѣкневой, которая двумя годами ранѣе Лизы окончила курсъ и уже успѣла выйти замужъ за нѣкоего отставного корнета Калистратова. Особа эта была молода и не столько хороша собою, сколько изящна своею граціозною простотою. Она была высокая, очень тоненькая блондинка, съ черными глазами, розовымъ прозрачнымъ лицомъ, глубокою талією и необыкновенно мягкими бѣлыми ручками. Въ лицѣ Полиньки Калистратовой, какъ называла ее Лиза, преобладало передъ всѣмъ выраженіе не грустное, а какое-то несчастное. Впечатлѣніе, производимое ея лицомъ, еще болѣе поддерживалось звукомъ Полинькинаго голоса. Она говорила мягкимъ, разбитымъ голосомъ, такимъ голосомъ, какимъ люди начинаютъ говорить, обмогаясь послѣ остраго воспаленія легкихъ.

Полинька Калистратова, въ самомъ дѣлѣ, была женщина очень несчастная. Довольно богатая сирота, она, выйдя изъ института, очутилась въ домѣ своего опекуна и дяди: прожила тамъ съ полгода и совершенно несмыслимо вышла замужъ за корнета Калистратова, которому пригласилась на коренской ярмаркѣ и которому была очень удобна для поправленія его до крайности разстроеннаго состоянія. Полинька сама не знала, любила ли она своего мужа, но ей было его жаль, когда вскорѣ послѣ свадьбы она стала слы-

шать о немъ самые дурные отзывы. Полинъка болѣе всѣхъ слышала такіе отзывы отъ тѣхъ самыхъ своихъ дядей, которые общими усиліями устранили ея свадьбу съ Калистратовымъ, и приписывала большинство дурныхъ толковъ о мужѣ злобѣ дядей, у которыхъ Калистратовъ, наступая на горло, отбиралъ каждую порошинку, принадлежавшую Полинькѣ. Но вскорѣ ей самой стало очень не нравиться поведеніе мужа: онъ все водился съ какими-то странными героями; въ домѣ у нихъ никто почти не показывался, а самъ мужъ нисколько не заботился восполнить одиночество Полиньки и леталъ Богъ знаетъ гдѣ, исчезая на цѣлыя недѣли. Наконецъ, на домъ ихъ стали цѣлою оравой набѣжать «владѣльцы троекъ удалыхъ и покровители цыганокъ»; пошла игра, попойки, ночной развратъ, дневное спанье, и домъ превратился въ балаганъ коренской ярмарки.

Полинъка долго плакала молча и скрывала отъ мужа свое страданіе.

Въ одну ночь мужъ подошелъ къ ея постели со свѣчой и листкомъ бумаги и заставилъ ее подписать свое имя подъ его подписью.

— Что такое это?—спросила трепещущая Полинъка, принимая перо изъ рукъ мужа.

— Подписывай скорѣе,—это пустое.

— Да что же такое?

— Ну, что ты за меня ручаешься.

Полинъка вздохнула и подписала.

Это было за два мѣсяца передъ тѣмъ, какъ Полинъка сдѣлалась матерью.

Съ появленіемъ ребенка, Полинъка стала смѣлѣе и нѣсколько разъ пыталась остановить мужа, но это уже не имѣло никакого значенія.

Калистратовъ давно велъ большую игру и, спустивъ все свое состояніе, ухнулъ болѣе половины Полинькинаго.

Полинъкѣ написалъ дядя, чтобы она береглась, что она скоро будетъ нищею. Она попробовала отказаться отъ подписи новыхъ векселей; Калистратовъ взбѣсилъ, открылъ окно и сказалъ, что сейчасъ выкинетъ ребенка.

Полинъка подписала вексель на все свое состояніе и къ утру была нищая.

Съ тѣхъ поръ мужъ обращался съ нею звѣремъ. Вѣчно пьяный, онъ выгонялъ ее ночью изъ дома, грозился раз-

давить голову ребенку, обзавелся солдаткой, но никуда не выѣзжалъ.

Жизнь Полинки была невыносима: умъ ея словно присохъ, и она жила, не видя никакого выхода изъ своего печальнаго положенія.

Между тѣмъ, мужъ ея вдругъ поправился: отрезвился, сталъ снова разѣзжать, привозя каждый разъ довольно цѣнные подарки женѣ и ребенку.

Полинка не понимала, чтó это значить, и не смѣла ни о чемъ спросить мужа.

Наконецъ все разрѣшилось: въ одно прелестное утро все имѣнiе Полинки описали въ удовлетворенiе кредиторамъ, представившихъ векселя Калистратова, съ поручительною подписью его жены. Полинка сознала свою подпись, долги мужа превышали ея состоянiе, и ее выгнали изъ ея имѣнiя.

Они переѣхали въ городъ, но не успѣла Полинка здѣсь осмотрѣться, какъ мужа ея взяли въ острогъ за составленiе и выдачу фальшивыхъ векселей.

Полинка осталась одна съ ребенкомъ.— Къ дядямъ она не хотѣла возвращаться и быть имъ обязанной.

Оставались у нея еще маленькiя деньжонки и вещицы. Полинка подумала, погадала и открыла маленькую гостиницу для прѣзжающихъ.

Дѣло у нея кое-какъ пошло и при ея неутомимыхъ старанiяхъ обѣщало ей сдѣлаться дѣломъ очень выгоднымъ. Но въ это же время окончился судъ надъ мужемъ.

Калистратовъ, по недостатку доказательствъ, былъ освобожденъ изъ острога и оставленъ въ сильномъ подозрѣнiи.

Оставаясь въ городѣ, онъ сталъ осаждать Полинку безпрерывными требованiями вспомошествованiя, приходилъ къ ней, заводилъ дебошъ и, наконецъ, обратился къ полицiи съ требованiемъ обязать жену къ совмѣстному съ нимъ сожителству.

Въ Полинкѣ нѣкоторыя губерискiя власти приняли участiе, наскоро свертѣли передачу ея гостиницы другому лицу, а ее самоё съ ребенкомъ вырводили изъ города. Корнету же Калистратову было объявлено, что если онъ хоть маломальски будетъ безноронтъ свою жену, то немедленно будетъ начато дѣло о его жестокомъ обращенiи съ нею и о неоднократномъ его покушенiи на жизнь ребенка.

Корнетъ утихомирился и куда-то исчезъ, такъ что и слуха

о немъ не было, а Полинъка явилась со своимъ сыномъ въ Москву, придумывая, за что бы взяться и чѣмъ жить.

У нея теперь оставались ужъ самыя ничтожныя деньги.

Съ наступленіемъ весны, Полинъка пріютилась въ одной комнатѣ въ Сокольникахъ и стала работать чепчики на одну лавочку въ Ножовой линіи.

Работа эта была меледа, игра не стоящая свѣтъ; но Полинъка все-таки работала и жила нужно и одиноко, не имѣя въ виду ничего лучшаго.

Знакомыхъ у нея никого не было; ребенокъ часто хворалъ.

Въ такомъ-то положеніи Полинъка Калистратова встрѣтилась съ Лизой и очень ей обрадовалась.

— Тебя нельзя узнать, Полинъка!—говорила ей Лиза.

— Ахъ, мой другъ! Поживи съ мое, такъ и сама себя не узнаешь!—отвѣчала Полинъка.

— Да много ли ты меня старше? Три, четыре года каіе-нибудь?

— Горе, другъ мой, а не годы считать надо.

— Ты очень несчастлива?

— Я очень несчастлива.

— Гдѣ же твой мужъ?

— Не знаю: можетъ-быть въ острогѣ, можетъ-быть въ кабакѣ, можетъ-быть въ каторгѣ,—ничего я о немъ не знаю и на все готова.

Разсказывать о своемъ несчастіи Полинъка не любила и уклонялась отъ всякаго разговора, имѣющаго что-нибудь общее съ ея судьбою. Поэтому, познакомясь съ Розановымъ, она тщательно избѣгала всякой рѣчи о его положеніи, и не говорила о себѣ ничего никому, кромѣ Лизы, да и той сказала только то, что мы слышали, что невольно сорвалось при первомъ свиданіи.

Полинъка была довольно умна и еще болѣе благоразумна, горда и несловоохотлива.

Таково прошлое и таковъ въ общихъ чертахъ характеръ этого повага лица. Лиза познакомила Полинъку и съ Бертольдн, и Полинъка пришла по нраву Бертольди, которой она нравилась болѣе какъ лицо подлежащее развитію. Онѣ навѣстили разъ Полинъку въ Сокольникахъ и вздумали сами переѣхать на дачу.

Не успѣлъ Розановъ услышать объ этомъ предположеніи,

которое онъ вполне одобрялъ, какъ узналъ, что Бертольди уже слетала и наняла двѣ комнаты въ Богородицкомъ.

Дача была отвратительная, на голомъ косогорѣ, подъ вѣчнымъ солнечнымъ припекомъ.

Городской квартиры Бахаревыхъ нельзя было оставить совсѣмъ пустою, и Лиза переѣхала на дачу съ одною Бертольди.

Отношенія Лизы къ Бертольди были таковы, что хотя Бертольди при ней была совершенно свободна и ничѣмъ не стѣснялась, но она не получила не только никакого вліянія на Лизу, а, напротивъ, даже сама на нее посматривала. Можетъ-быть, это въ значительной степени происходило и оттого, что у Лизы были деньги, и Бертольди чувствовала, что живетъ на ея счетъ.

Какъ только переѣхали Лиза съ Бертольди, Розановъ немедленно отправился навѣстить ихъ и остался очень недоволенъ ихъ дачею.

Лиза тоже была ею недовольна, но молчала, а Розановъ раскорилъ ее ни къ стру, ни къ смотру.

Дѣйствительно, дача была изъ рукъ вонъ гадкая.

Бертольди никакъ не хотѣла съ этимъ согласиться, надулась на Розанова и ушла за дощатую переборку.

— Бертолина! гдѣ вы скрылись?—позвалъ Розановъ, вовсе не подозрѣвая, что она обидѣлась.

Бертольди не отвѣчала.

— Прощайте, Бертольдинька,—сказалъ Розановъ, уходя вмѣстѣ съ Калистратовою, которую вызвался проводить до Сокольниковъ.

— Я васъ прошу не фамиллярничать со мною,—рѣзко отозвалась Бертольди.

Лиза улыбнулась и проводила своихъ гостей.

— Что это она разсердилась. кажется?—спросилъ Калистратову Розановъ, когда они вышли.

— Разумѣется.

— За что же?

— Не знаю; она вѣдь смѣшная.

Для Калистратовой Бертольди была только *смѣшная*.

О Розановѣ она думала хорошо: ей нравилось, что онъ говоритъ, большею частію, дѣло и знаетъ людей не по писанному.

Навѣстивъ еще раза два дачицъ, Розановъ прельстился

ихъ жизнью и рѣшилъ самъ перебраться изъ города. Онъ раздобылся за недорогую цѣну на все лѣто незавидною верховою лошаdkою, чтобы ѣздить въ больницу, и поселился въ Сокольникахъ неподалеку отъ Полиньки.

Докторъ ожидалъ, что они своимъ маленькимъ кружечкомъ превесело проведутъ лѣто и наберутся силы на повтореніе пережитой зимней скуки, суши и дрязгъ.

Отчего жт. было на это и не надѣяться?

Но, однако, это не такъ вышло. Лиза жила, отдыхая довольно спокойно, и Богъ знаетъ, что она думала. Она была порою очень весела, порою довольно зла, и презрительно начала выражаться о чрезвычайно большомъ числѣ людей, и даже нерѣдко подтрунивала и надъ общимъ человѣческимъ смысломъ. Вообще, возобновивъ прежнее близкое знакомство съ Лизой, Розановъ сталъ замѣчать въ ней какія-то странныя противорѣчія самой себѣ. То она твердо отстаивала то, въ чемъ сама сомнѣвалась; то находила удовольствіе оставлять подъ сомнѣніемъ то, чему вѣрила; читала много и жаловалась, что всѣ книги глупы; задумывалась и долго смотрѣла въ пустое поле, смотрѣла такъ, что не было сомнѣнія, какъ ей жаль кого-то, какъ ей хотѣлось бы что-то облегчить, поправить, — и сейчасъ же на языкѣ насмѣшка, часто холодная и непріятная, насмѣшка надъ чувствомъ и надъ людьми чувствительными. Потому въ Лизѣ было равнодушіе, такое равнодушіе, что ей все равно, что около нея ни происходитъ; но вдругъ она во что-нибудь вслушается, во что-нибудь всмотрится и ни съ того, ни съ сего приметъ въ этомъ горячее участіе, тогда какъ собственно дѣло ея нимало не интересуется, и она ему болѣе не сочувствуетъ, чѣмъ сочувствуетъ.

Такъ она, напримѣръ, вовсе не имѣла опредѣленнаго плана, какой характеръ придать своему лѣтнему житью въ Богородицкомъ, но ей положительно хотѣлось прожить потише, безъ тревогъ, — просто отдохнуть хотѣлось. Бертольд же не искала такой жизни и подбивала Лизу познакомиться съ ея знакомыми. Она настаивала позвать къ себѣ на первый разъ хоть Бычкова, съ которымъ Лиза встрѣчалась у маркизы и у Бертольда.

Настаивала Бертольди на этомъ до тѣхъ поръ, пока Лиза, думая о чемъ-то другомъ, проговорила: да дѣлайте, Бертольди, какъ знаете.

Бертольди тотчасъ съѣла къ столу и начала писать. Со-чиненіе у нея не ладилось, и она разорвала нѣсколько записокъ.

Въ это время къ Лизѣ зашли Калитратова и Розановъ, который обыкновенно провожалъ Полинку въ Богородицкое.

Бертольди кивнула головою пришедшимъ и спѣшно до-кончила свою записку.

Послѣдняя редакція ей правилась.

— Слушайте, Бахарева, что я написала,—сказала она вставивши и прочла вслухъ слѣдующее: «Мы живемъ само-стоятельною жизнью и, къ великому скандалу всѣхъ маме-некъ и папенекъ, набираемъ себѣ знакомыхъ порядочныхъ людей. Мы знаемъ, что ихъ немного, но мы надѣемся сфор-мировать настоящее общество. Мы войдемъ въ сношенія съ Краснымъ, который живетъ въ Петербургѣ и о кото-ромъ вы знаете: онъ дастъ намъ письма. Мѣтя на васъ, *только какъ на порядочнаго человѣка*, мы предлагаемъ быть у насъ въ Богородицкомъ, съ того угла въ домѣ Шур-кина». Хорошо?

— Что это такое?—спросилъ Розановъ.

— Письмо, — отвѣчала, не обращая на него вниманія, Бертольди.

— Знаю, что письмо, да къ кому же это такое торже-ственное письмо?

— Вамъ оно не нравится?

— Нѣтъ, напротивъ, это въ своемъ родѣ совершенство, но къ кому же это?

— Къ Бычкову.

Розановъ засмѣялся.

— Дайте-ка письмо,—сказала Лиза.

Бертольди подала ей листокъ.

— Да, письмо очень хорошо написано, — сказала Лиза, возвращая листокъ Бертольди.

— Помилуйте, Лизавета Егоровна, что за охота давать на себя такіе документы!—возразилъ Розановъ.

— Какіе документы? Что это такое *документы*? — съ гримаской спросила Бертольди. — Кого это можетъ компро-метировать? Намъ надобла шваль, мы ищемъ порядочныхъ людей,—и только. Что жъ, пусть всѣ это знаютъ: не гене-рала же мы къ себѣ приглашаемъ.

— Да не то-съ, а зачѣмъ это—«къ скандалу всѣхъ ма-
менекъ и папенекъ», зачѣмъ этотъ Красинь?..

— Такъ.

— Да зачѣмъ же? Вы вѣдь съ Бычковымъ давно зна-
комы: можете просто пригласить его и только. Къ чему же
тутъ все это путать? И то, что вы его приглашаете «только
какъ порядочнаго человѣка» совсѣмъ лишнее. Неужто онъ
такъ глупъ, что истолкуетъ ваше приглашеніе какъ нибудь
иначе, а это письмо просто васъ компрометируетъ своею...

— Глупостью, вы хотите сказать?—перебила его Бер-
тольдн.

— Нѣтъ, письмо очень хорошо,—спокойно произнесла
Лиза:—пошлите его завтра или запечатайте, Дмитрій Пе-
тровичъ бросить его завтра въ ящикъ.

Розановъ пересталъ возражать, но ему это было не-
пріятно, ему казалось, что начнутся разныя знакомства,
одинъ по одному найдетъ народу, изъ сообщества кото-
раго едва ли выйдетъ что-нибудь хорошее, а Лизѣ это
не обойдется безъ большихъ непріятностей отъ родства и
свойства.

Розановъ, спустя нѣкоторое время, замѣтилъ это Лизѣ;
по она сказала:

— Не безпокойтесь напрасно, Дмитрій Петровичъ; я
такъ хочу и такъ сдѣлаю.

— То-то и дѣло, Лизавета Егоровна, что вы этого даже
и не хотите, а дѣлаете.

— Это, однако, смѣшно,—отвѣчала прощически Лиза.

Розановъ такъ и оставилъ.

Черезъ нѣсколько дней Розановъ засталъ у Лизы Быч-
кова и съ его женою.

Подруга Бычкова была вдвое его моложе: ей было лѣтъ
двенадцать. Это была простенькая, миловидная и добро-
душная московская швейка, благоговѣющая передъ его не-
понятными словами и неумѣющая никакъ опредѣлить себѣ
своего положенія. Ее всѣ звали просто Стешей, какъ звали
ее, когда она училась въ магазинѣ.

Въ Бычковѣ, послѣ окончанія московскаго революціон-
наго періода, произошла весьма рѣзкая переменна. Онъ
теперь не свирѣпствовалъ, а все поучалъ всѣхъ, и тонъ
крайне грозный измѣнилъ на тонъ крайне наглый.

— Я ужъ васъ разовью непременно, — говорилъ онъ,

косоротясь и развалившись противъ Лизы. — Вы только должны идти неуклонно по дорогѣ, которую я вамъ буду показывать. Вы тутъ, все равно, ничѣмъ не рискуете: я вѣдь всѣхъ умныхъ людей знаю. Ну, есть умѣе мени два, ну три, ну четыре, наконецъ, человекъ, да и только. Да и то, гдѣ они? Въ Лондонѣ одинъ, въ Петербургѣ одинъ, ну даже хоть два, да въ Парижѣ одинъ и тотъ завирается, да и всѣ они завираются. А здѣсь и ихъ нѣтъ. Здѣсь я одинъ, и вы, стало быть, ничѣмъ не рискуете, вѣрняя мнѣ свое развитіе.

— Фу ты чортъ возьми, что-жъ это за наглость? — говорилъ Розановъ, идучи домой съ Калистратовою, послѣ двухчасового наслажденія новымъ краснорѣчіемъ Бычкова.

— Очень смѣшно, — замѣчала Полинъка.

Предчувствія Розанова сбылись. Въ двѣ недѣли домика Лизы ужъ узнать было невозможно: Бычковъ любилъ полныя аудиторіи, и у Лизы часто недоставало чайныхъ стакановъ.

Бѣлоярцевъ, молодой маркизъ, оставшійся единственною особою въ Москвѣ, студентъ Кореневъ, нѣкій студентъ Незабитовскій (изъ богородицкихъ дачниковъ), и вообще всѣ уцѣлѣвшія особы разсыпавшагося кодла стали постоянно стекаться къ Лизѣ на ея вечерніе чаи и засиживались долго за полночь, препровождая время въ преніяхъ, или, чаще всего, въ безмолвномъ слушаніи Бычковскихъ лекцій.

Розанова это общество стало утомлять и становилось ему досаднымъ, тѣмъ болѣе, что, среди Бычковскихъ разглагольствованій, Розанову часто-часто случалось подмѣчать выраженіе несносной скуки и усталости на молодомъ, не живя отживающемъ личикѣ Лизы.

Къ тому же, Бертольди при всѣхъ рассказала Бычкову, что Розановъ уговаривалъ Лизу не приглашать его.

Розанову это было очень непріятно, и онъ сдѣлалъ Бертольди замѣчаніе, что это не годится.

— Отчего же? — возразила Бертольди. — Надо всегда жить такъ, чтобы не было секретовъ. Если вы считаете его дурнымъ человекомъ, такъ говорите въ глаза, а не интригуйте.

Розановъ только порою сердился на Бертольди, а то бо-

лѣе относился къ ней весело и шутя; но она его уже очень недолюбливала, и скоро вдругъ совсѣмъ возненавидѣла.

Случилось это такимъ образомъ: Лиза возвратила Розанову одну книгу, которую брала у него за нѣсколько времени. Розановъ, придя домой, сталъ перелистывать книгу и нечаянно нашелъ въ ней листокъ почтовой бумаги, на которомъ рукою Бертольди, съ особеннымъ тщаніемъ были написаны стихи. Розановъ прочелъ сверху «Рай» и, не видя здѣсь ничего секретнаго, сталъ читать далѣе:

«Какъ все небесное прекраснѣй,
Мы ужъ привыкли отличать,
Такъ сладострастьемъ сладострастнѣй
Въ раю мы въ правѣ ожидать,
И Магометъ, пророкъ и геній,
Недаромъ эту мысль развилъ,
Для лучшихъ рай наслажденій
Туда онъ гурій насадилъ.»

— Чортъ знаетъ, что за гадость такая!—воскликнулъ, разсмѣявшись, Розановъ:—вѣдь это она вѣрно сама такую чепуху сочинила, и Розановъ, не посмотрѣвъ болѣе на листокъ, спряталъ его въ свой бумажникъ, чтобы отдать Бертольди.

При первомъ же свиданіи, Розановъ вынулъ бумажку и подалъ Бертольди.

— Что это такое?—спросила она.

— Стишки,—отвѣчалъ Розановъ.

— Вѣчныя пошлости!

— Да возьмите, вамъ говорятъ: это ваши стихи.

Бертольди отвернулась.

— Ну-те-ка, покажите,—произнесъ Бычковъ и безцеремонно выдернулъ сложенный листокъ изъ рукъ Розанова, развернулъ и сталъ читать: «Рай православныхъ и рай Магомета».

Всѣ хохотали, а Бертольди хранила совершенное спокойствіе; но когда Бычковъ перевернулъ бумажку и прочелъ: «А. Т. Кореневу на память, Елена Бертольди», Бертольди, по женской логикѣ, разсердилась на Розанова до послѣдней степени.

— То-то, Бертольдинька, надо всегда жить такъ, чтобы не было никакихъ секретовъ,—говорилъ ей Розановъ, повторяя въ шутку ея собственные слова.

Бертольди его возненавидѣла.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Старый другъ.

По поводу открытой Бычковымъ пришепки на «раѣ Магомета» у Лизы задался очень веселый вечеръ. Переходя отъ одного смѣшного предмета къ другому, гости засидѣлись такъ долго, что когда Розановъ, проводивъ до воротъ Полынку Калистратову, пришелъ къ своей калиткѣ, былъ уже второй часъ ночи.

Входя въ свою комнату, Розановъ на самомъ порогѣ столкнулся въ темнотѣ съ какою-то фигурою и, отскочивъ, крикнулъ:

— Кто это?

— Дмитрій! душа! здравствуй!—отозвался голосъ, котораго Розановъ никакъ не узналъ сразу.

— Не узнаешь, не ждалъ, шельмецъ ты этакой!—продолжалъ гость, цѣлуя Розанова и сминая его въ своихъ объятіяхъ.

— Помада!—крикнулъ Розановъ.

— Онъ, онъ, братъ, самый!—отвѣчалъ Помада.

— Какъ это ты?

— Такъ, просто. Зажигай скорѣе огня.

— Что же ты-то сидишь въ потемкахъ?

— Да я, братъ, давно; я еще засвѣтло пріѣхалъ: все жду тебя. Такъ все ходилъ; славно здѣсь. Ну, ужъ Москва ваша!

— Что?

— Отличный, братецъ, городъ. Ъхалъ, ѣхалъ, да и чортъ возьми совсѣмъ: дома какіе,—фу-ты, Господи!—Ну, что Бахаревы?

Розановъ зажегъ свѣчку.

— Ну, а ѣлъ ли ты что-нибудь?

— Голодень, братъ, какъ волкъ.

— Постой же, я разстараюсь чего-нибудь.

— И водочки, Дмитрій.

— Всего, если достану.

— Куда же ты пойдешь?

— Тутъ трактирчикъ есть: вѣрно отопрутъ сзади.

— Такъ пойдешь вмѣстѣ; что жъ я одинъ буду тутъ дѣлать. Ну, Москва!—говорилъ Помада, надѣвая сапоги, которые онъ снялъ, чтобы дать отдохнуть ногамъ.

— Экъ ты загорѣлъ-то какъ.

— Жарь, братъ, пыль.

— Чего жъ ты это пріѣхалъ?

— На каникулярное время, повидаться пріѣхалъ.

— А это, что жъ это такое Сокольники? Деревня, что-ль это такая?—спрашивалъ Помада, выйдя за ворота и оглянувшись назадъ по улицѣ.

— Дача.

— Отлично, братъ,—ну ужъ городъ! Пиваа Великаго ямщикъ за пятнадцать верстъ показывалъ; непременно надо будетъ сходить. Какъ же-то... ты мнѣ и не сказалъ: какъ Лизавета Егоровна?

— Да ничего; вотъ завтра вечеромъ пойдемъ къ ней.

— Они въ городѣ?

— Нѣтъ, тутъ на дачѣ.

— Отлично,—ну, я, братъ, утромъ долженъ сходить; вечеромъ не хорошо: цѣлый день пріѣхалъ, и вечеромъ идти. Я утромъ.

Розановъ проникъ заднимъ ходомъ въ заведеніе, набралъ тамъ посудину водочки, пару бутылокъ пива, бутербродовъ, закусокъ—въ родѣ крутыхъ яицъ и огурцовъ.

Черезъ пять минутъ Розановъ и Помада были дома.

Розановъ, тотчасъ по приходѣ домой, сталъ открывать водку и пиво, а Помада бросился въ уголь къ крошечному старенькому чемоданчику, изъ разряда тѣхъ «конвертиковъ», которые нерѣдко покупаютъ по три четвертака за штуку солдатики, отправляющіеся въ отпускъ.

— Тутъ, братъ, я тебѣ привезъ и письма, и подарокъ отъ Евгеніи Петровны...

— О!

— Да, — и Лизаветѣ Егоровнѣ тоже... Ей, братъ, еще что,—я ей еще вотъ что привезъ!—воскликнулъ Помада, вскакывая и ударяя рукою по большой связкѣ бумаги.

— Что же это такое?

— Ага! Смотри.

Помада торопливо развязалъ шнурочекъ и сталъ перебирать и показывать Розанову тетрадь за тетрадью.

— «Вопросы жизни», Широгова, — самъ списалъ изъ «Морского Сборника»: она давно хотѣла ихъ; Кантъ «О чувствахъ высокаго и прекраснаго», — съ заграничнаго изданія списалъ; «Русскій народъ и социализмъ», письмо къ Мишле,—тоже списалъ у Зарницына.

— У нея это есть печатнос.

— О!

— Право, есть; да ты оставь, а вотъ Ышь-ка пока.

— Сейчасъ. А вотъ это: Милль «О свободѣ», этого нѣтъ?

— Этого, кажется, нѣтъ.

— Ну, вотъ и отлично. Я, братъ, все, что у Зарницына могъ достать, все списать.

Розановъ со вниманіемъ смотрѣлъ на счастливаго Помаду.

— Добролюбова одна, двѣ, три, четыре, пять статей вырвалъ изъ «Современника» и переплелъ.

— Это же зачѣмъ?

— Дивныя, братецъ, статьи.

— Знаю; да вѣдь у нея есть это все.

— Есть?—досадно; ну, да все равно. Шевченки «Сонъ», Огарева, тутъ много еще...

— Ышь прежде.

— Сейчасъ. Видь фотографическій изъ ея оконъ въ Меревѣ.

— Это ты какъ добылъ?

— А-а! То-то вы Помаду не хвалите. Фотографъ - жидъ пріѣзжалъ; я ему пять цѣлковыхъ далъ и работки кое у кого досталъ,—онъ и сдѣлалъ.

— Сейчасъ и видно, что жидовская фотографія.

— Ну, а это?

— Евгенія Петровны портретъ.

— Да, и тебѣ тоже прислала: все здѣсь уложено. Ну, а это?

— Да полно, Ышь, сдѣлай милость.

— Нѣтъ, ты смотри.

— Нѣтъ, ужъ полно.

Розановъ взялъ новый узелокъ изъ рукъ Помады и, сунувъ его назадъ, закрылъ чемоданчикъ.

Помада вышилъ рюмку водки и съѣлъ нѣсколько яицъ.

— Ну, какъ же тамъ у васъ живетъ?—спросилъ Розановъ, когда гость его подкрѣпился и они принялись за пиво.

— Живемъ, братъ. Евгенія Петровна, знаешь вѣрно,—замужъ идетъ.

— Знаю.

— За Вазмитинова: онъ, братъ, въ гору пойдетъ.

— Это какъ?

— Какъ же,—его статью вездѣ расхвалили.

— Ну, это еще вилами писано.

— Нѣтъ, напечатано, и попочитель о немъ директора спрашивалъ.

— А старикъ?

— Плохъ, кашляетъ все, а ужъ Евгенія Петровна, я тебѣ скажу...

Помада поцѣловать свои пальчики.

— И такая жъ добрая?

— Все такая жъ. Ахъ!..

Помада вскочилъ, вынулъ изъ чемоданчика маленький сверточекъ и, подавъ Розанову, сказалъ:

— Это тебѣ.

Въ сверточкѣ была вышитая картина для столоваго портфеля.

— Поцѣлуй,—это ея ручки шили.

— Спасибо ей, — сказалъ Розановъ и въ самомъ дѣлѣ поцѣловалъ картину, на которой долго лежали ручки Женни.

— О тебѣ, братъ, часто, часто мы вспоминали: на твоёмъ мѣстѣ теперь такой лекарника... гордый, интересанъ. Разъ не заплати,—другой не поѣдетъ.

— Вотъ это лучше всего,—сказалъ, смѣясь, Розановъ.

— Нѣтъ, такъ-дрянь. А Зарницынъ, братъ! Вотъ баринъ какой стать: на лежачихъ рессорахъ дрожки, карета, арана нанялъ.

— Пу-у!

— Право, арана нанялъ. А скука у насъ... ужъ скука! У васъ-то какая прелесть!

— Да что тебѣ тутъ такъ нравится?

— Помилуй, братъ: чувствуешь себя въ большомъ городѣ. Жизнь кипитъ, а у насъ ничего.

— Эхъ, братъ, Юстинъ Феликсовичъ: надо, милый, дѣло дѣлать, надо трудиться, снискивать себѣ добрую репутацію, вотъ что надо дѣлать. Никакими форсированными маршами тутъ идти некуда.

— Ну, однако...

— Поживи, братъ, здѣсь, такъ и увидишь. Я все видѣлъ, и съ опыта говорю: некуда метаться. Россія идетъ своей дорогой, и никому не свернуть ее.

— А Лизавета Егоровна?

— Что это ты о ней при этой стати вспомнилъ?

— Да такъ; что она теперь какъ смотритъ?

Розановъ легъ на постель и долго еще разговаривалъ съ Помадой о Лизѣ, о себѣ и о своихъ новыхъ знакомыхъ.

— Ну, а какъ денегъ у тебя?—спросилъ Помада.

— А денегъ у меня никогда нѣтъ.

— И безъ прислуги живешь?

— Хозяйнигъ лошадь мою кормить, а хозяйка самоваръ ставить, вотъ и вся прислуга.

— А Ольга Александровна?

— Что?

— Такая жъ какъ была?

Розановъ махнулъ рукой и отвернулся къ стѣнкѣ.

Помада задулъ свѣчу и легъ-было на диванъ, но черезъ нѣсколько минутъ всталъ и началъ все снова переключивать въ своемъ чемоданчикѣ.

Работа эта видно его очень занимала. Сидя въ одномъ бѣльѣ на полу, онъ тщательнѣйшимъ образомъ разобралъ вещи, пересмотрѣлъ ихъ, и когда уложилъ снова, то на дворѣ было уже свѣтло.

Помада посмотрѣлъ съ четверть часа въ окна и, увидя прошедшаго по улицѣ человѣка, сталъ одѣваться.

— Розановъ!—побудилъ онъ доктора.

— Ну! — отозвался Розановъ и, взглянувъ на Помаду, который стоялъ передъ нимъ съ фуражкой въ рукѣ и съ чемоданчикомъ подъ мышкой, спросилъ:—куда это ты?

— Выпусти меня, мнѣ не спится.

— Куда жъ ты пойдешь?

— Такъ, погуляю.

— А чемоданъ-то зачѣмъ тащишь?

— Я погуляю и зайду прямо къ Лизаветѣ Егоровнѣ.

— Вѣдь ты не найдешь одинъ.

— Нѣтъ, найду; ты только встань, выпусти меня.

Розановъ пожалъ плечами и проводилъ Помаду, заперъ за нимъ двери и легъ досыпать свою ночь, а Помада самымъ торопливымъ шагомъ подралъ по указанной ему дорожкѣ къ Богородицкому.

Частые свертки не сбили Помаду: звѣзда любви безошибочно привела его къ пяти часамъ утра въ Богородицкое и остановилась надъ крылечкомъ дома крестьянина Шуркина, ярко освѣщеннымъ раннимъ солнышкомъ.

Гдѣ стала звѣзда, тутъ подъ нею сѣлъ и Помада.

Солнышко погрѣвало его и сонъ сталъ его омаривать.

Помада крѣпился, смотрѣлъ зорко въ синѣющую даль и видитъ, что идетъ оттуда Лиза, веселая такая, кричитъ: «здравствуйте, Юстинъ Феликсовичъ! здравствуйте, мой старый другъ!»

Помада захотѣлъ что-то крикнуть, издалъ только какой-то звукъ и вскинулъ глазами.

Передъ нимъ стояла баба съ ведрами и коромысломъ.

— Не скоро они встанутъ-то, молодець, — говорила она Помадѣ:— гости у нихъ вчера долго были; не скоро теперь встанутъ.

— Ничего, я подожду.

— Ну, жди; извѣстно, коли тебѣ такъ приказано, надо ждать.

Баба проходила.

Помада смотритъ на дымящіяся тонкимъ парочкомъ верхушки сокольникаго бора и видитъ, какъ по вершинкамъ сосенъ ползетъ туманная пелена, и все она рѣдѣетъ, рѣдѣетъ и, наконецъ, исчезаетъ вовсе, оставляя во всей утренней красотѣ иглистую сосну, а изъ-за окранны лѣса опять выходитъ уже настоящая Лиза, такая, въ самомъ дѣлѣ, хорошая, въ бѣломъ платьѣ, съ голубымъ поясомъ.—Здравствуйте, говоритъ. — Помада ей кланяется. — Мы старые друзья,—говоритъ Лиза, — что намъ такъ здороваться, давайте, поцѣлуемтесь.—Помада хотѣлъ дружески обнять Лизу, но она вдругъ поскользнулась, покатила въ оврагъ.—Ай, ай, помогите!—закричалъ Помада, бросающъ съ обрыва за Лизою, но его удержала за плечо здоровая, сильная десница.

— Ахъ ты, парень, парень: какъ тебя омариваетъ-то! Вѣдь это долго ль, сейчасъ ты съ этого крыльца можешь себѣ шею сломать, а ибѣть, все морду себѣ расквасить,—говоритъ Помадѣ стоящій возлѣ него мужикъ въ розовой ситцевой рубахѣ и синихъ китайчатыхъ шароварахъ.

— Ранецъ-то свой подыми,—продолжалъ мужикъ, указывая на валяющійся подъ крылечкомъ чемоданчикъ.

Помада поднялъ чемоданчикъ и уѣлся снова.

— Поди холодною водою умойся, а то тебя морить.

Помада пошелъ умыться.

— Издалека?—спросилъ хозяинъ, подавая ему полотенце.

Помада назвалъ губернію.

— Стало, ихній, что ли, будешь?

— Ихній,—отвѣчалъ Помада.

— Дворовый, или какъ съ родни доводишься?

— Нѣтъ, такъ знакомый.

— А-а!—сказала мужикъ и, почесавъ спину на крылечкѣ, пошелъ почесать ее въ горницѣ.

Соня Помады былъ въ руку. Какъ только хозяйка побудила Лизу и сказала, что ее, еще гдѣ тебѣ, давно ждетъ какой-то разносчикъ, Лиза встала и, выглянувъ немножко изъ окна, крикнула:

— Помада! Юстинъ Феликсовичъ!

Черезъ двѣ минуты Лиза въ бѣломъ пенюарѣ встрѣчала Помаду, взяла его за обѣ руки и сказала:

— Ну, мы старые друзья, что намъ такъ здороваться; давайте поцѣлуемтесь.

И Лиза поцѣловала Помаду.

Много перевернулъ и порѣшилъ этотъ простой, дружескій поцѣлуй въ жизни Помады.

Нужно быть хорошимъ художникомъ, чтобы передать благородное и полное, едва ли не преимущественно нашей русской женщины свойственное, выраженіе лица Лизы, когда она, сидя у окна, принимала изъ рукъ Помады одну за другой ничтожныя вещицы, которыя онъ везъ какъ нѣкое безцѣнное сокровище, хранилъ ихъ паче зѣнницы ока и теперь ликовалъ нетерпѣливо, принося ихъ въ даръ своему кумиру.

Лиза вся обложилась Помадиными подарками. Последними были ей поданы два письма и три затѣйливо вышитыя воротничка работы Женни Гловацкой.

Когда Помада вынулъ изъ своего ранца послѣдній свертокъ, въ которомъ были эти воротнички, и затѣмъ, не поднимаясь отъ ногъ Лизы, скаталъ трубочкою свой чемоданчикъ, Лиза смотрѣла на него до такой степени тепло, что, казалось, одного движенія со стороны Помады было бы достаточно, чтобы она его расцѣловала не совсѣмъ только лишь дружескимъ поцѣлуемъ.

Лиза была тронута, видя, что Помада, живучи за сотни верстъ, помнилъ только одну ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Самая маленькая главка.

Помада устроился въ Москвѣ очень скоро. Лиза захотѣла, чтобы онъ жилъ къ нимъ ближе, а онъ ничего иного и не хотѣлъ. Бертольдъ свела его съ Незабитовскимъ, и

Помада поселился у Незабитовскаго, считая только для блезира, что онъ живетъ у Розанова.

При всей своей расположенности къ Розанову, Помада отошелъ отъ него далеко въ первое же время, ибо въ первое же время, чтобы долго не раздумывать, онъ послалъ просьбу объ отставкѣ.

Онъ сдѣлалъ это потому, что Лиза сказала, что ей съ нимъ лучше.

Между тѣмъ, дружба Помады съ Розановымъ въ существѣ хранилась ненарушимо: Розановъ очень мягко относился къ увлеченію Помады, и Помада цѣнилъ это.

Мало-по-малу Помада входилъ въ самую суть новой жизни и привѣшивался къ новымъ людямъ, но новые люди его мало понимали, и сама Бертольди, у которой сердца все-таки было больше, чѣмъ у иныхъ многихъ, только считала его «монстромъ» и «дикобразомъ».

Въ эти дни у нашихъ знакомыхъ случилось маленькое происшествіе, для короткаго описанія котораго собственно и посвящена эта короткая главка.

Назвалась Лиза и Полинъка къ Розанову на чай. Напились чаю, скушали по порціи мороженаго и задумали идти въ лѣсъ.

Бертольди захотѣла показать «монстру» сокольницкую террасу и общество. Желаніе вовсе и не свойственное Бертольди, тѣмъ не менѣе оно пришло ей.

Лизѣ очень не хотѣлось идти на террасу, а Полинъку просто страхомъ обдавало при мысли показаться на люди.

У Полинъки Калистратовой, какъ говорятъ женщины, предчувствіе было, что ей не должно идти къ террасѣ, и предчувствіе ея оправдалось.

Только-что общество наше вышло на площадку, оно повстрѣчалось съ тремя ухарскими франтами, изъ которыхъ средній, атлетъ, страшнаго роста, косая сажень въ плечахъ, съ усами à la Napoléon III, выпятивъ впередъ высоко поднятый локоть лѣвой руки, сорвалъ съ себя шляпу и, сдѣлавъ Полинъкѣ гримасу, сказалъ:

— Же ву салю, мадамъ.

Докторъ, съ которымъ Полинъка и Лиза шли подъ руку, почувствовалъ, что Калистратова отъ этой встрѣчи такъ и затрелетала, какъ подстрѣленная голубка. Въ эту же минуту голіаѳъ, оставивъ товарищей и нагнувшись къ По-

линькиному ребенку, который шелъ впереди матери, схватилъ и понесъ его.

— Что это такое? — спросилъ Розановъ блѣднѣющую и падающую Полинку.

— Молчите, молчите, — отвѣчала она, стараясь удержаться за его руку.

Розановъ направился къ скамейкѣ и попросилъ для Полинки мѣста. Калистратова сѣла, но, шатаясь, рвалась впередъ и опять падала къ спинкѣ; дыханье у нея судорожно спиралось, и докторъ ожидалъ, что вотъ-вотъ у нея начнется обморокъ.

Лиза, Бертольди и Розановъ стали около Полинки такъ, чтобы, по возможности, закрыть ее отъ безчисленныхъ глазъ гуляющей толпы, но все-таки, разумѣется, не могли достигнуть того, чтобы Полинка своимъ состояніемъ не обратила на себя непріятнаго вниманія очень большого числа людей.

Прошла минута, двѣ, пять, Розановъ съ Лизою перешепнулись и послали Помаду нанять первый экипажъ, какъ въ это же мгновеніе сіяющій голіаѳъ поставилъ передъ Полинкой ребенка, опять высоко поднявъ локоть, сорвалъ съ себя шляпу, опять сказалъ съ насмѣшливою важностью «же ву салю, мадамъ» и, закрутивъ усь, пошелъ по дорожкѣ.

Полинка съ минуту, послѣ прощанья голіаѳа, молча смотрѣла ему вслѣдъ и потомъ вдругъ схватила своего ребенка и зарыдала.

У нея сдѣлался сильный истерическій припадокъ, котораго ни остановить, ни скрыть среди толпы народа было невозможно, и наши знакомые провели пренепріятную четверть часа. прежде чѣмъ Полинку посадили въ карету, которую предложилъ какой-то старичокъ.

Вмѣстѣ съ Полинкою сѣлъ Розановъ, какъ медикъ, и Полинкинъ мальчикъ.

Въ ручкахъ у ребенка оказался довольно длинный кусокъ розоваго рогатъ-лакума и новенькій серебряный грибенничекъ.

Это были родительскіе подарки.

Полинка довольно долго не могла успокоиться и просила кого-нибудь изъ дѣвницъ переночевать у нея.

— Я боюсь теперь быть одна, — говорила Полинка.

— Чего ты боишься?

— Его, Лиза, его, моего мужа: вы не знаете, какой онъ человекъ.

И Лиза, и Бертольди охотно остались ночевать у Полинки; а такъ какъ ни Лиза, ни Бертольди спать не ложились, а Полинка лежала въ блузѣ, то и докторъ съ Помадою остались проводить эту страшную ночь вмѣстѣ.

Когда всѣ собрались къ Полинкѣ вечеромъ, на другой день послѣ этого происшествія, она уже совсѣмъ поправилась; смѣясь надъ своею вчерашнею истерикою и трусостью, говорила, что она теперь ничего не боится, что ее испугало не внезапное появленіе мужа, а то, что онъ схватилъ и унесъ дитя.

— Такъ вдругъ мысль пришла, что онъ убьетъ ребенка,— говорила Полинка.

Полинка, успокоившись, была веселѣе обыкновеннаго и нѣсколько нарушила свое обычное молчаніе, скромно, но прехарактерно рассказавъ нѣкоторые трагикомическіе случаи своей жизни.

Разказы эти почти совсѣмъ не касались мужа и относились къ тому, какъ Полинка передѣлывалась изъ богатой помѣстной барыни въ бѣдвенную содержательницу провинціальной гостиницы съ номерами, буфетомъ и бильярдомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Новыя наслоенія въ обществѣ и кое-что новое въ романѣ.

«Чтобы чортъ меня взять,—думалъ Розановъ,—прекрасная эта бабочка Полинка Калистратова! Вотъ если бы вмѣсто Ольги-то Александровны была такая женщина,—и громъ бы меня не отшибъ. Да, только ужъ видно такъ и шабашъ.»

— Розановъ!—крикнулъ звонкій дискантъ.

— Что, Бертольдинька?

— Можно?

— Очень возможно, я въ покрывахъ.

— Идите со мною.

— Куда это? Вы меня, можетъ-быть, убить хотите.

— Не стоить рукъ марать. Я съ вами не шутить пришла, а идемте къ Полинкѣ Калистратовой: ея сынъ умираетъ.

Докторъ взялъ шляпу и пошелъ съ Бертольди.

Онъ первый разъ шелъ въ квартиру Калистратовой.

Полинка Калистратова жила въ одной комнаткѣ, вы-

ходившей окнами на дорожку, за которой начинался Сокольницкій лѣсъ. Въ комнаткѣ было бѣдно, но замѣтно, что здѣсь живетъ молодая женщина со вкусомъ и привычкою къ опрятности и даже къ изяществу. Бѣлый деревянный столикъ былъ обколотъ ловко собранной бѣлой кисеей, на окнахъ тоже были чистыя занавѣски, дѣтская кроватка подъ зеленымъ ситцевымъ пологомъ, сундукъ, нѣсколько игрушекъ на полу, пять стульевъ, крашеный столикъ, диванъ и на стѣнѣ деревянная вѣшалка, закрытая бѣлою простынею, — это было все убранство жилища Полины Петровны и ея ребенка.

Теперь это жилище было нѣсколько въ большемъ беспорядкѣ. Не до порядковъ было его хозяйкѣ. Когда докторъ и Бертольди вошли къ Полинкѣ Калистратовой, она стояла у дѣтской кроватки. Волосы у нея были наскоро собраны пукомъ на затылкѣ, и платье, видно, не снималось нѣсколько сутокъ.

Увидя Розанова и Бертольди, она кивнула имъ молча головою и не отошла отъ кроватки.

— Чтѣ съ вашимъ ребенкомъ?—произнесъ шопотомъ Розановъ.

— Не знаю, докторъ. Я ходила въ Москву, въ почтамтъ, и долго тамъ прождала. Вернулась, онъ спалъ, и съ тѣхъ поръ едва откроетъ глазки и опять заводитъ, опять спитъ. Послушайте, какъ онъ дышитъ... и ничего не проситъ. Это вѣдь не простой же сонъ?

У ребенка была головная водянка. Розановъ опредѣлилъ болѣзнь очень вѣрно и сталъ лѣчить внимательно, почти не отходя отъ больного. Но чтѣ было лѣчить! Ребенокъ былъ въ состояніи совершенно безпомощномъ, хотя для неопытнаго человѣка и въ состояніи обманчивомъ. Казалось, ребенокъ вотъ отоспится, да и встанетъ розовый и веселенькій.

Розановъ третьи сутки почти безвыходно сидѣлъ у Калистратовой. Былъ вечеръ чрезмѣрно тихій и теплый, надъ Сокольницкимъ лѣсомъ стояла полная луна. Ребенокъ лежалъ въ забытѣ, Полинку тоже докторъ уговорилъ прилечь, и она, послѣ многихъ бессонныхъ ночей, крѣпко спала на диванѣ. Розановъ сидѣлъ у окна и, облокотясь на руку, совершенно забылся.

Думы его начались тѣмъ, какъ будетъ все, когда умретъ этотъ ребенокъ, а умретъ этотъ ребенокъ непременно очень

скоро—не завтра, так послѣзавтра. Потому ему представлялась несчастная разбитая Полинька, съ ея разбитымъ голосомъ и мягкими руками; потомъ съ мѣдно-красный мужъ съ циничными, дерзкими манерами и жестокостью; потомъ свой собственный ребенокъ и, наконецъ, жена. Но жена припомнилась какъ-то такъ холодно, какъ еще ни разу она не вспоминалась. Ни гнѣва, ни любви, ни ревности, ни досады,—ничего не было въ этомъ воспоминаніи. Такъ промелькнулъ какъ-то ея капризный, сварливый образъ и тотчасъ же исчезъ, не оставивъ даже за собою слѣда. Даже состраданіе, обыкновенно неразлучное съ этимъ воспоминаніемъ, явилось какимъ-то такимъ жиденькимъ, что самъ докторъ его не замѣтилъ.

Къ полуночи Полинька Калистратова проснулась, приподняла голову и осмотрѣлась.

Дитя попрежнему лежало тихо, докторъ попрежнему тихо сидѣлъ.

Полинька встала, поправила голову и сѣла къ окну.

Въ комнатѣ долго только раздавалось тяжелое дѣтское дыханіе.

Докторъ съ Калистратовою просидѣли молча цѣлую ночь и обоимъ имъ сдавалось, что всю эту ночь они вели самую задушевную, самую понятную бесѣду, которую только можно бы испортить всякимъ звукомъ голоса.

Утромъ ребенокъ тихо умеръ.

Прошли тяжелыя сцены похоронъ, вынесли дѣтскую кроватку изъ комнаты Полиньки Калистратовой.

— Пусто стало, — говорила дрожащимъ голосомъ Полинька, относя къ комнатѣ внутреннюю пустоту своей вѣжливой натуры, у которой смерть отняла послѣдній предметъ необходимой живой привязанности.

Докторъ ежедневно приходилъ къ осиротѣлой Полинькѣ и, какъ умѣлъ, старался ее развлечь и успокоить. Часто они ходили вдвоемъ вечеромъ въ Богородицкое къ Лизѣ и вдвоемъ оттуда возвращались въ Сокольники.

Такъ прошло съ мѣсяць послѣ смерти ребенка. Разъ Розановъ получилъ неприятное извѣстіе отъ жены и, встревоженный, зашелъ въ семь часовъ вечера къ Калистратовой, чтобы идти къ Лизѣ.

Лизу они застали за чтеніемъ. Она была не въ духѣ и потому не очень привѣтлива.

Помада стругала палочку.

— Что это ты сооружаешь?—спросил его докторъ.

— Это мухоловка будетъ.

— Какъ же ты ее сдѣлаешь?

Помада надѣла на рогульки мѣшокъ изъ кисси и замазала имъ по комнатѣ.

— Полноте, пожалуйста, вертѣться,—остановила его Лиза.

— Видишь сколько,—показывала Помада Розанову, держа жужжащихъ въ мѣшкѣ мухъ.

— Механикъ! — замѣтилъ, улыбаясь, Розановъ. — А гдѣ ваша Бертольдница?

— Она сейчасъ будетъ,—отвѣчала Помада, излавливая мухъ, летавшихъ у порога:—она въ городъ поѣхала.

— Вы ничего не слышали, докторъ, о Красницѣ? — спросила Лиза.

— Нѣтъ, ничего не слыхала, Лизавета Егоровна.

— Его сейчасъ привезетъ Бертольди.

— Что жъ это за Красницѣ?

— Соціалистъ.

— Изъ Петербурга?

— Да.

— Ну ужь...

— Что такое?

— Знаемъ мы этихъ русскихъ соціалистовъ изъ Петербурга!

— Что вы знаете? Ничего вы не знаете.

— Нѣтъ, знаю-съ кое-что.

— Зная кое-что, вы еще не имѣете права чернить честныхъ людей.

— Да Богъ святой съ ними; я ихъ не черню и не бѣлю. Что мнѣ до нихъ. Имъ одна дорога, а мнѣ другая.

— Да, вамъ словами играть, а они дѣло дѣлаютъ.

— Какое такое они дѣло дѣлаютъ, Лизавета Егоровна?

— Какое бы ни дѣлали, да они первые его дѣлаютъ.

— Да это что жь... А вотъ Бертольди.

Бертольди разсчитывалась съ извозчикомъ; возлѣ нея стоялъ высокій долготривый человекъ съ смуглымъ лицомъ, въ гарибальдѣйской шляпѣ и широкомъ мѣхъ-ферланѣ.

— Вонъ какой!—произнесъ подъ ухомъ Розанова Помада.

— Да, и по рылу видать, что не изъ простыхъ свиней,—замѣтилъ Розановъ.

— Господинъ Красинъ,—произнесла Бертольди, входя и представляя Лизѣ гостя.

Красинъ поклонился довольно неловко и тотчасъ же сѣлъ.

Розановъ во всё глаза смотрѣлъ на петербуржца, а Бертольди во всё глаза смотрѣла на доктора и съ сіяющимъ лицомъ набивала для Красина папироски.

— Что будутъ дѣлать ваши? — спросила Лиза, единственное лицо, начавшее разговоръ съ петербуржцемъ.

— Опровергать лжеученія идеалистовъ и экономистовъ, стремиться къ уничтоженію семейственнаго и общественнаго деспотизма, измѣнять понятія о нравственности и человѣческомъ правѣ. Первое дѣло—раздѣлить поровну хлѣбъ по желудкамъ.

— Это не легко.

— Трудное — не невозможно. Не нужно терять много словъ, а нужно дѣлать. Живой примѣръ — самый лучший способъ убѣжденія.

— Но что вы сдѣлаете съ деспотизмомъ семьи и общества?

— Откроемъ приютъ для угнетенныхъ; сплотимся, дружно поможемъ общими силами частному горю и защитимъ личность отъ семьи и общества. Сильный поработаетъ за безсильнаго: желудки не будутъ пугать, такъ и головы смѣлѣе станутъ. Дѣло простое.

Разговоръ шелъ все въ этомъ родѣ часовъ до десяти. У Полиньки Калистратовой, вообще все еще разстроенной и не отдохнувшей, стала болѣть голова. Розановъ замѣтилъ это и предложилъ ей идти въ Сокольники?

— Что вы сегодня такой молчаливый? — спросила Бертольди, прощаясь съ Розановымъ и торжественно глядя на Красина.

— Вами, мой другъ, люблюсь,—отвѣтилъ ей на ухо Розановъ.

— Вѣчныя пошлости! — пропницала Бертольди, вырвавъ у него свою руку.

— Кто это такой? — спросилъ Красинъ по уходѣ Розанова и Калистратовой.

— Это врачъ одной больницы,—мой старый знакомый,—отвѣчала Лиза.

— Онъ медикъ?

— Да.

— И идеалистъ,—подказала Бертольди.

— То-есть, какъ идеалистъ? Зачѣмъ клеветать? — замѣтила Лиза. — Онъ очень не глупый и честный человекъ, только тяжелый спорщикъ и пессимистъ.

— Что-жъ, это хорошо.

— Да вы что думаете, что онъ ничего не признаетъ? Пѣтъ, онъ все стоитъ за какой-то непонятный правильный прогрессъ,—возразила Бертольди.

— Постепеновецъ, значить.

— Какъ вы назвали?

— *Постепеновецъ.*

— Вотъ, Бахарева! вотъ именно для Розанова слово: *постепеновецъ.*

— Ну, изъ этихъ господъ прока не будетъ: они сто разъ вреднѣе ретроградовъ,—замѣтилъ Красинъ.

— А! Бахарева, какъ это, въ самомъ дѣлѣ, идетъ къ нему *постепеновецъ.*—опять приставала Бертольди.

— А что это очень умный человекъ? — спрашивала Розанова Полинька Калистратова, подходя къ дому.

Розановъ засмѣялся и сказалъ:

— А вамъ какъ кажется?

— Я, право, не поняла.

— Я тоже,—отвѣчалъ докторъ, пожавъ у воротъ ея ручку.

На другой день Розановъ съ Калистратовой пришли къ Лизѣ нѣсколько позже и застали у нея цѣлое общество.

Быль Помада, Незабитовскій, Бычковъ со Стешей и съ сынишкомъ, маркизь, Бѣлоярцевъ и Красинъ.

Когда Розановъ и Калистратова вошли, Лиза сидѣла на своемъ мѣстѣ у окна, Бертольди насыпала папироски, а всѣ остальные молча слушали Красина.

— Физиологія все это объясняетъ, — говорилъ Красинъ, при входѣ Розанова:—человекъ одинаково не имѣетъ права насиловать свой организмъ. Каждое требованіе природы совершенно въ равной степени заслуживаетъ удовлетворенія. Функція и ничего болѣе.

— Фактъ,—подтвердила Бертольди.

Маркизь косился и вертѣлъ нижнюю губу. Бѣлоярцевъ разсматривалъ сердечко розы, остальные молча смотрѣли на Красина.

— Вотъ Розановъ тоже долженъ съ этимъ согласиться, — сказала Бертольди, чтобы втянуть въ споръ Розанова.

— Съ чѣмъ это я долженъ согласиться?— спросилъ Розановъ, пожимая руки гостей и кланяясь Красину.

— Съ законами фізіологiи.

— Ну-съ?

— Естественно ли признавать законность однихъ требованій организма и противодѣйствовать другимъ?

— Нѣтъ, не естественно.

— И вредно?

— Конечно, и вредно. Противодѣйствіе природѣ не можетъ совершаться въ интересахъ той же природы.

— А что же ваши разглагольствованія о любви?

— Какія разглагольствованія? Мы съ вами объ этомъ столько перетолковали, что всего не припомнишь.

— О вѣрности и ревности.

— Ну, при чемъ же онѣ тутъ?

— Какъ же, во ими вѣрности вы должны жить сдержанно.

— Да.

— Ну, гдѣ же естественность?

— Право не понимаю, о чемъ тутъ шла рѣчь до моего прихода.

— О томъ, что никто не имѣетъ права упрекать и осуждать женщину за то, что она живетъ какъ ей хочется.

— Совершенно справедливо.

— Ну, и только.

— Фактъ,— смѣясь подтвердилъ докторъ.

— А вы же рассказывали о нравственныхъ обязательствахъ.

— Да, такъ что-жъ такое?

— А эти ваши нравственные обязательства не согласны съ правилами фізіологiи. Они противорѣчатъ требованіямъ природы; ихъ нѣтъ у существъ, живущихъ естественною жизнью.

— Фу ты пропасть! Слово-то, слово-то сколько! Въ чемъ дѣло? Вы хотите сказать, что, любя человѣка, вы не признаете себя обязанною храптить къ нему вѣрность?

— Если...

— Если ваша природа этого потребуетъ? Отлично. Вы имѣете полнѣйшее право сдѣлать что вамъ угодно, точно такъ же, какъ онъ имѣетъ право перестать васъ любить.

— За это? Перестать любить за пользованіе своимъ правомъ?!

— Да, хоть и за это.

— На какихъ же это разумныхъ началахъ?—иронически спросилъ Краснѣй.

— На началахъ взаимнаго довѣрія и уваженія, — отвѣчала Резановъ.

— Да за что же вы перестанете уважать? Развѣ вы перестанете уважать вашу любовницу, если она напилась, когда ей пить хотѣлось? Функція.

— Но я не стану ее уважать, если она, сидя здѣсь вотъ, напримѣръ, вздумаетъ здѣсь же непремѣнно отправлять всѣ свои функціи, а животныя вѣдь ничымъ сообществомъ не стѣсняются.

Мужчины засмѣялись.

— И мы стѣсняемся только изъ предразсудковъ.—отвѣтилъ Краснѣй.

— Ну, покорно благодарю за такую свободу. Если я поберегу немножко чужія чувства, еще не произойдетъ никакого зла.

— Вы вѣдь медикъ?

— Да, я учился медицинѣ.

— И вы отрицаете право природы?

— Нѣтъ-съ. Я его не отрицаю, а я только понимаю любовь къ женщинѣ, а не къ животному.

— Что же, вы—платонистъ?

— Я медикъ.

— Вы, значитъ, держитесь матеріалистическихъ воззрѣній?

— Я не люблю идеальной философіи.

— И соглашаетесь съ шутами, что...

— «Если изба безъ запора, то и свинья въ ней бродить», какъ говоритъ пословица. Соглашаюсь, и всегда буду съ этимъ соглашаться. Я не стану осуждать женщину за то, что она даетъ широкій просторъ своимъ животнымъ наклонностямъ. Какое мнѣ дѣло? Это ея право надъ собою. Но не стану и любить эту женщину, потому что любить животное нельзя такъ, какъ любятъ человѣка.

— А вы медикъ?

— Я медикъ и все-таки позволю вамъ напомнить, что известная разнузданность въ требованіяхъ человѣческаго организма является вслѣдствіе разнузданности воли и фантазіи. И наконецъ, скажу вамъ не какъ медикъ, а какъ че-

ловѣкъ, видѣвшій и наблюдавшій женщину: женщина съ цѣльной натурой не полюбитъ человека только чувственно.

— У васъ какая-то идеальная любовь. Мы допускаемъ, что женщина можетъ жить гражданскою любовью къ обществу и на все остальное смотреть разумно... такъ...
Функция.

— И это называется *разумно*?

— Функция, — отвѣчалъ, пожавъ презрительно плечами, Красинъ.

Розановъ глядѣлъ на него молча.

— Вы слѣдите за тѣмъ, что вырабатываетъ мысль передовыхъ людей?—спросилъ наставительно Красинъ.

— Стараюсь.

— Вы читаете этотъ журналъ? — опять спросилъ въ томъ же тонѣ Красинъ, поднимая вверхъ лежавшую на столѣ книгу.

— Нѣтъ, этого я не читаю.

— Почему же-съ, смѣю спросить?

— Да потому, что я всегда мѣсяца за четыре впередъ въ оригиналахъ читаю все, о чемъ здѣсь пишутъ, и переводныхъ извращеній терпѣть не могу.

— Напрасно. Если бы вы выклики, такъ увидѣли бы, что здѣсь есть особая мысль.

— Да, я это и не читая вижу, — отвѣчалъ Розановъ и, закуривъ сигару, вышелъ походить по саду.

— Каковъ, батюшка, разговоръ при дѣвушкахъ?—спрашивалъ его, колтыхая по дорожкѣ, косолапый маркизъ.

— Да.

— И вамъ-то охота поддерживать.

— Да ужъ тутъ нечего отмалчиваться, когда слушаютъ во всѣ уши: полезнѣе же разбивать, чѣмъ молчать.

— А до васъ-то что было: ужасъ! ужасъ! просто къ свободно-переменному сожителству приглашалъ.

— Ну, вотъ видите.—Петръ Сергѣевичъ!—позвалъ докторъ, остановясь у окна и толкнувъ Бѣлоярцева.

Бѣлоярцевъ оглянулся и высунулся въ окно.

— Что вы тамъ сидите? Гулять бы идти.

— Пожалуй.

— Или бесѣда нравится?

— Мнѣ вотъ цвѣтокъ нравится, — отвѣчалъ, улыбаясь, Бѣлоярцевъ. — Видите, какъ это расходится; видите, все

изъ одной точки, а, а, а! — восклицать огъ, указывая на лепестки розы: — все изъ одной точки.

— Бертольди! — крикнулъ слегка докторъ: — гулять пойдемте.

Бертольди махнула отрицательно головою, какъ молящаяся женщина, у которой спрашиваютъ, не брала ли она ключей отъ комода.

— Штучку скажу, право скажу, — соблазнять ее докторъ, — хорошенькую штучку.

Бертольди молча отошла дальше.

Въ садикъ вышелъ Помада и Полинька Калистратова да Бѣлярцевъ, а прогулка до чаю такъ и не состоялась.

— Что, вы какого мнѣнія о сихъ разговорахъ? — спрашивалъ Розановъ Бѣлярцева; но всегда уклончивый Бѣлярцевъ отвѣчалъ, что онъ художникъ, и виѣ сферы чистаго художества его ничто не занимаетъ, — такъ съ тѣмъ и отошелъ. Помада говорилъ, что «все это просто скотство»; косланый маркизь дѣлалъ ядовито-лукавыя мины и изображалъ изъ себя крайнее вниманіе, а Полинька Калистратова сказала, — что «это, Богъ знаетъ, что-то такое совсѣмъ неподобное».

За чаемъ Лиза вызвалась провожать сокольничанъ и москвичей.

Напились чаю и пошли, разбившись на двѣ группы. Бѣлярцевъ шелъ съ Бычковымъ, Лизой, Бертольди, Калистратовой и Незабитовскимъ. Вторая группа шла, окружая Стешу, которая едва могла тащить свой животъ и соннаго полугодоваго ребенка. Дитяго у нея взяли; Розановъ и Помада несли его на рукахъ попеременно, а маркизь колтыхалъ рядомъ съ переваливающейся уточкою Стешею и внимательно разсматривалъ ея лицо своими утомляющими, круглыми глазами.

На полянѣ вошли на холмикъ и присѣли подъ тремя соснами.

Стеша сѣла немножко поодаль отъ другихъ, взяла у Помады своего ребенка и закрыла его платкомъ.

— Холодно, — сказала она.

— Какой вздоръ! — возразилъ Бычковъ.

— Намъ ничего, а ему холодно, — отвѣчала покорно Стеша, укутывая своего ребенка.

— А зачѣмъ таскаешь, — замѣтилъ Бычковъ.

— Вамъ лишь бы спорить, Розановъ.

— Полноте, Лизавета Егоровна, что мнѣ за радость пре-
провождать свою жизнь въ спорахъ.

— Однако, вотъ препровождаете.

— Потому что не могу согласиться съ тѣмъ, что часто
слышу.

— Солидарности не видите?

— Да-съ, солидарности не вижу.

— Какъ же это: ни съ кѣмъ не видите въ себѣ соли-
дарности?—принцически спросилъ Красинъ.

— Да, ни съ кѣмъ-съ,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Особенный человѣкъ,—замѣтила Лиза:—съ Чистыми
Прудами быть несогласенъ...

— Несогласенъ,—подсказалъ Розановъ.

— Съ Лефортовымъ тоже несогласенъ.

— Несогласенъ.

— Съ студентами разошелся,—продолжала Лиза.

— Разошелся,—спокойно подтверждалъ докторъ.

— Съ теоріями петербургскихъ молодыхъ людей несо-
гласенъ: готовъ даже за неразрѣшимый бракъ стоять.

— Ну, это, Лизавета Егоровна, вы сами придумали, а
мое мнѣніе о теоріяхъ я еще сто лѣтъ назадъ вамъ выска-
зывалъ. Не вѣрю въ теоретиковъ, что-жъ мнѣ дѣлать.

— Ну, вотъ поляки ужъ не теоретики.

— О полякахъ и говорить нечего. Съ ними у меня об-
щаго менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь.

— Отчего-жъ это?—перегипнаясь спросилъ Красинъ.

— Такъ. Оттого, что я ихъ знаю.

— Отчего-жъ мы находимъ солидарность?

— Оттого, что, вѣрно, не понимаете дѣла.

— Это интересно,—смѣясь сказала Бертольдъ.

— Очень даже интересно, — отвѣчалъ Розановъ. — Вы,
г. Красинъ, человѣкъ нелогичный. Я вамъ сейчасъ это до-
кажу. Вы вчера говорили объ узкости національныхъ инте-
ресовъ и о стремленіи вашей секты дать человѣчеству ши-
рокія, равныя права и уничтожить принципы семьи. По-
ляки этого не хотятъ. Поляки бьются за національное
обособленіе; они католики, слѣдовательно не матеріалисты;
они собственники, а вашъ девизъ — общность имущества;
ваши женщины должны руководиться функціями, а у каж-
дой польки сидитъ по три ксендза во лбу и, наконецъ,

инициатива нынѣшнихъ стремленій поляковъ аристократически-католическая, а не социально-демократическая. Вы, г. Красинъ, заигрываете съ Пезабитовскимъ, когда увѣряете его въ вашей солидарности съ поляками. У васъ нѣтъ этой солидарности, и я вызываю васъ доказать мнѣ, что я ошибаюсь.

— У насъ одинъ общій врагъ.

— Врагъ одинъ у всего человѣчества. Это—его невѣжество и упадокъ нравовъ. Противодѣйствуйте ему.

— Чѣмъ же-съ?

— Чѣмъ хотите, только не насиліемъ и не ксендзами.

— Полиціей, — проиницала Бертольди. — Вотъ, Розановъ, нѣтъ ли у васъ съ нею солидарности?

Многіе засмѣялись.

Розановъ помолчалъ и потомъ, обратясь къ Бертольди, сказалъ:

— Я вамъ сто разъ говорилъ, Бертольдинка, что вы выше закона и обращать вниманіе на ваши слова непозволительно.

— А о католичествѣ, панъ Розановъ, ошибаетесь, — сказалъ по-польски Незабитовскій.

— Не думаю, — по-польски же отвѣчалъ Розановъ.

— Мы терпимъ ксендзовъ, пока они теперь намъ нужны, а потомъ къ чорту ихъ всѣхъ.

— Э! дудки это, панове! Ксендзы похитрѣе васъ. У васъ въ каждомъ домѣ, что ни женщина, то ксендзовскій адвокатъ. Ксендзы да жида крѣпче васъ самихъ въ Польшѣ. Разоритесь понемножку, такъ жида васъ всѣхъ заберутъ въ ланы, и будетъ новое еврейское царство.

— Если всѣ такъ будутъ разсуждать только, — вмѣшался, понявъ послѣднія слова, Бычковъ: — то, разумѣется, ничего не будетъ, а нужно дѣлать.

— Да дѣлайте, кто-жъ вамъ мѣшаетъ, дѣлайте. Идите въ польскіе лѣса, ложитесь костью.

— И пойдутъ.

— Кто?

— Люди пойдутъ.

— Можетъ-быть, кто-нибудь и поидетъ, а ужъ вы не пойдете, за это я вамъ ручаюсь. Ну, кто, госнода, въ по-станье? записывайте Незабитовскій.

— Полноте шумѣть, — внушительно замѣтилъ Бычковъ.

— А, шумѣть!

— Нѣтъ, вы серьезно неспосны сдѣлались, Розановъ, съ вашимъ резонерствомъ,—проговорила, вставая, Лиза.

— Можетъ-быть, Лизавета Егоровна. Я не виновата, что въ такіе дни живу, когда люди умъ теряютъ. А вотъ, не угодно ли вамъ спросить поляка Незабитовскаго, что они думаютъ о нашемъ либерализмѣ? Они дорожатъ имъ, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ, и болѣе готовы уважать рѣзкое слово, чѣмъ безплодные заигрыванія. Наши либералы надули того, на кого сами молились; надуютъ и поляковъ, и васъ, и себя, и всѣхъ, кто имѣетъ слабость вѣрить ихъ заученнымъ фразамъ. Самоотверженныхъ людей столько сразу не родится, сколько ихъ вдругъ откликнулось въ это время. Мы съ вами видѣли одного самоотверженнаго человѣка-то, такъ онъ похожъ на нашихъ, какъ колесо на укусъ? Одно воспитаніе выдѣляетъ Богъ знаетъ какъ. А это что? Пустозвоны, да и только.

— Только и есть будто на свѣтѣ людей, Розановъ?

— Нѣтъ, еще одного знаю.

— Покажите же намъ,—проищала Бертольди.

— Не разглядите.

— Что это такое?

— Да такъ; не умѣли до сихъ поръ разглядѣть, Лизавета Егоровна, такъ ужъ не разглядите.

— Это не вы ли?—спросила Бертольди.

— Нѣтъ, не я и не вы, Бертольдинька.

— А кто это былъ первый?—спросилъ Краснѣй.

— Я думаю, онъ говорилъ о Райнерѣ,—отвѣчала Лиза.

— О Райнерѣ! — воскликнулъ изумленный Краснѣй. — Помилуйте, Райнеръ шпионъ.

— Ну, вотъ вамъ и поздравляю,—замѣтилъ Розановъ.

И пошелъ споръ о Райнерѣ, закончившійся тѣмъ, что Райнеръ, точно, человѣкъ сомнительный.

— Да, шутъ гороховый этотъ Райнеръ, — произнесъ въ концѣ спора Розановъ:—несло его сюда къ намъ; говорилъ ему, упрасивалъ ухъать, ибѣтъ-таки, ну, упрямая овца волку жъ корысть.

— Что жъ это по-вашему, мы такая ужъ дрянь, — начала, было, Бертольди, но Розановъ перебилъ ее.

Давно всѣ знали въ Москвѣ, что и въ Петербургѣ политическая возбужденность совсѣмъ упала, и въ обществѣ на-

чался критическій разборъ либерализма, но еще въ Москвѣ не знали хорошо, во что ударились разсѣянные остатки петербургскихъ псевдолибераловъ. Теперь это разомъ объяснилось Розанову; они не сложили рукъ, какъ московскіе, и не взялись за работу, а выдумали новый, совершенно безопасный и невызывающій ничего противодѣйствія союзъ, придавая ему характеръ псевдо-соціальной борьбы. Розановъ понялъ это и, остановивъ Бертольдп, сказалъ:

— Да, мы съ вами ужъ такая дрянь, что и нѣтъ хуже. Говорить даже гадко: и въ коробъ не лѣземъ, и изъ короба не идемъ; дрянь, дрянь, ужасная дрянь.

А на дворѣ ужъ занималась зорька, оттѣняя верхушки высокихъ сосенъ сокольницкаго лѣса. Общество разсталось довольно холодно; Розановъ повелъ домой Калистратову.

— А вы большой спорщикъ, — говорила она, подходя къ дому.

— Надоѣдаютъ мнѣ эти хлыщп, Полина Петровна. Это, вѣдь, что же? Былъ застой; потомъ люди проснулись, ну, поддались несбыточнымъ увлеченіямъ, надѣлали глупостей, порастеряли даромъ людей, но все, вѣдь, это было человѣческое, а это что же? Восвать съ вѣтряными мельницами, воевать съ обществомъ, злить понапрасну людей и покрывать это именемъ какого-то новаго союза. Ну, что это за союзъ? Вы посмотрите, что это такое: женщинокъ побольше посбивать съ толку, пожить съ ними до безстыдства, до наглости, а потомъ будь, что будетъ. Имъ, вѣдь, ничего, а тѣ будутъ рѣшку пѣть. О, подлецы, подлецы неонисуемые!

— Полноте браниться-то такъ, Дмитрій Петровичъ, — смѣясь проговорила Полинъка. — Ну, что вамъ до нихъ?

— Какъ что-съ? Они слабыхъ людей сколько могутъ увлечь? Попробовали бороться съ правительствомъ, видятъ — кусается, ну, такъ вотъ теперь другое выдумали. Дѣло, точно, безопасное. Что жъ, развратъ вездѣ тернится, подъ весьма различными формами, только зачѣмъ же изъ него дѣлать какое-то общественное служеніе. Любви у насъ и такъ пѣтъ; женщинъ мы всегда умѣли перемѣнять; трудиться серьезно никогда не умѣли; дѣтей тоже прикидывали на долю одной матери, либо на заботы опекунскаго совѣта; но зачѣмъ же опять все это формулировать въ какую-то революцію? Честность, честность въ отношеніи съ женщинами. Чтобъ любовь-то была, а не «волненье крови

молодой», чтобъ нравственныя обязательства, вытекающія изъ союза съ любимой женщиной, были крѣпки и святы, а не считались вздоромъ. Я самъ нищъ и убогъ на всѣхъ пунктахъ, такъ мнѣ бы нечего ихъ оспаривать: пусть дѣлать чертковскій домъ, авось и мнѣ уголочекъ бы какой-нибудь достался; пусть.

— Что пусть?

— Ничего-съ.

— Это, вѣрно, насчетъ женщинъ?

— Да-съ, насчетъ женщинъ.

— Что же это такое?

— Да, что жъ вы думаете, мнѣ полюбить-то и быть любимымъ не хочется, что ли?

— Хочется?

— Еще бы! даже и очень.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Какъ зачѣмъ?

— Вѣдь вы были влюблены въ Бахареву.

— Господи помилуй! и въ помышленіи никогда не было.

— Напрасно; а она не изъ тѣхъ, чтобы передъ чѣмъ-нибудь остановилась.

— Да это что говорить, Полина Петровна!

— Что?

— Это не идетъ намъ.

— Отчего это?

— Такъ; я человѣкъ съ большими недостатками и слабостями, а она дѣвушка сильная и фанатичка. Мы не можемъ ладить. Я ей благодаренъ за многое, но любить ее...

— Не можете?

— Не могу-съ.

— Отчего же не можете любить сильной женщины?

— Да такъ; оттого что лычко съ ремешкомъ не вяжется. Она меня не поддержитъ, а я человѣкъ разбитый: мнѣ нужно много снисхожденія. Я хотѣлъ бы хоть каплю простого, теплаго участія.

— Какая сентиментальность!

— Нѣтъ-съ, не сентиментальность. Любить человѣка въ моемъ положеніи надо много смѣлости. Сентиментальная трусика и эгоистка на такую любовь не годится.

— А какая же годится?

— Такъ вотъ, простая, здравомыслящая и добрая женщина.

— Простая, здравомыслящая и добрая: вы сущихъ пустяковъ желаете, Дмитрій Петровичъ.

— А что жъ вы думаете?

— Ну, поищите же ее до второго пришествія.

— Отчего? Да вонъ ваша же подруга, Женни Гловацкая...

— Ну, не думаю; правда, я ее знала ребенкомъ; можетъ-быть, теперь она очень перемѣнилась, а когда я ее знала въ институтѣ, она не подавала такихъ надеждъ. Я, вѣдь, раньше ихъ вышла за два года, но все-таки не думаю, чтобы Женни на такую штуку рискнула, — произпесла тономъ опытной женщины Калистратова.

— А вы сами? Вы тоже не рискнули бы?

Калистратова слегка покрасилъ, но твердо сказала:

— Я еще объ этомъ не думала.

— А вы, вѣдь, прелестная женщина!

— Будто?

— Право, прелестная. Ни при одной женщинѣ такъ хорошо себя не чувствуешь, какъ при васъ.

— Все это вы себѣ сочиняете, — проговорила Полина, и ея блѣдныя щеки еще болѣе зарумянились.

— Нѣтъ, это не сочиненіе, а...

— Полноте, — сказала, перервавъ его серьезно, Полина.

— Отчего же не сказать правды? Я очень часто о васъ думаю.

— Полноте, — еще строже остановила Калистратова.

— Какъ хотите; а я радъ, что, узнавъ васъ, я еще почувствовалъ, что могу привязаться къ женщинѣ. Да...

— Розановъ! я васъ два раза просила перестать. Это мнѣ, наконецъ, неприятно.

— Если это васъ оскорбляетъ.

— Не оскорбляетъ, — оскорблится нечѣмъ, а... зачѣмъ такіе разговоры.

Они дошли молча.

— Вы сердитесь? — спросилъ Розановъ у калитки.

— Я ужъ вамъ сказала, что сердиться мнѣ не за что, — отвѣчала Полинка, и спокойно дала ему поцѣловать свою руку.

Чортъ знаетъ какъ гадко послѣ такого разговора очутиться въ пустой, одинокой комнатѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Разрывъ.

Розановъ три вечера кряду ходилъ съ Полиньюкой Калистратовой къ Лизѣ и три раза не заставалъ дома ни Лизы, ни Бертольди, ни Помады.

Слустья два дня, онъ опять захелъ послѣ обѣда къ Калистратовой, чтобъ идти съ нею къ Лизѣ.

— Да что жъ ходить, Дмитрій Петровичъ, — отвѣчала Полиньяка:—пожалуй опять не застанемъ.

— Попробуемте; все равно—вечеръ хорошій, пройдемся.

— Пожалуй; гдѣ это они пропадаютъ?

— Диковина.

— Эта Лизочка все суетится, бѣдная.

— Какъ это? Что вы думаете?

— Да вѣрно все съ этимъ Красинымъ возится.

— Ну, Богъ знаетъ, что!

— Да отчего же.

Полиньяка Калистратова ни духомъ, ни словомъ не давала Розанову замѣтить, что она помнитъ о его признаніи. Все шло такъ, какъ будто ничего не было.

Лизу на этотъ разъ они застали дома и притомъ одну; Бертольди и Помады не было. Розановъ освѣдомился о нихъ и получилъ въ отвѣтъ, что они поѣхали къ Красину.

— А вы какъ же дома?—спросилъ онъ съ притворнымъ удивленіемъ.

— Я дѣлаю то, что я хочу,—отвѣчала Лиза.

Никакъ разговоръ не клеился.

— Вы больны сегодня, Лизавета Егоровна? — спросилъ Розановъ.

— Нѣтъ, я здорова,—и сейчасъ же добавила: — что ты, Полиньяка, какъ поживаешь, чѣмъ занимаешься?

— Ничѣмъ, мой другъ; бѣлье себѣ шью, понемножку поправляю кое-что.

— Этакъ твой капиталъ скоро изсякнетъ.

— Да у меня остается пятьсотъ рублей.

— Гм! не много.

— Что дѣлать.

Вышла довольно большая и довольно тяжелая пауза.

— Пойду на мѣсто, какъ оправлюсь немного.

— Въ гувернантки?

— Да, теперь я одна: вездѣ могу быть.

— Все это очень непрочное.

— Да что жъ дѣлать, Лиза.

— И осуждасть на вѣчное одиночество.

— Ну, ужъ объ этомъ, душка, и говорить нечего, я давно съ этимъ свыклась.

— Есть другія возможности устроиться независимо; на-примѣръ.—самостоятельный трудъ.

— Надо имѣть капиталъ, Лизавета Егоровна, чтобъ было къ чему приложить трудъ, а одними руками ничего не сдѣлаешь.

— Нѣтъ, въ Петербургѣ уже это устраивается.

— Исторія!—крикнула, влетая, Бертольди.

— Что это вы?—спросила ее Лиза.

— Красинъ поспорилъ съ Бычковымъ о вѣрности; мнѣнія раздѣлились, и Красинъ разбилъ всѣхъ на-голову; фактами доказалъ, что должно противодействовать этому застарѣлому понятію.

— О вѣрности?—спросилъ Розановъ.

— Да-съ, о вѣрности въ бракѣ. Красинъ все въ доказалъ, что женщина не имѣетъ права быть вѣрною отсутствующему человѣку.

— Ибо?

— Ибо она лишаетъ тѣмъ полноты жизни другихъ ее окружающихъ.

— Экая скотина!

— Кто это: Красинъ?

— Да, разумѣется.

— Дмитрій Петровичъ, мы съ вами старые знакомые, это правда; но это не даетъ вамъ права оскорблять при мнѣ моихъ новыхъ знакомыхъ,—вспыльчиво произнесла Лиза.

— Этотъ шальной Красинъ вашъ другъ?

— Прошу васъ такъ о немъ не выражаться!—еще вспыльчивѣе проговорила Лиза.

— Человѣкъ, проповѣдующій такой цинизмъ, можетъ быть вашимъ другомъ?

— Я вамъ сказала, и болѣе намъ говорить не о чемъ. Бертольди, куда вы послали Помаду?

— Я ему велѣла зайти купить для васъ стаканъ. Онъ тамъ тоже спорилъ.

— Отвергалъ вѣрность?—спросилъ Розановъ.

— Нѣтъ, онъ съ вами и со всѣми отсталыми.

— Слава Богу, что не съ вами. А вы позволите откровенно спросить, Лизавета Егоровна, вы тоже за красинское мнѣніе?

— Разумѣется,—поспѣшила сказать Бертольдн:—предразсудки не должны останавливать женщину, желающую содѣйствовать гражданскому успѣху. Волокитствомъ да любовью есть время заниматься только пустымъ идеалистамъ.

Розановъ вдругъ всталъ, посмотрѣлъ на Бертольди, потомъ на Лизу, хотѣлъ ее спросить что-то, но опять сѣлъ и сталъ смотрѣть въ окно.

Бертольдн захохотала.

— А вы думали, что еще долго люди будутъ развлекаться любовью?—спросила она Розанова.

— Ну, извините, я ужъ не могу съ вами и говорить послѣ того, что вы сказали при двухъ женщинахъ.

— А по-вашему, честнѣе обмануть женщину любовью? Зачѣмъ же ложь,—лучше поступать откровенно.

— Вы просто ничего неспособны понимать.

— Фактъ.

— Что это *фактъ*?

— То, что я вамъ сказала.

— Нѣтъ, это ужъ выше силъ. Я не знаю, какъ вы все это слушаете, Лизавета Егоровна.

— Я приучила себя *все* слушать; вы вѣдь тоже говорите не стѣсняясь,—отвѣчала сухо Лиза.

— Но я не оскорбляю человѣческихъ чувствъ моими словами.

— Въ словахъ Бертольдн есть свои основанія.

— Вы этого не думаете, Лизавета Егоровна.

— Почему знать. Не думаете ли вы, что я согласна съ вами, потому что я съ вами съ нѣкотораго времени не спорю.

— Вы меня хотите обидѣть, Лизавета Егоровна, или такъ это говорите?

— Какой наивный вопросъ!—воскликнула, засмѣявшись, Бертольдн.

— Что же, однако, это не идетъ Помада?—спрашивала Лиза.

— Онъ, вѣрно, еще зайдетъ къ прачкѣ, я его послала туда, да онъ не засталъ ее утромъ дома,—отозвалась Бертольдн.

— Лизавета Егоровна,—началь послѣ паузы Розановъ:— и быть бы очень радъ, если бы вы мнѣ позволили получить отъ васъ прямой и откровенный отвѣтъ.

— Извольте,—спокойно отвѣчала Лиза.

— Мы съ вами только натягиваемъ ланни отношенія.

— Это правда.

— Я это давно вижу.

— Еще бы?—буркнула Бертольди, набивая себѣ папирску.

— Мы стали во всемъ расходиться.

— Мы никогда и не сходились.

— Ну, нѣтъ; было время, что мы находили о чемъ говорить.

— Да, я тогда принимала васъ совсѣмъ за другого человѣка: а вы вовсе не то, что я о васъ думала.

— То-есть, что же я, негоднй какой, или предатель, врагъ чего-нибудь хорошаго?

— Нѣтъ, но вы эгоистъ.

— Я! я эгоистъ!

— Да, въ пространномъ смыслѣ слова; вы все-таки больше всѣхъ любите себя.

— Лизавета Егоровна! это не вамъ бы говорить, не мнѣ бы слушать.

— Отчего же-съ: что вы любили когда-то свою жену и что любите, можетъ-быть, ребенка.—это еще не велика заслуга передъ человѣчествомъ. Вы себя въ нихъ любите.

— Лизавета Егоровна, это не такъ!

— А какъ же? человѣкъ любить семью для себя. Вѣдь вы же перестали любить жену, когда она стала дѣлать вамъ гадости.

— Нѣтъ, не тогда я пересталъ ее любить.

— Ну, это все равно. Дѣло не въ томъ, а вы равнодушны къ человѣческому горю; вы только пугаете людей и стараетесь при каждомъ, рѣшительно при каждомъ случаѣ, отклонять людей отъ готовности служить человѣчеству. Вы портите дѣло, вы отстаиваете рутину.—вы, по-моему, человѣкъ рѣшительно вредный. Это мое откровенное о васъ мнѣнiе.

— Покорно васъ благодарю за эту откровенность,—сказалъ, приподнимаясь, Розановъ.—Что жъ, послѣ такого разговора, я полагаю, нѣтъ причинъ продолжать наше знакомство.

— Какъ хотите, Дмитрій Петровичъ,—спокойно отвѣчала Лиза:—я на васъ не сержусь, но общаго между нами ничего нѣтъ, и вы, дѣйствительно, только разъединяете наше общество своимъ присутвіемъ.

— Я этого болѣе не буду дѣлать,—отвѣчала, поднимаясь и берясь за шляпу, Розановъ. — Но я тоже хотѣлъ бы заплатить вамъ, Лизавета Егоровна, за вашу откровенность откровенностью же. Вы мнѣ наговорили много о моемъ эгоизмѣ и равнодушіи къ ближнимъ; позвольте же и мнѣ указать вамъ маленькое пятнышко въ вашей гуманности, пятнышко, которое тоже очень давно заставляетъ меня сомнѣваться въ этой гуманности.

— Какое пышное словоизверженіе, — прощала Бертольд.

Калистратова встала и начала надѣвать шляпку.

— Вы когда-нибудь останавливались въ вашихъ размышленіяхъ надъ положеніемъ человѣка, который весь одна любовь къ вамъ?

— Это вы о комъ говорите?

— Я говорю о Помадѣ.

— Что это такое? что такое о Помадѣ?

— Я говорю о Помадѣ, котораго вы губите, вмѣсто того чтобы быть ему полезною.

— Какъ вы смѣете мнѣ говорить это!

— Смѣю-сь, смѣю, Лизавета Егоровна, потому что вы поступаете съ нимъ жестоко, безчеловѣчно, гадко. Вы ничего, такъ ровно ничего для него не сдѣлали; скажу еще разъ: вы его погубили.

— Дмитрій Петровичъ!

— Ничего-сь, положено быть откровенными. Помада...

— Помада никогда ничего не дѣлалъ всю свою жизнь.

— Ну, какъ это сказать: было же время, что онъ учился и отлично учился, а это онъ ужъ послѣ опустился и ошалѣлъ.

— Не я, надѣюсь, въ этомъ виновата.

— Въ этомъ не вы виноваты, а въ томъ, что онъ совсѣмъ потерялъ голову теперь,—виноваты вы. Вы видѣли, что онъ влюбляется въ васъ, и держали его возлѣ себя, позволяли ему еще болѣе и болѣе къ вамъ привязываться. Я васъ и въ этомъ еще строго не осуждаю: этому способствовали и обстоятельства, и его привязчивая натура; но вы должны были, по крайней мѣрѣ, оцѣнить эту преданность,

а вы ея не оцѣнили: вы только были съ нимъ презрительно холодны. Вы могли, очень легко могли употребить его привязанность въ его пользу, пробудить въ немъ вашимъ вліяніемъ дѣятельность, гордость, энергію, — вы этого не сдѣлали. Вы могли не любить его, если онъ вамъ не правится, но вы должны были заплатить этому бѣдняку за все, что онъ вамъ отдалъ, самую теплую дружбою и вниманіемъ. Онъ вѣдь не дуракъ, онъ даже, можетъ-быть, поумнѣе многихъ умниковъ; онъ бы не полѣзъ на стѣну и удовольствовался бы вашей дружбой, онъ бы васъ слушался и вы бы могли сдѣлать изъ него человѣка, а вы что изъ него дѣлаете? За посудой его посылаете; гоняете къ прачкѣ и равнодушно смѣетесь надъ тѣмъ, что онъ ничего не дѣлаетъ и живетъ, какъ птица небесная, только для того, чтобы служить вамъ?

— Это говоритъ въ васъ злоба, — замѣтила Бертольди.

— Какая злоба?

— Хотите выйти отсюда героемъ, защитникомъ угнетенныхъ и обиженныхъ.

— Отчего вы не говорили мнѣ прежде? — спросила Лиза.

— Стѣснялся; не хотѣлъ васъ смущать; ждалъ, что вы жскалитесь надъ нимъ; а теперь, когда мы съ вами расстаемся, я вамъ это высказываю.

— Потрудитесь, пожалуйста, ужъ образумить и вашего Помаду.

— Какой же онъ мой? Онъ болѣе вашъ, чѣмъ мой.

— А мнѣ до него съ этихъ поръ цѣтъ дѣла: я попрошу его оставить меня и дѣлать, что ему тамъ нужно и полезно.

— Вотъ и прекрасно: этого только недоставало. Вотъ ваша и гуманность: съ рукъ долой — и кончено.

— Да чего же вы, наконецъ, отъ меня хотите? — запальчиво крикнула Лиза.

— Хочу? Ничего я отъ васъ не хочу, а желаю, чтобы несобятная ширь вашихъ стремлений не мѣшала вамъ, любя человѣчество, жалѣть людей, которые васъ окружаютъ, и быть къ нимъ посписходительнѣе. Пока мы не будемъ считать для себя обязательнымъ участіе къ каждому человѣку, до тѣхъ поръ всѣ эти гуманныя теоріи — вздоръ, ахинея и ложь, только вредящая дѣлу. Вы вонъ Красна-то за человѣка считаете, а Краснъ сто разъ хуже Арапова, хуже Зарницына, хуже всѣхъ. Васъ отуманиваетъ ваша горячая

патура и честныя стремленія, и вы не видите, кого вы принимаете за людей. Это трусы, которымъ хочется прослыть дѣятелями и которые выдумали играть безопасную для себя комедію, разславляя, что это какое-то политическое дѣло. Отлично! За это въ Сибирь не сошлютъ и даже подъ арестъ не посадятъ; а между тѣмъ нѣкоторое время мы этакъ порисуемся. Но зато, вотъ помяните мое слово, проснется общественное сознаніе, очнутся нѣкоторые изъ нихъ самихъ, и не будетъ для нихъ на русской землѣ людей поганѣ этихъ Красныхъ; не будетъ ни одного изъ нихъ самими ими неразоблаченнаго и незаплеваннаго. Это не то увлеченіе, которое недавно прошло и которому рѣдкій, рѣдкій не поддавался, это даже не фанатизмъ; такой фанатизмъ вотъ можетъ проявляться въ васъ, въ другихъ честныхъ людяхъ, а это просто игра человѣческою глупостью и страстями, это эксплуатація людей, легко увлекающихся. Погодите: теперь они легко вербуютъ оттого, что люди еще гонятся за именемъ либерала, а вотъ они окажутъ отечеству иную услугу. Они устраиваютъ такъ, что порядочный человѣкъ станетъ стыдиться названія русскаго либерала. Да-съ, Лизавета Егоровна, *стыдиться* стануть, и это устроить они, а не ретрограды, не рутинисты. Вы думаете, это что-нибудь новое? Вѣдь все это ужъ старо. Въ 1802 году дѣды наши читали «Естественный Законъ» изъ сочиненій господина Вольтера. Помилуйте, да въ наше университетское время тоже было стремленіе къ радикализму; всѣ мы болѣе или менѣе были радикалы, и многіе до сихъ поръ ими остаются.

— Не вы ли, напрімѣръ?—спросила Бертольди.

— Я, напрімѣръ, да-съ.

— А что же вы сдѣлали? женились и скверно жили съ женою?

— Да-съ. Мы довели общество до того, что оно, ненавиди насъ, все-таки начинало насъ уважать и за насъ пока еще нынче церемонится съ вами, а вы его избавите и отъ этой церемонности.

— И лучше,—на чистоту.

— Ну, увидимъ.

— Не думаете ли вы, что мы вашего общества боимся.

— Да кто вы? Кто это вы? Много ли *васъ-то*? Васъ и пугать не стануть, — сами попричетесь, какъ мыши. Силачи какіе! Вы посмотрите, вѣдь на это не надо ни воли,

ни знаній, ни смѣлости; на это даже, я думаю, Бѣлоярцевъ, и тотъ пойдетъ.

— Еще бы? да онъ нашъ. Что-жъ вы такъ разсуждаете о Бѣлоярцевѣ?

— Милосердный Боже! и Ты это видишь и терпишь! И Бѣлоярцевъ во либералахъ! Еда и Саулъ во пророцѣхъ!— Лизавета Егоровна! да я готовъ васъ на колѣняхъ умолять, осмотритесь вы, прогоните вы отъ себя эту сволочь.

— Вы забыли, что отсюда прогоняютъ *васъ*?— съ презрительною улыбкой сказала Бертольди.

Лиза хранила мертвое молчаніе.

— Да, я это, дѣйствительно забыть, — произнесъ Розановъ и, поклонившись Лизѣ, пошелъ за двери.

— Подождите же меня, Дмитрій Петровичъ. — крикнула ему въ окно Калистратова и, простясь съ Лизой и Бертольди, тоже вышла вслѣдъ за Розановымъ.

Лиза все сидѣла и молча смотрѣла на полъ.

— Какая свиньища, однакоже, этотъ Розановъ: его тоже непременно нужно будетъ похѣрить, — проговорила Бертольди, сдѣлавъ нѣсколько концовъ по комнатѣ.

— Всѣ очень хороши въ своемъ родѣ, — тихо отвѣтила Лиза и, перейдя на диванъ, прислонилась къ подушкѣ и завела вѣки.

На дворѣ отходилъ густой и необыкновенно теплый вечеръ и надвигалась столь же теплая ночь.

Розановъ съ Калистратовой, отойдя съ полверсты, встрѣтили Помаду. Онъ шелъ съ большимъ узломъ на плечѣ и съ палкой. Можно было догадаться, что Помада очень весель, потому что онъ задувалъ въ разладъ:

Nos habeeebit huuuumus.

Nos habeeebit humus.

— Помада,—окрикнулъ его докторъ.

— Э!—отозвался Помада и соскочилъ съ высокой окраины дорожки, которую шелъ.

— Откуда?

— Изъ разныхъ мѣстъ, братецъ; здравствуйте, Полина Петровна, — добавилъ онъ, снимая свой неизмѣнный блинъ съ голубымъ околышемъ, и сейчасъ же продолжать: — взобрѣлъ, братецъ, какъ лошадь; такой узлице тяжелый, чтобъ его чортъ взялъ совсѣмъ.

— Чтò это у тебя въ узлѣ-то?

— Вѣлье отъ прачки несу Елизаветѣ Егоровнѣ.

Калистратова засмѣялась, а Розанову было досадно.

— Слуга-личарда вѣрный, — сказать онъ Помадѣ: — когда ты дѣло-то будешь дѣлать?

— А мнѣ, братъ, ужъ мѣсто обѣщало.

— Какое жъ мѣсто?

— Богатыревъ меня въ сенать опредѣляетъ.

— Писателемъ?

— Да, пока; чудакъ ты; вѣдь нельзя же разомъ.

— Десять сребрениковъ будешь получать въ мѣсяць?

— Нѣтъ, я думаю больше.

— Хорошо жъ твое дѣло! Прощай, спѣши съ бѣльемъ.

— Или спать ложатся?

— Кажется.

— О, чортъ меня возьми! — воскликнулъ Помада и, взваливъ на плечо узелъ, замаршировалъ бѣглымъ шагомъ, даже забывъ проститься.

Розановъ съ Калистратовой обернулись и молча смотрѣли на Помаду, пока бѣлѣвшійся на его плечѣ огромный узелъ съ бѣльемъ исчезъ въ темнотѣ ночи.

— Это у него, значитъ, и на извозчика нѣту, — произнесла Полинъга.

— Да нѣту же, нѣту.

И Розановъ, и Калистратова почти ничего не говорили во всю дорогу. Только у своей калитки Калистратова, пожавъ руку Розанову, сказала:

— Вы, Дмитрій Петровичъ, не огорчайтесь. Я очень жалѣю, что все это такъ вышло; но вѣдь это не нынче, такъ завтра должно было непременно случиться.

— Да, я ужъ привыкъ къ такимъ встрепкамъ, только досадно подумать, за что это на мою долю ихъ такъ много выпадаетъ. Вѣдь вотъ всегда такъ, какъ видите. Ну, чѣмъ я виноватъ сегодня?

— Вы сегодня совершенно правы и потому должны быть совсѣмъ спокойны.

— А между тѣмъ я же все сиротѣю и сиротѣю; даже жизнь иной разъ становится постылой!

— Не вамъ однимъ такъ, — отвѣчала своимъ разбитымъ голоскомъ Калистратова, дружески пожавъ его руку, и Розановъ потянулся по пустымъ улицамъ Сокольниковъ на свою квартиру.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Осенняя *Liebesfieber*.

Послѣ разрыва съ Лизою, Розанову некуда стало ходить, кромѣ Полиньки Калистратовой; а лѣто, хотя уже и пришло къ концу, но дни стояли прекрасные, теплые и дачники еще не собирались въ пыльный городъ. Даже Помада сталъ избѣгать Розанова. На другой день послѣ описаннаго въ прошедшей главѣ объясненія, онъ рано прибѣжалъ къ Розанову, взволнованнымъ, обиженнымъ тономъ выговаривалъ ему за желаніе поссорить его съ Лизою. Никакого средства не было урезонить его и доказать, что такого желанія вовсе не существовало.

— На что тебѣ было говорить обо мнѣ! на что мѣшать мое имя! хотѣлъ самъ ссориться, ну и ссорься, а съ какой стати мѣшать меня. Я очень дорожу ея вниманіемъ, что тебѣ мѣшать меня! Я вѣдь не маленькій, чтобы за меня заступаться, — частилъ Помада и съ этихъ поръ началъ избѣгать встрѣчъ съ Розановымъ.

Онъ не разошелся съ Розановымъ и не разлюбилъ его, а сталъ его бояться и, къ тому же, въ отчужденіи отъ Розанова онъ полагалъ заслугу передъ своимъ пцоломъ.

Калистратова навѣщала Лизу утрами, но гораздо рѣже, отговариваясь тѣмъ, что вечеромъ ей не съ кѣмъ ходить.

Лиза никогда не спрашивала о Розановѣ и какъ рыба молчала при всякомъ разговорѣ, въ которомъ съ какой бы то ни было стороны касались его имени.

Розановъ же въ первый одинокій вечеръ опять-было развернулъ свою диссертацию, но не усидѣлъ за столомъ и пошелъ къ Калистратовой.

Съ того дня онъ аккуратно каждый вечеръ являлся къ ней, и они до поздней ночи бродили по сокольницкому лѣсу.

Въ этихъ ночныхъ бесѣдахъ ни она, ни онъ никогда не говорили о своемъ будущемъ, но незамѣтно для нихъ самихъ, самымъ тщательнымъ образомъ рассказали другъ другу свое прошедшее. Передъ Розановымъ все болѣе и болѣе раскрывалась нѣжная душа Полиньки, а въ Полинькѣ укрѣплялось сожалѣніе къ доктору.

Дружба и теплота ихъ взаимныхъ отношеній все заходили далѣе и далѣе. Часто цѣлыя короткія ночи просиживали они на холмикѣ, говоря о своемъ прошедшемъ. О

своемъ будущемъ они никогда не говорили, потому что они были *люди безъ будущаго*.

Темная синева московскаго неба, истыканная серебряными звѣздами, блѣднѣеть, роса засеребрится по сѣрѣющей въ полумракѣ травкѣ, потомъ поползеть рѣдкій сѣдой туманъ и спокойно поднимается къ небу, то ласкаясь на прощанье къ дремлющимъ березкамъ, то расчесывая свою рѣдкую бороду о колючія полы сосенъ; въ сторонѣ отчетливо и звучно застучать зубами лошади, чешущіяся по законамъ взаимнаго вспоможенія; гудя пройдетъ тяжелымъ шагомъ убѣжавшій быкъ, а люди безъ будущаго все сидятъ. Розановъ сидитъ, обхвативъ руками свои колѣни и уткнувъ въ нихъ свой подбородокъ, а Полинъка, прислоня къ щецкѣ палецъ и облокотясь рукою на брошенное на травѣ розановское пальто.

Такъ проводили время наши сокольницкіе пустынноики, какъ московское небо стало хмуриться, и въ одно прекрасное утро показался снѣжокъ. Снѣжокъ, конечно, быть пустой, только выпалъ и сейчасъ же растаялъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ оповѣстилъ дачниковъ, что зима стоитъ недалеко за Валдайскими горами. Надо было переѣзжать въ городъ.

Это обстоятельство очень непріятно напомнило Розанову о томъ страшномъ житьѣ, которое, того и гляди, снова начнется съ возвращеніемъ жены и углекислыхъ фей. А Розанову было такъ хорошо стало, жизнь будто еще разъ начиналась послѣ всѣхъ досадныхъ тревогъ и опостылѣвшихъ сухихъ споровъ.

Прощались они съ Полинъкою самымъ теплымъ, самымъ душевнымъ образомъ, даже давали другъ другу совѣты, какъ жить въ Москвѣ.

Розановъ возвращался на Чистые Пруды, а Полинъка переѣзжала въ Грузины, къ нѣкоей благодѣтельницѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, у которой приставали отыскивающія мѣсть гувернантки и бонны. У Варвары Алексѣевны было десять или двѣнадцать коморочекъ, весьма небольшихъ, но довольно чистенькихъ, сухихъ, теплыхъ и свѣтлыхъ; да и сама Варвара Алексѣевна была женщина весьма теплая и весьма честная: обращалась съ своими квартирантками весьма ласково, охраняла ихъ отъ всякихъ обидъ; брала съ нихъ по двѣнадцати рублей со всѣмъ: со столомъ, чаемъ

и квартирой и, вдобавокъ, перѣдко еще «обжидала» деньжонки. Варвару Алексѣевну очень любили ея разбитыя и безпомощныя жилицы почти тою же самою любовью, которая очень надолго остается у нѣкоторыхъ женщинъ къ ихъ бывшимъ институтскимъ наставницамъ и воспитательницамъ. Полинька ни за что не хотѣла возвращаться къ дядѣ, не хотѣла жить одна или съ незнакомыми людьми, и возвращалась подъ крылышко Варвары Алексѣевны, у которой жила она до переезда въ Сокольники.

Въ розановской квартирѣ было все въ безпорядкѣ; навороченная мебель стояла грудями, — все глядѣло нехорошо какъ-то.

Но Розанову недолго приходилось скучать безпорядкомъ и одиночествомъ. За послѣдними, запоздавшими журавлями, поднялось и потащилось къ городамъ русское дворянство, и въ одно подлѣйшее утро Ольга Александровна пріѣхала дѣлать порядокъ въ розановской жизни.

Въ первый день Ольга Александровна, по обыкновенію, была не въ мѣру нѣжна; во второй — не въ мѣру чувствительна и придирчива, а тамъ у нея во лбу сощелкивало, и она несла зря, чтб ни попало.

Нынѣшній разъ процессъ этотъ совершился даже гораздо быстрѣе: Ольга Александровна обругала мужа къ вечеру же на второй день пріѣзда и объявила, что она возвратилась къ нему только для того, чтобы какъ должно устроиться и потомъ разстаться. Ольга Александровна не могла не торопиться отдѣлкою своего мужа, ибо, во-первыхъ, въ теченіе цѣлаго лѣта онъ могъ совсѣмъ отвыкнуть отъ пробонокъ, могъ, какъ она выражалась, «много о себѣ возмечтать»; а во-вторыхъ, и удобный случай къ этому представился. Ребенокъ, по мнѣнію доктора, былъ дурно содержанъ въ теченіе лѣта. Дѣвочка вернулась нимало не поправившись, такая же изнѣженная, слабая. — вдобавокъ съ нѣкоторыми, весьма нехорошими, по мнѣнію Розанова, наклонностями.

Съ перваго же указанія на это. Ольга Александровна поставила себя въ отношеніи къ мужу на военное положеніе. Ея всегдашняя безцеремонность въ обращеніи съ мужемъ не только нимало не смягчилась отъ долговременнаго общенія съ углекислыми феями, но, напротивъ, стала еще рѣзче. Къ тому же, Ольга Александровна вообразила

себѣ, что она въ кого-то платонически влюблена и имѣ платонически любима. При столь благопріятныхъ шансахъ Ольга Александровна хотѣла быть нарочито рѣшительною: — разводъ, и кончено. Прошла недѣля, другая, — содомъ не унимался. Розановъ сталъ серьезно втупикъ. Скандаль скандаломъ, но и ребенка жаль, да куда же дѣться? а жить порознь въ Москвѣ, въ виду этого самаго кружка, онъ ни за что бы не согласился.

Пока Розановъ волновался такими тяжелыми раздумьями и съ совершеннымъ отчаяніемъ видѣлъ погибшими всѣ свои надежды довести жену до житья, хоть не сладкаго, но, по крайней мѣрѣ, и не постыднаго, Ольга Александровна шла *forte-fortissime*. Ей непременно нужно было «*стать на ногу*», а стоять на своей ногѣ, по ея соображеніямъ, можно было только начавъ сепаратныя отношенія съ мужемъ. Углекислыя феи давно уже смотрѣли на Розанова, какъ на человѣка скупого, грубаго и неудобнаго для совмѣстнаго жительства съ «нѣжною женщиною». Давно онѣ склонялись на сторону разъединенія этой смѣшной и жалкой пары, но еще останавливались передъ вопросомъ о дѣвчкѣ, которую Розановъ, какъ отецъ, имѣлъ право требовать. Тенерь же это все порѣшилось разомъ. На основаніи новыхъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ольгою Александровною о грубости мужа, дошедшей до того, что онъ неодобрительно относится къ воспитанію ребенка, въ которомъ принимали участіе сами феи, — всѣ нашли несообразнымъ тянуть это дѣло долѣе, и Дмитрій Петровичъ, возвратясь одинъ разъ изъ больницы, не засталъ дома ни жены, ни ребенка. Въ женской спальнѣ онъ увидалъ комодъ съ выдвинутыми пустыми ящичками; образа изъ образника были вынуты; дѣтскій занавѣсъ снятъ; мелкія вещицы съ комода куда-то убраны, — вообще все, какъ послѣ отъѣзда.

«Что бы это такое?» — подумалъ Розановъ, зная, что хорошаго это предвѣщать не можетъ.

Ничего хорошаго и не было. По показанію кухарки и горничной, Ольга Александровна часовъ въ одиннадцать вышла изъ дома съ ребенкомъ, черезъ полчаса возвратилась безъ ребенка, но въ сопровожденіи Рогнѣды Романовны, на скорую руку забрала кое-что въ узлы, остальное замкнула и ушла. Куда ушла Ольга Александровна — этого не могли Розанову сообщить ни горничная, ни ку-

харка, хотя объ эти женщины весьма сочувствовали Розанову и, какъ умѣли, старались его утѣшить. Главнѣйшимъ утѣшеніемъ онѣ ставили то, что Ольга Александровна испорчена и что ее надо отчитывать. Впрочемъ, вѣрила порчѣ одна кухарка, женщина недавно пришедшая изъ села; горничная же, дѣвушка давно обжившаяся въ городѣ и на-смотрѣвшаяся на разныя супружескія траги-комедіи, только не спорила объ этомъ при Розановѣ, но въ кухнѣ говорила: «точно ее, барыню-то нашу, надо отчитывать: разложить, хорошенько пороть, да и отчитывать ей: живи, моль, съ мужемъ, не срамничай, не бѣгай по чужимъ дворамъ. А больше всего, — резонировала горничная, — больше всего мнѣ эти сороки длиннохвостыя. Въмѣсто того, чтобы добру научить, онѣ только съ толку сбиваютъ. Ухъ, ужъ я бѣ ихъ, будь я теперь на бариновомъ мѣстѣ, какъ бы я ихъ теперича отдѣлала, только любо-бѣ два. Будь это моя жена, сейчасъ бы на его мѣстѣ пошла бы и всѣхъ бы отгребала».

Между тѣмъ день сталъ склоняться къ вечеру; на столѣ у Розанова все еще стоялъ нетронутый обѣдъ, а Розановъ, мрачный и задумчивый, ходилъ по опустѣвшей квартирѣ. Наконецъ и стемнѣло; горничная подала свѣчи и еще разъ сказала:

— Да кушайте, баринъ.

Розановъ отказался ѣсть. Горничная убрала со стола и подала самоваръ. Розановъ не сталъ пить и чаю. Внутреннее состояніе его дѣлалось съ минуты на минуту тревожнѣе. «Гдѣ онѣ странствуютъ? Гдѣ мычется это несчастное дитя?» раздумывалъ онъ, чувствуя, что его оставляетъ не только внутренняя твердость, но даже и физическія силы.

— И зачѣмъ ѣхала? — спрашивалъ онъ себя. — Чтобы еще разъ согнать меня съ пріюта, который достался мнѣ съ такими трудами; чтобы и здѣсь обмарать меня и надѣлать скандаловъ. А дитя? дитя? что оно вынесетъ изъ всего этого!

— Вы, Дмитрій Петровичъ, не убивайтесь, — говорила ему съ участіемъ горничная: — съ ними ничего не случилось: онѣ здѣсь-съ.

— Гдѣ здѣсь? — спросилъ Розановъ.

— Да извѣстно гдѣ: у энтихъ сорокъ. Я, какъ огни зажгли, все подь окна смотрѣла. Тамъ онѣ... и барышня наша тамъ, на полу сидятъ, съ собачкой играютъ.

— Съ собачкой?

— Да-съ, съ собачкой съ нашей играютъ. Тамъ гости теперь; вы обождите, да и подите туда.

— Нѣтъ, Паша, не надо.

— Отчего? Вотъ глупости какія! Вы—супругъ, возьмите за ручки, да и домой.

— Нѣтъ, Паша.

— Гм! Ну, записочку напишите.

Розановъ подумаль, потомъ всталъ и написалъ: «Перестаньте срамиться. Васъ никто даже не обижаетъ; возвращайтесь. Лучше же все это уладить мирно, съ общаго согласія, или, по крайней мѣрѣ, отпустите ко мнѣ ребенка».

Паша проходила съ этой записочкой болѣе получаса и возвратилась ни съ чѣмъ. Ольга Александровна не дала никакого отвѣта.

Розановъ далъ Пашѣ денегъ и послалъ ее за Помадой. Это былъ единственный человѣкъ, на котораго Розановъ могъ положиться и которому не больно было повѣрить свое горе.

Помада довольно скоро явился съ самымъ живымъ участіемъ и готовностью на всякую услугу.

Дѣвушка еще дорогой рассказала ему все, что у нихъ произошло дома. Помада зналъ Ольгу Александровну такъ хорошо, что много о ней ему рассказывать было нечего.

— Что жъ, братъ, дѣлать?—спросилъ онъ Розанова.

— Сходи ты къ ней и попробуй ее обрзонить.

— Хорошо.

— Скажи, что я самъ безъ всякихъ скандаловъ готовъ все сдѣлать, только пусть она не дѣлаетъ срама. О, Боже мой! Боже мой!

Помада пошелъ и черезъ полчаса возвратился, объявивъ, что она совсѣмъ сошла съ ума; сама не знаетъ, чего хочетъ; ребенка ни за что не отпускаетъ и собирается завтра ѣхать къ генераль-губернатору.

— Чего же къ генераль-губернатору?

— А вотъ спроси ее.

— А дѣвочка моя?

— Спать ее при мнѣ повели: просилась съ тобою пристыться.

— Просилась?

— Да.

— Господи! что жъ это за мука!

Въ передней послышался звонокъ.

— Вотъ во-время гости-то,—сказалъ Розановъ, стараясь принять спокойный видъ.

Вошелъ Сахаровъ, веселый, цвѣтущій, съ неизмѣнною злорадною улыбкою на лицѣ, раскланялся Розанову и освѣдомился о его здоровьѣ.

Докторъ отвѣчалъ казенною фразою.

— А я къ вамъ не своей охотою, — началъ весело Сахаровъ:—я отъ барынь...

— Ну-съ,—произнесъ Розановъ.

— Вы, Дмитрій Петровичъ, оставьте все это: вамъ о ребенкѣ нечего беспокоиться.

— Ужъ объ этомъ предоставьте знать мнѣ.

— Ну, какъ хотите, только его вамъ не отдадутъ.

— Какъ это не отдадутъ.

— Такъ-таки не отдадутъ. Для этого завтра будутъ приняты мѣры.

— А вы думаете, я не приму своихъ мѣръ?

— Ну, вы свои, а мы—свои.

— Вы-то здѣсь что же такое?

— Я? я держу правую сторону.

— Кто жъ васъ сдѣлалъ моимъ судьей?

Сахаровъ состроилъ обидную гримасу и отвѣчалъ:

— Я всегда буду заступаться за женщину, которую обижаютъ.

— Уйдите, однако, отъ меня,—проговорилъ Розановъ.

— Извольте, — весело отвѣчалъ Сахаровъ и, пожавъ руку Помадѣ, вышелъ.

— Пойдемъ ко мнѣ ночевать,—сказалъ Помада, чувствуя, что Розанову особенно тяжело теперь видѣ его опустѣвшей квартиры.

Розановъ подумалъ, одѣлся, и они вышли.

Долго шли они молча; зашли въ какой-то трактирчикъ, попили тамъ чайку, ни о чемъ не говоря другъ съ другомъ, и вышли.

На дворѣ былъ девятый часъ вечера.

Дойдя до Помадиной квартиры, Розановъ остановился и сказалъ:

— Нѣтъ, я не пойду къ тебѣ.

— Отчего не пойдешь?

— Такъ, я домой пойду.

Сколько Помада ни уговаривалъ Розанова, тотъ настояль-таки на своемъ, и они разстались.

Помада въ это время жилъ у одной хозяйки съ Бертольди и нѣсколькими студентами, а Розановъ вовсе не хотѣлъ теперь встрѣчаться ни съ кѣмъ и тѣмъ болѣе съ Бертольди.

Простившись съ Помадою, онъ завернулъ за уголъ и остановился среди улицы. Улица, несмотря на ранній часъ, была совершенно пуста; подслѣповатые московскіе фонари слабо свѣтились, двѣ цѣпныя собаки хрипло лаяли въ подворотни, да въ окна одного большого купеческаго дома тихо и безмятежно смотрѣли строгіе лики окладныхъ образовъ, ярко освѣщенныхъ множествомъ теплящихся лампадъ.

Розановъ пошелъ зря.

Ничего не понимая, дошелъ онъ до театральной площади и забрелъ къ Барсову.

Заведеніе уже было пусто: только за однимъ столикомъ сидѣли два человѣка, передъ которыми стояла водка и ветчина съ хрѣномъ.

— Можно чайку?—спросилъ Розановъ знакомаго полового.

— Еще можно-съ, Дмитрій Петровичъ,—отвѣчалъ половой.

Розановъ сталъ полоскать поданный ему стаканчикъ и отъ нечего дѣлать всматривался въ сидящую неподалеку отъ него пару съ ветчиной и водкой.

Одинъ изъ этихъ господъ былъ толстый, сѣрый человѣкъ, съ маленькимъ носомъ и плутовскими, предательскими глазами; лицо его было блѣдно, а голова покрыта желто-сѣрыми клочами. Вообще это былъ типъ мелкостатейнаго трактирнаго шулера на бильярдѣ, биксѣ и въ трынкѣ. Собесѣдникъ его былъ голаеъ, смуглый, съ быстрыми, чрезвычайно живыми коричневыми глазами, гладко и довольно кокетливо причесанными напередъ черными волосами и усами à la Napoleon III. Голаеъ смотрѣлъ молодцомъ, но молодцомъ тоже темнаго разбора: это былъ не столько тонкій плуть и пролазь, сколько безпутникъ и нахальный шулеръ, но, однако, шулеръ степенью покрупнѣе своего товарища. Это былъ, что называется, шулеръ *воинствующій*, шулеръ способный, сдѣлавъ подлость, не ускользать, а обидѣться за первое замѣчаніе и неотразимо стремиться расшибить мощнымъ кулачищемъ всякую личность, которая посмѣла бы пикнуть не въ его пользу. Лицо голаеа не

было лишено даже своего рода благообразности, — благообразности, напоминающей, напримѣръ, лицо провинціальныхъ актеровъ, когда они изображаютъ «благородныхъ отцовъ» въ драмахъ, трагедіяхъ и траги-комедіяхъ. Глядя на него, вы чувствовали, что онъ не только трактирный завсегдатель, но и виѣ трактировъ членъ извѣстнаго общества; что онъ, сокрушивъ одну, двѣ обобранныя имъ бѣлогубыя рожи, могъ не безъ пріятности и не безъ надежды на успѣхъ пройти между необъятными кринолинами разрумяенныхъ и подсурмленныхъ дамъ жирнаго Замоскворѣчья, Рогожской, Таганки и Преображенскаго кладбища. Вы чувствовали, что дамы этихъ краевъ, узрѣвъ этого господина, весьма легко могли сказать своей или сосѣдской кухаркѣ: «вотъ, погляди, Акулинушка, какой чудесный мужчина ходитъ. Очень мнѣ такіе мужчины идроятся».

Розанову показалось, что онъ когда-то видѣлъ эту особу, и, дѣйствительно, онъ ее мелькомъ видѣлъ одинъ разъ на сокольницкомъ гуляньѣ и теперь узналъ ее: это былъ мужъ Полиньки Калистратовой.

Розановъ отъ нечего дѣлать сталъ теперь всматриваться въ Калистратова и старался открыть въ немъ хоть слабыя внѣшніе слѣды тѣхъ достоинствъ, которыми этотъ герой когда-то покорилъ себѣ Полиньку или расположилъ въ свою пользу ея дядей.

Ничего этого въ немъ не было, и Розановъ задумался надъ странною игрою, которая происходитъ при подтасовкѣ паръ, соединяемыхъ по волѣ случая, расчета или собственнхъ увлеченій.

Между шулерами шла бесѣда.

— Видишь,—говорилъ Калистратовъ сѣрому, поставивъ ребромъ ладонь своей руки на столѣ:—я иду такъ по тротуару, а она вотъ такъ изъ-за угла выѣзжаетъ въ каретѣ (Калистратовъ взялъ столовый ножъ и положилъ его подъ прямымъ угломъ къ своей ладони). Понимаешь?

Сѣрый мотнулъ утвердительно головою.

— Лошади вдругъ хватили, понимаешь?

Сѣрый опять мотнулъ головою.

— У кучера вожжа хлопъ, перелетѣла... лошади на дыбы и понеслись. Она распахнула дверцы и кричитъ: «спасите! спасите!» а карета рррръ-рррръ изъ стороны въ сторону.

Она все кричитъ своимъ голоскомъ: «спасите!» а народъ, разиня ротъ, стоитъ. Понимаешь?

Сѣрый еще кивнулъ.

— Я сейчасъ,—продолжалъ нараспѣвъ Калистратовъ:— разъ, два, рукою за дверцу, а она ко мнѣ на руки. Крохотная такая и вся разодртая какъ херувимчикъ. «Вы, говоритъ, мой спаситель; я вамъ жизнью обязана. Примите, говоритъ, отъ меня это на память». Видишь тамъ ея портретъ?

— Вижу,—отвѣчалъ сѣрый, прищуривая глаза и поднося къ свѣчѣ дорогой браслетъ съ женскимъ портретомъ.

— Хороша?—спросилъ Калистратовъ.

— Худенькая должна быть.

— Ну, худенькая! Тебѣ все ковригъ бы купеческихъ; тѣ ужъ надоѣли, а это сублиль-жантиль мнѣночка: про праздники беречь будемъ.

Калистратовъ все вралъ: онъ не спасалъ никакой дамы, никакая женская ручка не дарила ему этого браслета, а взялъ онъ его самъ посредствомъ четверки и сыпного туза у нѣкоего другого корнета, приобрѣтшаго страстишку къ картамъ и ключикъ къ туалетному ящичку своей жены.

Сѣрый отлично понималъ это, но не разочаровывалъ голлава, зная, что тотъ сейчасъ же заоретъ: «да я тебѣ, подлецу, всю рожу растворожу, щеку на щеку умножу, носъ вычту, а зубы въ дробь обращу».

Калистратовъ взялъ изъ рукъ сѣраго браслетъ и, дохнувъ на него, сказалъ:

— Я, братъ, разъ тарантась за задній ходъ удержалъ.

— Тсссь!—протянулъ, какъ бы изумляясь, сѣрый.

— Я ѣхалъ изъ своей деревни жениться,—продолжалъ Калистратовъ, тщательно вытирая платкомъ браслетъ:— вещей со мною было на сто тысячъ. Я сошелъ дорогой, а ямщикъ, рракаля этакая, хватъ по лошадамъ. Я догналъ сзади и за колеса: тиру, и стой.

— А то ты знаешь какъ я женился? — продолжалъ Калистратовъ, заворачивая браслетъ въ кусокъ «Полицейскихъ Вѣдомостей»: — дяди моей жены рракаля были, хотѣли ее обобрать. Я всталъ и говорю: переломаяю.

— И отдали?—спросилъ сѣрый.

— Сполна цѣлостію. Нѣтъ, говорю: она моя жена теперь, шабашъ. У меня женщину трогать ни-ни. Я вотъ этой

Кдлобихѣ говорю: дай пять тысячъ за разводъ, сейчасъ разведусь и благородною тебя сдѣлаю. Я ужъ не отопрусь. И слово дать и не отопрусь.

Калистратовъ выпилъ водки и началъ снова.

— Я даже, какъ женюсь, такъ сейчасъ прежней женѣ пенсію: получай и живи. Только честно живи: гдѣ хочешь, но только честно, не марай моего имени. А теперь хочешь уѣхать, такъ разставайся. Дай тысячу рублей, я тебѣ сейчасъ свидѣтельство и живи гдѣ хочешь; только опять честно живи, моего имени не марай.

— А Кдлюбиха скряга!

— Ну да скряжничай, не скряжничай — не отвертится. Мое слово олово. Я сказала: внѣ брака болѣе ничего не будетъ, ни-ни-ни... А перевѣнчаемся, ужъ я ей это припомню, какъ скряжничать.

— Тогда забудете.

— Увѣчить ее, стерву, буду, а не забуду! — воскликнулъ, ударивъ по столу. Калистратовъ.

Пара разошлась и вышла.

Приходилось идти и Розанову. Некуда было ему идти, до такой степени некуда, что онъ, подзвавъ полового, спросилъ:

— Нельзя ли мнѣ тутъ соснуть, Василій?

— Не позволено, сударь, — отвѣчалъ половой. — Развѣ вамъ утромъ куда нужно рано-сь?

— Да, тутъ по близости нужно.

— Буфетчика спрошу, въ диванной не дозволить ли?

Розановъ посмотрѣлъ въ отворенную дверь темной диванной, вообразилъ, какъ завтра рано утромъ купцы придутъ сюда парить свои слежавшіяся за ночь души, и сказалъ:

— Нѣтъ ужъ, не надо.

— Здѣсь почти рядомъ по семи гривенъ можно имѣть номеръ. — говорилъ ему половой.

— Да, пойду туда, — отвѣчалъ Розановъ.

И въ больницѣ, и на Чистыхъ-Прудахъ головы потеряли, доискиваясь, куда бы это дѣлся Розановъ. Даже съ Ольгп Александровны разомъ соскочилъ весь форсъ, и она очутилась дома.

Розановъ пропадалъ третій день: онъ не возвращался съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ съ Помадой.

Отыскать Розанова было довольно трудно. Выйдя отъ Барсова, онъ постоялъ на улицѣ, посмотрѣлъ на мигавшіе фонари и, вздохнувъ, пошелъ въ то отдѣленіе сосѣдней гостиницы, въ которомъ онъ стоялъ съ прїѣзда въ Москву.

— Номерочекъ! — спросилъ онъ знакомаго коридорнаго.

— Пожалуйте, вы одни-съ?

— Одинъ, — отвѣчалъ Розановъ.

— Пожалуйте.

Коридорный ввелъ гостя въ чистенькій номеръ съ мягкой мебелью и чистою постелью, зажегъ двѣ свѣчи и оставился.

— Пди, — сказала Розановъ, садясь на диванъ.

— Ничего не прикажете?

— Нѣтъ, ничего.

— Закусить, или чаю?

— Ну, дай ужъ закусить что-нибудь.

— И водочки?

— Пожалуй, дай и водочки.

Розанову подали котлетку и графинчикъ водочки, и съ тѣхъ поръ графинчика у него не снимали со стола, а только одинъ на другой перемѣняли.

Помада ноги отходилъ, искавши Розанова, и наконецъ, напавъ на его слѣдъ, по рассказамъ барсовскаго полового, нашелъ Дмитрія Петровича одиноко сидящимъ въ номерѣ. Онъ снова запилъ мертвымъ запоемъ.

Помада забѣжалъ на Чистые-Пруды и сказалъ, чтобы о Розановѣ не беспокоились, что онъ цѣль и никуда не пропалъ.

Слухъ о розановскомъ пьянствѣ разнесся по Чистымъ-Прудамъ и произвелъ здѣсь дикій гоголь, бури дыханью подобный. Бѣдная madame Розанова была оплакана и ей ужъ не оставалось никакихъ средствъ спастись отъ опеки углекислыхъ. Маркиза даже предложила ей чуланъ на антресоляхъ, чтобы къ ней какъ-нибудь ночью не ворвался пьяный мужъ и не задушилъ ее, но Ольга Александровна не воспользовалась этимъ приглашеніемъ. Ей надоѣлъ уже чуланчикъ, въ которомъ она высидѣла двое сутокъ у Рогнѣды Романовны, и она очень хорошо знала, что мужъ ее не задушитъ. Она даже ждала его въ эту ночь, но ждала совершенно напрасно. Розановъ и на четвертую ночь домой не явился. даже не явился онъ и еще двое сутокъ и ужъ

о мѣстѣ пребыванія его въ теченіе этихъ двухъ сутокъ никто не имѣлъ никакихъ свѣдѣній. Но мы можемъ посмотреть, гдѣ онъ побывалъ и что подѣлывалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.

Помада съ горькимъ соболѣзнованіемъ сообщала о пьянствѣ Розанова и Лизѣ. Онъ разсказалъ это при Полинкѣ Калистратовой, объяснивъ по порядку все, какъ это началось, какъ шло и чѣмъ кончилось, или чѣмъ должно кончиться.

— Несчастный человѣкъ!—сказала Лиза съ жалостью и съ презрѣніемъ.—Такъ онъ и пропадетъ?

— Какъ же, Лиза, надо бы что-нибудь сдѣлать, — тихо сказала послѣ Помадинаго разсказа Полинька Калистратова.

— Что же съ пьянымъ человѣкомъ дѣлать?

— Остановить бы его какъ-нибудь.

— Какъ его остановить? Я ужъ пробовала это, — добавила, помолчавъ, Лиза: — человѣкъ безъ воли и характера: ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

Лиза была въ это время въ разладѣ со своими и не выходила за порогъ своей комнаты. Полинька Калистратова навѣщала ее аккуратно каждое утро и оставалась у ней до обѣда. Бергольди Ольга Сергѣевна ни за что не хотѣла позволить Лизѣ принимать въ своемъ домѣ; изъ-за этого-то и произошла новая размолвка Лизы съ матерью.

Полинька Калистратова обыкновенно уходила отъ Лизы домой около двухъ часовъ, и нынче она ушла отъ Лизы въ это же самое время. Во всю дорогу и дома за обѣдомъ Розановъ не выходилъ изъ головы у Полиньки. Жаль ей очень его было. Ей приходили на память его теплая расположенность къ ней и хлопоты о ребенкѣ, его одиночество и неумѣнье справиться со своимъ положеніемъ. А впрочемъ, что можно и сдѣлать изъ такого положенія? думала Полинька и вышла немножко погулять.

Розановъ опять былъ съ Полинькой и до такой степени неотвязчиво онъ ее преслѣдовалъ, что она начала раздражаться. Искреннее сожалѣніе о немъ быстро смѣнялось пылкимъ гнѣвомъ и досадою. Полинька вдругъ приходила въ такое состояніе, что, какъ женщины иногда выражаются,

«вотъ просто взяла бы да побила его». И въ эти-то минуты гнѣва она шла торопливыми шагами, точно она не гуляла, а спѣшила на трепетное роковое свиданіе, на которомъ ей нужно обличить и осыпать укорами человѣка, играющаго какую-то серьезную роль въ ея жизни. Да, Полинъка и сама не думала теперь, что она просто гуляетъ: она сердилась и спѣшила. На дворѣ начинался вечеръ.

Въ одинокомъ номеркѣ тоже вечерѣло. Румяный свѣтъ заката черезъ крышу сосѣдняго дома весело и тепло смотрѣлъ между двухъ занавѣсокъ и освѣщалъ спокойно сидящаго на диванѣ Розанова.

Докторъ сидѣлъ въ вѣщъ-мундирѣ, какъ возвратился четыре дня тому назадъ изъ больницы, и завивалъ въ рукахъ длинную полоску бумажки. Въ номерѣ все было въ порядкѣ, и самъ Розановъ тоже казался въ совершенномъ порядкѣ: во всей его фигурѣ не было замѣтно ни слѣда четырехдневнаго пьянства, и лицо его смотрѣло одушевленно и опрятно. Даже оно было теперь свѣжѣе и счастливѣе, чѣмъ обыкновенно. Это бываетъ у нѣкоторыхъ людей, страдающихъ заноемъ, въ первые дни ихъ болѣзни.

Передъ Розановымъ стоялъ графинчикъ съ водкой, ломъ ржаного хлѣба, солонка и рюмка.

Въ комнатѣ была совершенная тишина.

Розановъ вздохнулъ, ириподнялся отъ стѣнки дивана, налилъ себѣ рюмку водки, проглотилъ ее и принялъ снова свое спокойное положеніе.

Въ это время дверь изъ коридора отворилась и вошелъ коридорный лакей, а за нимъ высокая дама въ длинномъ, клѣтчатомъ плюшевомъ бурнусѣ, съ густымъ вуалемъ на лицѣ.

— Выйди отсюда, — сказала дама лакею, спокойно входя въ номеръ, и сейчасъ же спросила Розанова:

— Вы это что дѣлаете?

Розановъ промолчалъ.

— Это что? — повторила дама, ударивъ рукою возлѣ графина и рюмки. — Что это, я васъ спрашиваю?

— Водка, — отвѣчалъ тихо Розановъ.

— Водка! — произнесла презрительно дама и, открывъ форточку, выбросила за нее графинъ и рюмку.

— Вы узнаете меня? — спросила дама.

— Какъ же, узнаю: вы Калистратова.

— А я васъ не узнаю.

— Я гадокъ: я это знаю.

— И пьянствуете? Гдѣ вы были все это время?

— Я все здѣсь сидѣлъ. Мнѣ очень тяжело, Полина Петровна.

— Еще бы вы больше пили!

— Тяжело мнѣ очень. Какъ Каннѣ безпріютный... Я бы хотѣлъ поскорѣе... покончить все разомъ.

Полинька, не снимая шляпы, позвонила лакею и велѣла подать счетъ.

Розановъ прошилъ на водкѣ, или на него насчитали на водкѣ, шестнадцать рублей.

Онъ вынулъ портмонэ и отдалъ деньги.

— Дайте мнѣ ваши деньги,—потребовала Калистратова.

Розановъ отдалъ. Въ портмонэ было еще около восьмидесяти рублей.

Полинька пересчитала деньги и положила ихъ себѣ въ карманъ.

— Теперь собирайтесь домой,—сказала она Розанову.

— Я не могу идти домой.

— Отчего это не можете?

— Не могу,—мнѣ тамъ скверно.

— Сударыня! они не спали совсѣмъ, вы имъ позвольте уснуть покрѣиче,—вмѣшался лакей, внесшій тазъ и кувшинъ со свѣжей водой.

— Умывайтесь,—сказала Полинька:—ничего не отвѣчая лакею.

Розановъ сталъ подниматься, но тотчасъ же сѣлъ и началъ отталкивать отъ себя что-то ногою.

— Пожалуйте, сударь,—позвалъ его лакей.

— Ты прежде выкинь это,—отвѣчалъ Розановъ, указывая пальцемъ лѣвой руки на полъ.

— Что такое выкинуть?—съ нѣсколькими нетерпѣливою гримаскою спросила Калистратова, хорошо понимая, что у Розанова начинаются галлюцинаціи.

— Змѣйка, вопъ, вонъ на полу змѣйка зелененькая,—говорилъ Розановъ, указывая лакею на пустое мѣсто.

— Не сочиняйте вздоровъ,—сказала Полинька, наморщивъ строго брови.

Розановъ всталъ и пошелъ за занавѣску.

Полинька стала у окна и, глядя на блѣднѣющую закатную зорьку, вспомнила своего буйнаго пьянаго мужа,

вспомнила его дикія ругательства, которыми онъ угощаль ее за ея участіе; гнѣвъ Полинькинъ исчезъ при видѣ этого смирнаго, покорнаго Розанова.

Лакей раздѣлъ и уложилъ доктора въ кровать. Полинька велѣла никого не пускать сюда и говорить, что Розановъ уѣхаль. Потомъ она сняла шляпу, бурнусъ и калоши, разорвала полотенце и, сдѣлавъ компрессъ, положила его на голову больного.

Розановъ вдрогнулъ отъ холода и робко посмотрѣлъ на Полиньку.

Часа полтора сряду она перемѣняла ему компрессы, и въ это время больной не разъ ловилъ и жадно цѣловаль ея руки.

Полинька смотрѣла теперь добро и снисходительно.

— Вамъ пора домой, — сказалъ Розановъ, стуча зубами отъ лихорадки.

— Старайтесь заснуть, — отвѣчала Полинька.

— Поздно будетъ, — наставляль докторъ.

— Спите, вамъ говорятъ, — тѣмъ же спокойнымъ, но настойчивымъ тономъ отвѣчала Калистратова.

Розановъ даже и на этотъ разъ оказался весьма послушнымъ, и Калистратова, видя, что онъ забывается, перестала его беспокоить компрессами.

Розановъ спалъ цѣлыя сутки и, проснувшись, ничего не могъ вспомнить. Онъ не забыль только того, что произошло у него дома, но все послѣдующее для него исчезало въ какомъ-то дикомъ чаду. Глядя въ темный потолокъ комнаты, онъ старался припомнить хоть что-нибудь, хоть то, гдѣ онъ и какъ сюда попалъ? но ничего этого Розановъ припомнить не могъ. Наконецъ ему какъ-то мелькнула Полинька, будто какъ онъ ее недавно видѣль, вотъ тутъ гдѣ-то, близко, будто разговариваль съ нею. Розановъ вздохнулъ и, подумавъ, «какой хорошій сонъ», началъ тихо одѣваться въ лежавшее возлѣ него платье.

Одѣвшись, Розановъ вышелъ за драпировку и остолбѣнѣль: онъ подумаль, что у него продолжаются галлюцинаціи. Онъ протеръ глаза и, несмотря на стоявшій въ комнатѣ густой сумракъ, ясно отличиль лежащую на диванѣ женскую фигуру. — Боже мой! неужто это было не во снѣ? Неужто, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь Полинька? И она видѣла меня здѣсь!.. Это гостиница! — припомнилъ онъ, взглянувъ на номерную обстановку.

Спящая пошевелилась и приподнялась на одну руку.

— Это вы, Дмитрій Петровичъ? — спросила она чуть слышно.

— Я,—отвѣчалъ шопотомъ Розановъ.

— Зажгите свѣчу,—здѣсь у зеркала спички.

Розановъ очень долго зажигалъ свѣчу: ему было совѣстно взглянуть на Полиньку.

Но не такова была Полинька, чтобы человѣкъ не нашелся сказать слова въ ея присутствіи.

Черезъ полчаса Розановъ сидѣлъ противъ нея за столомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и толково разсуждалъ съ нею о своемъ положеніи.

— Дмитрій Петровичъ,—говорила ему Полинька:—совѣтовать въ такихъ дѣлахъ мудрено, но я не считаю грѣхомъ сказать вамъ, что вы непременно должны уѣхать отсюда. Это смѣшно: Лиза Бахарева присовѣтовала вамъ бѣжать изъ одного города, а я теперь совѣтую бѣжать изъ другого, но ужъ дѣлать нечего: при вашемъ несчастномъ характерѣ и неумѣнны себя поставить, вы должны отсюда бѣжать. Оставьте ее въ покоѣ, оставьте ей ребенка..

— Ни за что!—воскликнулъ Розановъ,

— Позвольте. Оставьте имъ ребенка: дѣвочка еще мала ей ничего очень дурного не могутъ сдѣлать. Это вы ужъ такъ увлекаетесь. Подождите полгода, годъ, и вамъ отдадутъ дитя съ руками и съ ногами. А такъ что же будетъ: дойдеть, вѣдь, до того, что очень можетъ быть худо.

Долго приводила Полинька сильные и ясные доводы, доказывая Розанову неотразимую необходимость оставить Москву и искать себѣ новаго пріюта.

— Да не только новаго пріюта, а и новой жизни, Дмитрій Петровичъ,—говорила Полинька:—теперь я ясно вижу, что это будетъ безконечная глупая пѣсенка, если вы не устроитесь какъ-нибудь умнѣе. Ребенка вамъ отдадутъ, въ этомъ будьте увѣрены. Некуда имъ дѣть его: это, вѣдь, дѣло не легкое; а жену обезпечьте; откупитесь, наконецъ.

Розановъ не противорѣчилъ.

— Богъ съ ними, деньги: спокойны будете, такъ зарабатываете; а тосковать глупо и не о чемъ.

— Ахъ, хорошо вы говорите, Полина Петровна, а все это не такъ легко, право.—Развѣ къ Лобачевскому съѣздить въ Петербургъ?

— А что-жь? Съѣздите. Лучше ужь вамъ въ Петербургѣ чего-нибудь искать. Будемъ тамъ видаться.

— Какъ будемъ видаться?

— Такъ; и я тоже ѣду на-дняхъ въ Петербургъ.

— А ваши бумаги?

— Вотъ для нихъ-то я и поѣду.

— Это вамъ не поможетъ.

— Нѣтъ, я знаю; ужь бывали примѣры. Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ, я женщина и кругомъ связанная, да не боюсь, а вы трусите.

— Я слабый человекъ, никуда негодный.

— Нѣтъ, не то что никуда негодный, а слишкомъ впечатлительный. Вамъ нужно отряхнуться, оправиться... да вотъ такихъ чудесъ болѣе не выкидывать.

— Не говорите, пожалуйста...

— Да я васъ не упрекаю, а совѣтую вамъ, — сказала Полинька и стала надѣвать шляпку.

— Тоска ужасная! вотъ пока вы здѣсь были, было отлично, а теперь опять.

— Господи Боже мой! ну, будемъ жить друзьями; ходите ко мнѣ, если мое присутствіе вамъ такъ полезно.

— Да, если бы... вы меня выслушали.

— Ничего я, Дмитрій Петровичъ, не буду слушать, — проговорила Полинька, краснѣя и отворачиваясь къ зеркалу завязывать шляпку.

Розановъ сидѣлъ молча.

— Пока...—начала Полинька и снова остановилась.

— Пока что?—спросилъ Розановъ.

— Пока вы не устроите вашей жены, до тѣхъ поръ вы мнѣ не должны ни о чемъ говорить ни слова.

— А тогда? Я это и безъ того готовъ сдѣлать для нея все, что могу.

— Да все, все, что вы можете.

— А тогда?—опять спросилъ Розановъ.

— Дмитрій Петровичъ! я провела у васъ сутки здѣсь: для васъ должно быть довольно этого въ доказательство моей дружбы; чего же вы меня спрашиваете?

Розановъ сжалъ и поцѣловалъ Полинькину руку, а другая его рука тронулась за ея талию, но Полинька тихо отвела эту руку.

— Если хотите быть счастливы, то будьте благораз-

умны; все зависитъ отъ васъ: а теперь дайте мнѣ мой бурнусъ.

Докторъ подалъ Полинкѣ бурнусъ и надѣлъ свое пальто.

Взявшись за ручку двери, Полинка остановилась, стояла молча и, обернувшись къ Розанову лицомъ, тихо сказала:

— Ну.

Розановъ вѣрно понялъ этотъ звукъ и поцѣловалъ Полинку въ розовыя губки, или, лучше сказать, Полинка, не дѣлая никакого движенія, сама поцѣловала его своими розовыми губками.

Если любовь молоденькихъ дѣвушекъ и страстныхъ женщинъ бальзаковской поры имѣетъ для своего изображенія своихъ специалистовъ, то нельзя не пожалѣть, что нѣтъ такихъ же специалистовъ для описанія своеобразной, причудливой и въ своемъ родѣ прелестной любви нашихъ разбитыхъ женщинъ, дожившихъ до тридцатой весны безъ сочувствія и радостей. — А хороша эта прихотливая любовь, часто начинающаяся тѣмъ, чѣмъ другая кончается, но тѣмъ не менѣе любовь нѣжная и преданная. Если бы на Чистыхъ Прудахъ знали, что Розанова поцѣловала такая женщина, то даже и тамъ бы не удивлялись рѣзкой переменѣ въ его поведеніи.

Розановъ даже до сцены съ собою не допустилъ Ольгу Александровну. Ровно и тепло сдержалъ онъ радостные восторги встрѣтившей его прислуги, спокойно повидался съ женою, которая сидѣла за чаемъ и находилась въ тонахъ; отвѣтилъ спокойнымъ поклономъ на холодный поклонъ сидѣвшей здѣсь Рогнеды Романовны и, освѣдомясь у дѣвушки о здоровьѣ ребенка, прошелъ въ свою комнату.

Цѣлую ночь Розановъ не ложился спать. Ольга Александровна слышала, что мужъ все шуригалъ бумагами и часто открывалъ ящики своего письменнаго стола. Она придумала какъ встрѣтить каждое слово мужа, который, по ея соображеніямъ, непременно не нынче, такъ завтра сдѣлается и пойдетъ на мировую; но дни шли за днями, а такого поползновенія со стороны Розанова не обнаружилось. Онъ казался очень озабоченнымъ, но былъ ровень, спокоенъ и, по обыкновенію, нѣженъ съ ребенкомъ и ласковъ съ прислугою. Ольга Александровна нѣсколько разъ пробовала заводить его, заговаривая съ ребенкомъ, какіе бываютъ хо-

рошіе мужья и отцы и какіе дурные, приче́мъ обыкновенно всѣ дурные были похожи капля въ каплю на Розанова; но Розановъ точно не понималъ этого и оставался невозмутимо спокойнымъ.

Черезъ пять или шесть дней послѣ его возвращенія, одна изъ углекислыхъ дѣвъ, провожая въ Тверь другую углекислую дѣву, видѣла, какъ Розановъ провожать въ Петербургъ какую-то молоденькую даму, и представилось дѣвѣ, что эта дама, проходя къ вагонамъ, мимолетно поцѣловала Розанова.

На другой день Дмитрій Петровичъ слушалъ разговоръ Ольги Александровны,—какіе на свѣтѣ бываютъ подлецы и развратники, грубые съ женами и нѣжные съ метресками. Но и это нима́ло не вывело Розанова изъ его спокойнаго положенія. Онъ только поблѣднѣлъ немножко при словѣ *метреска*: не шло оно къ Полинкѣ Калистратовой.

А Полинька Калистратова, преслѣдуемая возобновившимся въ послѣднее время нашествіями своего супруга, уѣхала въ Петербургъ одна. Розановъ всячески спѣшилъ управиться такъ, чтобы ѣхать съ нею вмѣстѣ, но не успѣлъ; да и сама Полинька говорила, что этого вовсе не нужно.

— Очень трогательно будетъ, — шутила она за день до своего отъѣзда.— Вы прежде успокойте всѣмъ, чѣмъ можете, вашу жену, да тогда и пріѣзжайте; я васъ буду ждать.

— Будете ждать?—спросилъ ее Розановъ.

Полинька какъ бы не слыхала этого и продолжала укладываться.

Прошла недѣля. Розановъ получилъ изъ Петербурга два письма, а изъ больницы отпускъ. Въ этотъ же день, вечеромъ, онъ спросилъ у дѣвушки свой чемоданчикъ и началъ собственноручно укладываться.

Ольга Александровна часу во второмъ ночи отворила дверь въ его комнату и сказала:

— Вы бы позаботились о ребенкѣ.

— Какъ прикажете позаботиться? — спросилъ ее Розановъ, убирая свои бумаги.

— Васъ, вѣдь, правительство заставить о немъ заботиться.

— Да я не отказываюсь и безъ правительства.

— Я вашимъ словамъ не вѣрю.

— Ну, вотъ вамъ бумага.

— Что это? — спросила Ольга Александровна, принимая поданный ей мужемъ листь.

— Мое обязательство выдавать вамъ ежегодное вспоможеніе.

— Это мнѣ; а на ребенка?

— Я вамъ даю сколько въ силахъ. Вы сами очень хорошо знаете, что я болѣе не могу.

— Не пьянствуйте съ метресками, такъ будете въ силахъ дать болѣе.

Розановъ промолчалъ.

— Васъ заставить правительство, — задорно продолжала Ольга Александровна.

— Пусть заставляетъ

— Я знаю законъ.

— Вамъ же лучше.

— У васъ будутъ вычитать изъ жалованья.

— Пусть вычитаютъ: сто рублей получите.

— Что сто рублей! Не храбритесь, батюшка, и все возьмутъ. Я все опишу. Найдутся такіе люди, что опишутъ, какое вы золото.

Розановъ опять ничего не отвѣтилъ.

Ольгѣ Александровнѣ надоѣло стоять, и она повернулась, говоря:

— Я завтра еще покажу эту бумагу маркизѣ, а отъ васъ всякой подлости ожидаю.

— Показывайте хоть чорту, — сказалъ Розановъ и заперъ за женою дверь на ключъ.

— Мерзавецъ! — слышалось ему изъ-за двери.

Отбирая бумаги, которыя намѣревался взять съ собою, Розановъ вынулъ изъ стола свою диссертацию, посмотрѣлъ на нее, прочелъ нѣсколько страницъ и, вздохнувъ, положилъ ее на прежнее мѣсто. На эту диссертацию легла лаконическая печатная программа диспута Лобачевского; потомъ долженъ былъ лечь какой-то литографированный листокъ, но докторъ, пробѣжавъ его, поморщился, разорвалъ бумажку въ клочки и съ негодованіемъ бросилъ эти кусочки въ печку.

«До чего ты, жизнь моя, довела меня, домькала!» — подумалъ онъ и, задвинувъ столовые ящики, легъ уснуть до утра.

Передъ отъѣздомъ доктору таки выпала не легкая ми-

нутка: съ дитятею ему тяжело было проститься; смущало оно его своими невинными рѣчами.

— Ты, вѣдь, скоро вернешься, папочка?

— Скоро, дружокъ мой, — отвѣчалъ докторъ.

— Мнѣ скучно будетъ безъ тебя, — лепеталъ ребенокъ.

— Ну, поѣдемъ со мной, — пошутилъ докторъ.

— Мнѣ будетъ безъ мамы скучно.

— Ну, какъ же быть?

— Я хочу, чтобъ вы были вмѣстѣ. Я и тебя люблю, и маму.

— Люби, мой другъ, маму, — отвѣчалъ докторъ, поцѣловавъ ребенка и берясь за свой саквояжъ.

— А ты пріѣдешь къ намъ?

— Пріѣду, пріѣду.

Ольга Александровна не прощалась съ мужемъ.

Онъ ее только спросилъ:

— Вы болѣе не сомнѣваетесь въ моемъ обязательствѣ?

— Маркиза покажетъ его юристамъ, — отвѣчала madame Розанова.

— А! это прекрасно, — отвѣчалъ докторъ, и уѣхалъ на желѣзную дорогу въ сопровожденіи Юстина Помады.

— Что жъ ты думаешь, Дмитрій? — спросилъ его дорогою Помада.

— Ничего я, братъ, не думаю, — отвѣчалъ Розановъ.

— Ну, а такъ-таки?

— Такъ-таки ничего и не думаю.

— Разойдитесь вы, наконецъ.

— Мы ужъ разошлись, — отвѣчалъ Розановъ.

— А какъ она опять пріѣдетъ?

— А ты ее не пускай.

— А я какъ ее не пушу?

— А я какъ?

— Ну, и что-жъ это будетъ?

— А чортъ его знаетъ, что будетъ.

— Пронадешь ты, братъ, совсѣмъ.

— Ну, это еще старуха надвое ворожила, — процѣдилъ сквозь зубы докторъ.

Такъ они и разстались.

Розановъ, выѣхавъ изъ Москвы, сверхъ всякаго ожиданія, былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа всю дорогу до Петербурга, что этого расположенія изъ него не выко-

лотить даже переѣздъ отъ московскаго вокзала до Кашикина моста, гдѣ жилъ Лобачевскій.

Лобачевского Розановъ не засталъ дома, сложилъ у него свои вещи и улетучился.

Проснувшись утромъ, Лобачевскій никакъ не могъ понять, гдѣ бы это запропастился Розановъ, а Розановъ не могъ сказать правды, гдѣ онъ былъ до утра.

Дѣла Розанова шли ни хорошо и ни дурно. Мѣсть служебныхъ не было, но Лобачевскій обѣщалъ ему хорошую работу въ одномъ изъ специальныхъ изданій, — обѣщать и сдѣлать. Слово Лобачевского имѣло вѣсъ въ своемъ мѣрѣ. Розановъ прямо становился на полторы тысячи рублей годового заработка, и это ему казалось очень довольно.

Все это обдѣлалось въ три или четыре дня, и Розановъ могъ бы свободно возвращаться для окончательнаго расчета съ Москвою, но онъ медлилъ.

Отчего жъ ему было и не помедлить?.. Въ первое же утро послѣ его прѣзда Полинъка такъ хорошо пустое *вы* сердечнымъ *ты* ему, обмолвясь, замѣнила.

— У васъ, Розановъ, вѣрно есть здѣсь романчикъ?— шутить надъ нимъ Лобачевскій.

— Ну, съ какой стати?

— Да ужъ такъ: вы вѣдь ни на шагъ безъ жизненныхъ прикрасъ.

— А мы лучше о васъ поговоримъ.

— Да обо мнѣ чтò говорить.

— Хорошо вамъ?

— Ничего.—Мнѣ каедрѣ предлагаютъ.

— А вы что жъ?

— А я не беру.

— Это отчего?

— Что жъ въ каедрѣ. На каедрѣ всякій свое дѣло дѣлаетъ, а я тутъ подъ рукой институтецъ заведу. Тутъ просвѣщенные монголы мнѣ въ этомъ дѣлѣ помогаютъ.

— Это опять о женщинахъ.

— Да, опять о нихъ, все о нихъ.

— У васъ нѣтъ ли еще мѣста ученицѣ?

— Это вашъ романъ?

— Нѣтъ, какой романъ!

— Ну, да это все равно.

Розановъ свозилъ Лобачевского къ Полинъкѣ.

Полинька получила бумагу, разрѣшавшую ей жить, гдѣ угодно, и ограждавшую ея личность отъ всякихъ притязаній чловѣка, который владѣль правомъ называться ея мужемъ.

Лобачевскому Полинька очень понравилась, и онъ взялся ее пристроить.

— Это у васъ очень пріятный романъ, — говорилъ опъ Розанову, возвращаясь отъ Полиньки.

— Какой романъ, съ чего вы берете?

— Да такъ ужъ *сочиняю*.

— Да вы читали ли хоть одинъ романъ отъ роду?

— Четыре читаль.

— Удивительно; а больше ужъ не читаете?

— Нѣтъ; все одно во всѣхъ повторяется.

— Какъ же одно во всѣхъ?

— А такъ, влюбился да женился влюбился да застрѣлился: скучно ужъ очень.

— А страданія?

— Страданія все отъ бездѣлья.

Была такая длинная ночь, которую Полинька Калистратова цѣликомъ провела, читая Розанову длинную нотацію, и затѣмъ наступило утро, въ которое она попла его кофеемъ и была необыкновенно тревожна, а затѣмъ былъ часокъ, когда она его раструнивала, говоря, что онъ въ Москвѣ снова растаетъ, и, наконецъ, еще была одна минута, когда она ему шентала: «пріѣзжай скорѣй, я тебя ждать буду».

Розановъ хорошо ѣхалъ и въ Москву, только ему непріятно было, когда онъ вспоминалъ, какъ легко относился къ его роману Лобачевскій. «Я вовсе не хочу, чтобъ это была интрижка, я хочу, чтобъ это была любовь», — рѣшалъ онъ настойчиво.

Москва стояла Москвою. Быстрыя повышенія въ чины и не менѣ быстрыя разжалованія попрежнему были свойственны углекислому кружочку. Розановъ не могъ понять, откуда вдругъ взялась къ нему крайняя ласка де-Бараль. Маркиза прислала за нимъ тотчасъ послѣ его пріѣзда, радостно сжала его руку, заперлась съ нимъ въ кабинетъ и спросила:

— Ну что, мой милый, въ Петербургѣ?

— Ничего, маркиза.

— Тихо?

— Не шелохнеть.

— Гааа! И красные молчатъ?

— Можетъ-быть и говорятъ, только шопотомъ.

— Такъ тамъ рѣшительно тихо? Гааа! Нѣтъ, въ этой сторонукѣ жить дольше невозможно.

«Да,—думалъ докторъ,—въ этой сторонукѣ на какихъ вздумаешь крыльяхъ летать—летать просторно, только бываетъ, что сѣсть некуда».

— Вашъ документъ, мой милый, отлично сдѣланъ. Я его показывала юристамъ.

— Напрасно и беспокоились, я его писалъ посовѣтовавшись съ юристами,—отвѣчалъ Розановъ.

— Я порѣшила съ вашей женой: я возьму ее съ дѣвочкой на антресоли и буду...

— Оставьте, пожалуйста, маркиза: я этого не могу равнодушно слушать.

— Вашей дѣвчкѣ хорошо будетъ.

— Ну, тѣмъ лучше.

Въ послѣднюю ночь, проведенную Розановымъ въ своей московской квартирѣ, Ольга Александровна два раза приходила въ комнату искать зажигательныхъ спичекъ. Онъ видѣлъ это и продолжалъ читать. Передъ утромъ она пришла взять свой платокъ, который будто забыла на томъ диванѣ, гдѣ спалъ Розановъ, но онъ не видалъ и не слышалъ.

Прошелъ для Розанова одинъ прелестный зимній мѣсяцъ въ холодномъ Петербургѣ, и онъ получилъ письмо, которымъ жена приглашала его возвратиться въ Москву; прошелъ другой, и она приглашала его уже только взять отъ нея хоть ребенка.

— Ну, вотъ! я была права,—сказала Полинъка.

Розановъ поѣхалъ и возвратился въ Петербургъ съ своей дѣвочкой, а его жена поѣхала къ отцу.

Разлука ихъ была весьма дружеская. Углекислота умаяла Ольгу Александровну, и, усаживаясь въ холодное мѣсто дорожнаго экипажа, она грѣлась *дружбою*, на которую оставилъ ей право нѣкогда горячо любившій ее мужъ. О Полинкѣ Ольга Александровна ничего не знала.

Съ Лизою Розановъ въ послѣдній разъ вовсе не видался. Они ужъ очень разбились, да, къ тому же, и тамъ шла своя семейная драма, пятый актъ которой читатель увидитъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Послѣдняя сцена изъ пятаго акта семейной драмы.

Собственныя дѣла Лизы шли очень худо: всегдашніе плохіе лады въ семьѣ Бахаревыхъ, по возвращеніи ихъ въ Москву отъ Богатыревыхъ, смѣнились сплошнымъ разладомъ. Первый поводъ къ этому разладу подала Лиза, не перебивавшаяся изъ Богородицкаго до самаго пріѣзда своей семьи въ Москву. Это очень не понравилось отцу и матери, которые ожидали встрѣтить ее дома. Пошли упреки съ одной стороны, рѣзкіе отвѣты съ другой, и кончилось тѣмъ, что Лиза, наконецъ, объявила желаніе вовсе не переходить домой и жить отдѣльно.

— Убей, убей отца, матушка; заплати ему за его любовь этимъ! — говорила Ольга Сергѣевна, послѣ самой раздражающей сцены по поводу этого предположенія.

Лиза попросила мать перестать, не говорить ничего отцу и въ тотъ же день переѣхала въ семью.

Егоръ Николаевичъ ужасно быстро старѣлъ; Софи рыхлѣла; Ольга Сергѣевна ни въ чемъ не измѣнилась. Только къ кошкамъ прибавила еще левретку.

Однако, несмотря на первую уступчивость Лизы, трудно было надѣяться, что въ семьѣ Бахаревыхъ удержится хоть какой-нибудь миръ, который былъ бы лучше доброй ссоры. Такъ и вышло.

Въ одинъ прекрасный день въ передней Бахаревыхъ показалась Бертольди: она спросила Лизу и ее проводили къ Лизѣ.

— *Ma chère, ma chère!* — позвала Ольга Сергѣевна, когда Бертольди черезъ полчаса вышла въ сопровожденіи Лизы въ переднюю.

Бертольди благоразумно не оглянулась и не отозвалась на этотъ окликъ.

— Я васъ зову, *madame*, — съ провинціальною ядовитостью проговорила Ольга Сергѣевна.

— Госпожа Бертольди!

— Что-съ? — спросила, глянувъ черезъ плечо, Бертольди.

— Я васъ прошу не удостоивать насъ вашими посѣщеніями.

— Я васъ и не удостоиваю; я была у вашей дочери.

— Моя дочь пока еще вовсе не полновластная хозяйка

въ этомъ домѣ. Въ этомъ домѣ я хозяйка и ея мать,—отвѣчала Ольга Сергѣевна, показывая пальцемъ на свою грудь. — Я хозяйка-съ, и я прошу васъ не бывать здѣсь, потому что у меня дочери дѣвушки, и мнѣ дорога ихъ репутація.

— Я не съѣмъ ее.

— Бертольди! я никогда не забуду этого незаслуженнаго оскорбленія, которое вы изъ-за меня перенесли сейчасъ,— съ жаромъ произнесла Лиза.

— Я не сержусь на грубость. Прощайте, Лиза: приходите ко мнѣ,—отвѣчала Бертольди, выходя въ двери.

— Да, я буду приходиться къ вамъ.

— Нѣтъ, не будешь, — запальчиво крикнула Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, буду,—спокойно отвѣчала Лиза.

— Нѣтъ, не будешь, не будешь, не будешь!

— Отчего это не буду?

— Оттого, что я этого не хочу, оттого, что я пойду къ генераль-губернатору: я мать, я имѣю всякое право, хоть бы ты была генеральша, а я имѣю право; слово скажу и тебя выпорютъ, да, даже выпорютъ, выпорютъ.

— Полноте срамиться-то, — говорила Абрамовна Ольгѣ Сергѣевнѣ, которая, забывшись, кричала свои угрозы во все горло по-русски.

— Я ее въ смиренный домъ, — кричала Ольга Сергѣевна.

— Пожалуйста, пожалуйста, — проговорила шопотомъ молчавшая во все это время Лиза.

— Мнѣ въ этомъ никто не помѣшаетъ: я мать.

— Пожалуйста, отправляйте, — опять инопотомъ и кивая головою проговорила Лиза.

У нея, какъ говорится, голосъ упалъ: очень ужъ все это на нее подѣйствовало.

Старикъ Бахаревъ вышелъ и спросилъ только: что такое? что такое?

Ольга Сергѣевна застрекотала; опъ не сталъ слушать, сейчасъ же замахалъ руками и ушелъ.

Лиза ушла къ себѣ совершенно разбитая нечаянностью всей этой сцены.

— Охота тебѣ такъ беспокоить маман,—сказала ей вечеромъ Софи.

— Оставь, пожалуйста, Сонничка,—отвѣчала Лиза.

— Если ты убьешь мать, то ты будешь виновата.

— Я, я буду виновата,—отвѣчала Лиза.

Проходили сутки за сутками; Лиза не выходила изъ своей комнаты и къ ней никто не входилъ, кромѣ няни и Полиньки Калистратовой.

Няня не читала Лизѣ никакой морали; она даже отнеслась въ этомъ случаѣ безразлично къ обѣимъ сторонамъ, махнувъ рукою и сказавъ:

— Ну васъ совсѣмъ, срамницъ этакихъ.

Горячая расположенность Абрамовны къ Лизѣ выражалась только въ жаркихъ баталіяхъ съ людьми, распространявшими сплетни, что барыня поймала Лизу, остригла ее и заперла.

Абрамовна отстаивала Лизину репутацію даже въ глазахъ самыхъ ничтожныхъ людей, каковы для нея были: дворникъ, кучеръ, сосѣдскія дѣвушки и богатыревскій поваренокъ.

— А то ничего; у насъ по Москвѣ въ барышняхъ этого фальшу много бываетъ; у насъ и въ газетахъ какъ-то писали, что даже младенца...—начиналъ поваренокъ, но Абрамовна его сейчасъ сдерживала: «то ваши московскіе; а мы не московскіе».

— Это точно; ну, только ничего. Въ столицѣ всякую сейчасъ могутъ обучить,—настаивалъ поваренокъ и получалъ отъ Абрамовны подзатыльникъ, отъ котораго старухиной рукѣ было очень больно, а праздноі дворнѣ весьма весело.

Полинькѣ Калистратовой Лиза никакихъ подробностей не рассказывала, а сказала только, что у нея дома опять большія непріятности. Полинькѣ это происшествіе рассказала Бертольди, но она могла рассказать только то, что произошло до ея ухода, а остального и она никогда не узнала.

Кромѣ Полиньки Калистратовой, къ Лизѣ допускался еще Юстинъ Помада, съ которымъ Лиза въ эту пору опять стала несравненно теплѣе и внимательнѣе.

Заключеніе, которому Лиза сама себя подвергла, вообще не было слишкомъ строго. Не говоря о томъ, что ее никто не удерживалъ въ этомъ заключеніи, къ ней несомнѣнно свободно допустили бы всѣхъ, кромѣ Бертольди; но никто изъ ея знакомыхъ не показывался. Маркиза, встрѣтаясь съ

Ольгой Сергѣевной у Богатыревой, очень внимательно разспрашивала ее о Лизѣ и показала необыкновенную терпѣливость въ выслушиваніи жалостныхъ материнскихъ намековъ. Маркиза вспомнила аристократическій тактъ и разыграла, что она ничего не понимаетъ. Но, однако, все-таки маркиза дала почувствовать, что съ мнѣніями силою бороться неразумно.

А Варвара Ивановна Богатырева, напротивъ, говорила Ольгѣ Сергѣевнѣ, что это очень разумно.

— Она очень умная женщина, — говорила Варвара Ивановна о маркизѣ: — но у нея ужъ умъ за разумъ зашелъ; а мое правило просто: ты дѣвушка и повинуйся. А то нынче онѣ очень ужъ совки, да неловки.

— Да мы, бывало, какъ идетъ покойница мать... бывало, духу ея боимся: невѣстою ужъ была, а материнскаго слова трепетала; а нынче... вонъ хоть вашъ Сержъ надѣлать...

— Сынъ другое дѣло, ма сѣге, а дочь вся въ зависимости отъ матери, и мать несетъ за нее отвѣтственность передъ обществомъ.

Пуще всего Ольгѣ Сергѣевнѣ поправилось это новое открытіе, что она несетъ за дочерей отвѣтственность передъ обществомъ: такъ она и стала смотрѣть на себя, какъ на лицо весьма отвѣтственное.

Егоръ Николаевичъ, ко всеобщему удивленію, во всей этой передрагѣ не принималъ ровно никакого участія. Старъ ужъ онъ становился, удушье его мучило, и къ этому удушью присоединилась еще новая болѣзнь, которая очень пугала Егора Николаевича и отнимала у него послѣднюю энергію.

Онъ только говорилъ:

— Не ссорьтесь вы, Бога ради не ссорьтесь.

— Что ты все сидишь тутъ, Лиза? — говорилъ онъ въ другое время дочери.

— Что жъ мнѣ, папа, выходить? Выходите туда только для оскорбленій.

— Какія ужъ оскорбленія! Развѣ мать можетъ оскорбить?

— Я думаю, папа.

— Чѣмъ? чѣмъ она тебя можетъ оскорбить?

— Да, ташапа хотѣла меня отправить въ смиренительный домъ, что жъ! Я ожидаю: отправляйте.

— Полно врать,—какой тамъ еще смирительный домъ?

— Я не знаю какой.

— Ну, что тамъ: въ-сердцахъ мать что-нибудь сказала, а ты ужъ и поднялась.

— Это, папа, можетъ повторяться, потому что я такъ жить не могу.

— Э, полно вздоръ городить!

Тѣмъ это и кончилось: но Лиза ни на волосъ не измѣнила своего образа жизни.

Въ это время разыгралась извѣстная намъ исторія Розанова.

Маркиза и Романовны совсѣмъ оставили Лизу. Маркиза охладѣла къ Лизѣ по крайней живости своей натуры, а Романовны охладѣли потому, что охладѣла маркиза. Но какъ бы тамъ ни было, а о «молодомъ дичкѣ», какъ нѣкогда называли здѣсь Лизу, теперь не было и поминна: маркиза устала отъ долгой политической дѣятельности.

Съ отъѣздомъ Полиньки Калистратовой, кругъ Лизиныхъ посѣтителей сократился рѣшительно до одного Помады, черезъ котораго шла у Лизы жаркая переписка и дѣлались кое-какія дѣла.

У Лизы шелъ заговоръ, въ которомъ Помада принималъ непосредственное участіе, и заговоръ этотъ разразился въ то время, когда мало-способная къ послѣдовательному преслѣдованію Ольга Сергѣевна смягчилась до-зѣла и начала сильно желать искренняго примиренія съ дочерью.

Шло обыкновенно такъ, какъ всегда шло въ семьѣ Бахаревыхъ и какъ многое идетъ въ другихъ русскихъ семьяхъ. Безноводная, или весьма малопричинная злоба смѣнялась столь же безпричинною снисходительностью и уступчивостью, готовою доходить до самыхъ непонятныхъ размѣровъ.

Среди такого положенія дѣлъ, въ одно морозное февральское утро, Абрамовна съ совершенно потеряннымъ видомъ вошла въ комнату Ольги Сергѣевны и доложила, что Лиза куда-то собирается.

— Какъ собирается?—спросила, не совсѣмъ понявъ дѣло, Ольга Сергѣевна.

— Рано, гдѣ тебѣ, встала сегодня и укладывается.

Ольга Сергѣевна поблѣднѣла и бросилась въ комнату Лизы.

— Что это?—спросила она у стоявшей надъ чемоданомъ Лизы.

— Ничего-съ,—отвѣчала спокойно Лиза.

— Зачѣмъ это ты укладываешься?

— Я сегодня уѣзжаю.

— Какъ уѣзжаешь? Какъ ты смѣешь уѣзжать?

— Увидите.

— Ахъ ты, разбойница,—прошипѣла мать и крикнула:— Егоръ Николаевичъ!

— Не поднимайте, маман, напрасно шуму, — проговорила Лиза.

— Егоръ Николаевичъ! — повторила еще громче Ольга Сергѣевна и, покраснѣвъ какъ бурякъ, съела, сложа на груди руки.

Лиза продолжала соображать, какъ ей что удобнѣе размѣстить но чемодану.

— Какъ же это вы однѣ поѣдете, сударыня?

— Это для васъ все равно, маман. Я у васъ жить рѣшительно не могу: вы меня лишаете общества, которое меня интересуеъ; вы меня грозили посадить въ смиренный домъ, ну, сажайте. Я съ вами не ссорюсь, но жить съ вами не могу.

— Ахъ, ахъ, разбойница! ахъ, разбойница! она не можетъ жить съ родителями! Но я за тебя несу отвѣтственность передъ обществомъ.

— Передъ обществомъ, маман, всякій отвѣчаетъ самъ за себя.

— Но я, милостивая государыня, наконецъ, ваша мать!—вскрикнула со стула Ольга Сергѣевна. — Понимаете ли вы съ вашими науками, что значитъ слово *мать*: мать отвѣчаетъ за дочь передъ обществомъ.

— Маман, если бъ вы меня знали...

— Гдѣ мнѣ понимать такую умницу!

— Положимъ и такъ.

— Философка, сочиненія сочинять будетъ, а мать дура.

— Я этого не говорю.

— Еще бы! А я понимаю одно, что я слабая мать; что я съ тобою церемонилась; не умѣла учить, когда поперекъ лавки укладывалась.

— Прошлаго, маман, не воротись; но если васъ безо-

контъ ваша отвѣтственность за меня передъ обществомъ, то я вамъ ручаюсь...

— Гм! въ чемъ это вы ручаетесь?

— Я потому и сказала, что вы меня не знаете...

— Да.

— Я неспособна...

— Вы только неспособны къ благодарности, къ хорошему вы неспособны; къ остальному ко всему вы очень способны.

— Положимъ и такъ, маман. Я только хочу успокоить васъ, что вы никогда не будете компрометированы передъ обществомъ.

— Какъ! какъ я не буду компрометирована? А это что?

Ольга Сергѣевна указала на чемоданъ.

— Это ничего, маман: я уѣду и буду жить честно; вы не будете краснѣть за меня ни передъ кѣмъ.

— Ахъ, ты, разбойница этакая!—прошептала Ольга Сергѣевна и порывисто бросилась къ Лизѣ.

Лиза осторожно отвела ее отъ себя и сказала:

— Успокойтесь, маман, успокойтесь.

— Вонъ, выпимай вонъ вещи.

По лѣстницѣ поднимался Егоръ Николаевичъ.

— Что это такое?—спрашивалъ онъ.

— Вотъ вамъ, батюшка-баловникъ, любуйтесь на свою балованную дочку! Охъ! охъ! воды мнѣ, водды... водды!

Ольга Сергѣевна упала въ обморокъ, продолжавшійся болѣе часа. Послѣ этого припадка ее снесли въ спальню, и по дому пошелъ шопоть.

— Чтобъ я этого и не слыхалъ болѣе!—строго сказалъ Лизѣ отецъ и вышелъ.

— Папа, я рѣшилась, и меня ничто не удержитъ,—отвѣчала вслѣдъ ему Лиза.

— И слышать не хочу,—махнувъ рукой, крикнулъ Бахаревъ и ушелъ въ свою комнату.

Лиза окончила свою работу и сѣла надъ уложеннымъ чемоданомъ.

Вошла няня. Говорила, говорила, долго и много говорила старуха; Лиза ничего не слыхала.

Наконецъ, ударило одиннадцать часовъ. Лиза встала, сослала внизъ свои вещи и, одѣвшись, твердою поступью сошла въ залу.

Егоръ Николаевичъ сидѣлъ и курилъ у окна.

- Прощайте, папа,—сказала, подойдя къ нему, Лиза. Старикъ не взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.
- Лиза подошла къ двери материнной комнаты; сестра ее не пустила къ Ольгѣ Сергѣевнѣ.
- Ну, прощай,—сказала Лиза сестрѣ.
- Онѣ холодно поцѣловались.
- Папа, прощайте, я уѣзжаю, — сказала Лиза, подойдя снова къ отцу.
- Иди отъ меня,—отвѣчалъ старикъ.
- Я васъ ничѣмъ не огорчаю, папа; я не могу здѣсь жить: я хочу трудиться.
- Пошла, пошла отъ меня.
- Лиза поймала и поцѣловала его руку.
- Да, что это, однако, за вздоръ въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ со слезами на глазахъ старикъ.—Я тебѣ приказываю.
- Лиза молчала.
- Я тебѣ приказываю, чтобъ это все сейчасъ было кончено.
- Не могу, папа.
- Съ кѣмъ же ты ѣдешь? Безъ бумаги, безъ денегъ ѣдешь?
- У меня есть мой дипломъ и деньги.
- Ты врешь! Какія у тебя деньги? Что ты врешь!
- У меня есть деньги; я продала мой фермуаръ.
- Боже мой! фермуаръ, такой прелестный фермуаръ!—застонала, выходя изъ дверей гостиной, Ольга Сергѣевна. — Кто смѣлъ купить этотъ фермуаръ?
- Этотъ фермуаръ мой, папа; онъ принадлежалъ мнѣ, и я имѣла право его продать. Его мнѣ подарила тетка Агнія.
- Семейная вещь, Боже мой! наша семейная вещь!—стонала Ольга Сергѣевна.
- Лизѣ становилось все тяжелѣе, а часовая стрѣлка безучастно заползала за половину двѣнадцатаго.
- Прощай,—сказала Лиза нянѣ.
- Абрамовна стояла молча, давая Лизѣ цѣловать себя въ лицо, но сама ее не цѣловала.
- Оставаться!—крикнулъ Егоръ Николаевичъ:—иначе... я велю людямъ...
- Папа, насильно вы можете приказать дѣлать со мною все, что вамъ угодно, но я здѣсь не останусь,—отвѣчала, сохраняя всю свою твердость, Лиза.
- Мы поѣдемъ въ деревню.
- Туда я вовсе ни за что не поѣду.

— Какъ не поѣдешь? Я тебѣ везу.

— Связанную меня можете везти всюду, но добровольно я не поѣду. Прощайте, папа.

Лиза опять подошла къ отцу, но старикъ отдернулъ отъ нея руку.

— Варварка! варварка! убійца!—вскрикнула, падая, Ольга Сергѣевна.

Лиза, блѣдная какъ смерть, повернула къ двери.

Мимоходомъ она еще разъ обняла и поцѣловала Абрамовну.

Старуха вынула изъ-подъ шейнаго платка принесенный ею на этотъ случай небольшою образочекъ въ серебряной ризѣ и подняла его надъ Лизой.

— Дай сюда образъ!—крикнулъ, сорвавшись съ мѣста, Егоръ Николаевичъ:—дай я благословлю Лизавету Егоровну, — и, выдернувъ изъ рукъ старухи икону, онъ поднялъ ее надъ своею головой противъ Лизы и сказалъ:

— Именемъ Всемогущаго Бога да будешь ты отъ меня проклята, проклята, проклята; будь проклята въ сей и въ будущей жизни!

Съ этими словами старикъ уронилъ образъ и упалъ на первый стулъ.

Лиза зажала уши и выбѣжала за двери.

Минуть десять въ залѣ была такая тишина, такое мертвое молчаніе, что, казалось, будто всѣ лица этой живой картины окаменѣли и такъ будутъ стоять въ этой комнатѣ до скончанія вѣка. По полу только раздавались чокующіе шаги бродившей левретки.

Наконецъ, Егоръ Николаевичъ поднялъ голову и крикнулъ:

— Лошадь, скорѣе лошадь.

Черезъ десять минутъ онъ почти вскачь неся къ петербургской желѣзной дорогѣ.

При поворотѣ на площадь старикъ услышалъ свистокъ.

— Гони!—крикнулъ онъ кучеру.

Лошадь понеслась вскачь.

Егоръ Николаевичъ бросился на крыльцо вокзала.

Въ эту же минуту раздалось мѣрное пыхтѣнье локомотива, и изъ дебаркадера выскочило и понеслось густое облако сѣраго пара.

Поѣздъ ушелъ.

Егоръ Николаевичъ схватился руками за перила и качался. Мимо его проходили люди, жандармы, носильщи-

ки. — онь все стоялъ, и въ глазахъ у него мутилось. Наконецъ, мимо его прошелъ Юстинъ Помада, но Егоръ Николаевичъ никого не видалъ, а Помада, увидя его, свернулъ въ сторону и быстро скрылся.

«Воротить!» — хотѣлось крикнуть Егору Николаевичу, но онь понялъ, что это будетъ бесполезно, и тутъ только вспомнилъ, что онь даже не знаетъ, куда поѣхала Лиза.

Ее никто не спросилъ объ этомъ: кажется, всѣ думали, что она только пугаетъ ихъ.

Изъ оставшихся въ Москвѣ людей, извѣстныхъ Бахаревымъ, все дѣло зналъ одинъ Помада, но о немъ въ это время въ цѣломъ домѣ никто не вспомнилъ, а самъ онь никакъ не желалъ туда показываться.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Ночь въ Москвѣ, ночь надъ рѣкой Саванкой и ночь въ «Италіи».

1.

Я видѣлъ мать, только-что проводившую въ рекруты единственнаго сына, и видѣлъ кошку, возвращавшуюся въ домъ хозяина, закинувшего ее котятъ.

Мой дѣдъ былъ птичный охотникъ. Я спалъ у него въ большой низенькой комнатѣ, гдѣ висѣли соловьи. Наши соловьи признаются лучшими въ цѣлой Россіи. Соловьи другихъ мѣстъ не умѣютъ такъ хорошо пѣть о любви, о разлукѣ и обо всемъ, о чемъ сложена соловьиная пѣсня.

Комната, въ которой я спалъ съ соловьями, выходила окнами въ старый плодovitый садъ, заросшій густымъ вишневымъ, крыжовникомъ и смородиною.

Въ хорошія ночи я спалъ въ этой комнатѣ съ открытыми окнами и въ одну такую ночь въ этой комнатѣ произошелъ бунтъ, имѣвшій весьма печальныя послѣдствія.

Одинъ соловей проснулся, ударился о зеленый, коленкорый подбой кѣтки и затѣмъ началъ пенство метаться. За однимъ поднялись всѣ и начался бунтъ. Дѣдъ былъ въ ужасѣ.

— Ему приснилось, что онь на волѣ и онь умретъ отъ этого, — говорилъ дѣдъ, указывая на кѣтку начавшаго бунтъ соловья.

Птицы нещадно металась и къ утру три изъ нихъ были

мертвы. Я смотрѣлъ, какъ окопывалъ соловей, которому приснилось, что онъ можетъ летѣть куда ему хочется. Онъ не могъ держаться на жердочкѣ и его круглые черные глазки безпрестанно закрывались, но онъ будилъ самъ себя и до послѣдняго зѣвка дергалъ ослабѣвшими крыльями.

У красивой, сильной львицы, сидящей въ Jardin des plantes въ Парижѣ, раннею весною прошлаго года родился львенокъ. Я не знаю, какъ его взяли отъ матери, но я его увидѣлъ первый разъ, должно быть, такъ въ концѣ февраля; онъ тогда лежалъ на крылечкѣ большой галлерей и грѣлся. Это была красивая граціозная крошка и передъ нею стояла куча всякаго народа и особенно женщинъ. Львенокъ былъ привязанъ только на тоненькой цѣпочкѣ и, катаясь по крылечку, обтиралъ свою мордочку бархатною лапкою, за которую его тормозили хорошенькія лапочки парижскихъ львицъ въ лайковыхъ перчаткахъ.

Это было запрещено и это всѣмъ очень нравилось.

Одна маленькая ручка очень надоѣла львенку, и онъ тряхнулъ головенкою, издалъ короткій звукъ, на который тотчасъ же раздался страшный ревъ.

Въ ту же минуту нѣсколько служителей бросились къ наружной части галлерей и заставили отдѣленіе львицы широкими чернымъ досками, а сзади въ этомъ отдѣленіи слышались скрипъ и стукъ желѣзной кочерги по желѣзнымъ полосамъ. Вскорѣ неистовый ревъ смѣнило тихое, глухое рычаніе.

Я дождался, пока снова отняли доски отъ кѣтки львицы. Львица казалась спокойною. Прижавшись въ заднемъ углу, она лежала, пригнувъ голову къ лапамъ; она только вздыхала и, не двигаясь ни однимъ членомъ, тревожно бросала во всѣ стороны взоры, исполненные въ одно и то же время и гордости, и отчаянія.

Львенка увели съ крыльца, и толпа, напутствуемая энергическими замѣчаніями служителей, разошлась. Передъ галлереей проходить служитель въ синей курткѣ и робеспьеровскомъ колпакѣ изъ краснаго сукна.

Этотъ человекъ, по виду, не былъ такъ сердитъ, какъ его товарищи, и я подошелъ къ нему.

— Monsieur,—спросилъ я:—сдѣлайте милость, скажите, что это сдѣлалось съ львицей?

— Tiens?—отвѣчала французъ:—elle rêve qu'elle est libre.

Я еще подошелъ къ клѣткѣ и долго смотрѣлъ сквозь же- лѣзныя полосы въ страшныя глаза львицы. Она хотѣла за- щитить свое дитя и, понявъ, что это для нея невозможно она была велика въ своемъ грозномъ молчаніи.

Егоръ Николаевичъ Бахаревъ теперь какъ-то напоми- налъ собою всѣхъ: и мать, проводившую сына въ рекруты, и кошку, возвращающуюся послѣ полска утопленныхъ ко- тятъ, и соловья, вспомнившего о минувшихъ дняхъ корот- каго счастья, и львицу, смрившуюся въ желѣзной клѣткѣ.

Возвратясь домой, онъ все молчалъ. До самаго вечера онъ ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова.

— Чтѣ съ тобою, Егоръ Николаевичъ?—спрашивала его Ольга Сергѣевна.

Онъ только махалъ рукою. Не грозно махалъ, а какъ-то такъ, что, молъ, «силъ моихъ нѣтъ,—отвяжитесь отъ меня, ради Создателя».

Въ сумерки онъ прилегъ на диванѣ въ гостиной и за- дремалъ.

— Тестъ! — командовала по заднимъ комнатамъ Абра- мовна.—Успокоился баринъ, не шумите.

Баринъ, точно, чуть не успокоился. Когда Ольга Сер- гѣевна пришла со свѣчою, чтобы побудить его къ чаю, онъ лежалъ съ открытыми глазами, давалъ знакъ одною рукою и лепеталъ какой-то совершенно непонятный вздоръ запле- тающимся языкомъ.

Въ домѣ начался адъ. Людей разослали за докторами. Ольга Сергѣевна то выла, то обмирала, то цѣловала муж- нины руки, согрѣвая ихъ своимъ дыханіемъ. Остальные всѣ заурядъ потеряли головы и суетились. По дому только слы- шалось: «барина въ гостиной параличъ ударилъ», «пере- ставляется баринъ».

Каждый посланецъ нашелъ по доктору, и черезъ часъ Егора Николаевича, выдержавшаго лошадиное кровопуска- ніе, отнесли въ его спальню.

Къ полуночи одинъ докторъ заѣхалъ еще разъ навѣстить больного; посмотрѣлъ на часы, пощупалъ пульсъ, велѣлъ аккуратно перемѣнять компрессы на голову и уѣхалъ.

Старикъ тяжело дышалъ и не смотрѣлъ глазами.

Съ Ольгой Сергѣевной въ гостиной поминутно дѣлались дурноты; ее оттирали одеколономъ и давали нюхать спиртъ.

Софи ходила скорыми шагами и ломала руки.

Къ тремъ часамъ Бахареву не было лучше, ни крошечки лучше.

Абрамовна вышла изъ его комнаты съ бѣлымъ салатникомъ, въ которомъ растаялъ весь ледъ, приготовленный для компрессовъ. Возвращаясь съ новымъ льдомъ черезъ гостиную, она подошла къ столу и задула догоравшую свѣчу. Свѣтъ былъ здѣсь не нуженъ. Онъ только могъ мѣшать крѣпкому сну Ольги Сергѣевны и Софи, приютившихся въ теплыхъ уголкахъ мягкаго плюшеваго дивана.

Абрамовна опять усѣлась у изголовья больного и опять принялась за свою фельдшерскую работу.

Старческая кожа была не довольно чутка къ температурнымъ измѣненіямъ. Абрамовна положила одинъ очень холодный компрессъ, отъ котораго больной поморщился и, открывъ глаза, остановилъ ихъ на старухѣ.

— Что, батюшка?—прошептала съ ласковымъ участіемъ Абрамовна.

Больной только тяжело дышалъ.

— Трудно тебѣ? — спросила она, продолжая глядѣть въ тѣ же глаза, черезъ полчаса.

Старикъ кивнулъ головою: дескать «трудно».

— Гдѣ она?—пролетѣлъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, однако, такъ невнятно, что ничего нельзя было разобрать.

— Что, батюшка, говоришь?—спросила Абрамовна.

— Гдѣ она? — съ большимъ напряженіемъ и разстановкою произнесъ явственнѣе Бахаревъ.

— Кто, родной мой? О комъ ты спрашиваешь?

— О Лизѣ, — съ тѣмъ же усиленіемъ и разстановкою выговорилъ Егоръ Николаевичъ.

Старуха хотѣла отмолчаться и стала выжимать смоченный компрессъ.

— Она умерла?—устремивъ глаза, спрашивалъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, батюшка, Христосъ Царь небесный съ нею, она жива. Уѣхала. Вы, батюшка, успокойтесь: она вернется. Не тревожь себя, родной, понапрасну.

— У-ѣ-х-а-л...—опять совсѣмъ уже невнятно прошептала больноі.

Онъ какъ будто впалъ въ забытѣе; но черезъ четверть часа опять широко раскрылъ глаза и скоро-скоро, какъ бы боясь, что ему не будетъ время высказать свое слово, залепеталъ:

— Я полковникъ: я старикъ, я израненный старикъ. Меня всё знаютъ... мои ордена... мои раны... она дочь моя... Гдѣ она? Гдѣ о-н-а?—произнесъ онъ, туфли до совершенной певнягности. — О-д-н-а!.. р-а-з-в-р-а-т-ь... Разбойники! не обижайте меня; отдайте мнѣ мою дочь,—выговорилъ онъ вдругъ съ усиленіемъ, но довольно твердо, и заплакалъ.

Сѣрый свѣтъ зарождающагося утра заглянулъ изъ-за спущенныхъ шторъ въ комнату больного, но былъ еще слишкомъ слабъ и робокъ для того, чтобы сконфузить мигавшую подъ зеленымъ абажуромъ свѣчу. Бахаревъ снова лежалъ спокойно, а Абрамовна, опершись рукою о кресло, тихо, усыпляющимъ тономъ, ворчала ему:

— Иная, батюшка, и при отцѣ съ матерью живетъ, да ведетъ себя такъ, что за стыдъ головушка гинеть. а другая и сама по себѣ, да чиста и передъ людьми, и передъ Господомъ. На это взирать нечего. Къ чистому поганое не пристанетъ.

— Ты поѣзжай.—прошептала старикъ

Старуха промолчала.

— Возь-ми де-негъ и поѣзжай,—повторялъ больной.

— Хорошо, сударь, поѣду.

— Дда, поѣзжай... а куда?

Старуха зачесала головной платокъ.

— К-у-д-а?—повторилъ больной.

Старуха пожала плечами и пошла потушить свѣчу. Тяжелая ночь прошла и наступило еще болѣе тяжелое утро.

Недавно публика любовалась картинкою, помѣщенной въ одномъ изъ остроумныхъ сатирическихъ изданій. Рисунокъ изображалъ отца, у котораго дочь *ушла*. Отецъ былъ изображенъ на этомъ рисункѣ съ ослиными ушами.

Мы сомнѣваемся, что художникъ самъ видѣлъ когда-нибудь отца, у котораго *ушла* дочь. Художественная правда не позволила бы заглушить себя гражданской тенденціи и заставила бы его, кромѣ ослиныхъ ушей, увидеть и отцовское сердце.

2.

Во флигелѣ Гловацкихъ ничего нельзя было узнать. Комнаты были ярко освѣщены и набиты различными гостями; подъ окнами стояла и мерзла толпа мѣщанъ и мѣщанокъ, кабинетъ Петра Лукича вовсе исчезъ изъ дома, а къ дѣв-

ственной кровати Женни была смѣло и твердо приставлена другая кровать.

Полтора часа назадъ Женни перевѣнчали съ Николаемъ Степановичемъ Вязмитиновымъ, занявшимъ должность штатнаго смотрителя, вмѣсто Петра Лукича, который выслужилъ полный пенсіонъ и получилъ отставку.

Сегодня въ четыре часа послѣ обѣда Петръ Лукичъ отправилъ въ домъ покойной жены свой ветхій гардеробъ и книги. Сегодня же онъ проведетъ первую ночь внѣ училищнаго флигеля, уступая новому смотрителю, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и свою радость, свою красавицу Женни.

Между гостями, наполняющими флигель уѣзднаго училища, мы прежде всѣхъ узнаемъ Петра Лукича. Онъ постарѣлъ еще болѣе, голова его совсѣмъ бѣла, и длинная фигура нѣсколько горбится; онъ и веселъ, и озабоченъ, и задумчивъ. Потомъ на почетномъ мѣстѣ сидитъ посаженный отецъ жениха, нашъ давній знакомый Алексѣй Павловичъ Зарницынъ. Онъ пополнѣлъ, и въ лицѣ его много важности и самоувѣренности. Онъ ораторствуетъ и заставляетъ всѣхъ себя слушать. Къ нему часто подходитъ и благопрістойно его ласкаетъ немолодая, но еще очень красивая и изящная дама. Это Катерина Ивановна, бывшая вдова Кожухова (нынѣ madame Зарницына), владѣтельница богатаго села Коробина. Она одѣта по-бальному, роскошно и нѣсколько молодо; но этотъ нарядъ никому не бросается въ глаза. Онъ даже заставляетъ всѣхъ чувствовать, что хотя сама невѣста здѣсь, безъ сомнѣнія, есть самая красивая женщина, но и эта барыня совсѣмъ не вздоръ въ нашъ вѣкъ болѣзненный и хилый. Катерина Ивановна здѣсь едва ли не самое видное лицо: она всѣмъ распоряжается и на всемъ лежитъ ея инициатива. Благодаря ей, ширь великолѣнень и роскошень. Петръ Лукичъ самъ не знаетъ, откуда у него что берется. Саренко, въ высочайшемъ жабо, тоже здѣсь съ своею Лурлеей и съ половиной въ желтой шали. Онъ сочиняетъ приличныя, по его мнѣнію, настоящему торжеству пошлости и, разглаживая по головѣ свой хвостъ, ищетъ случая ихъ позамѣтнѣе высказать новобрачной парѣ.

О новобрачной парѣ говорятъ разное. Женни утомлена и задумчива. Мужчины находятъ ее красавицей, женщины говорятъ, что она тонируетъ. Изъ дамъ ласковѣе всѣхъ къ ней madame Зарницына, и Женни это чувствуетъ, но она,

дѣйствительно, черезчуръ разсѣяна, ей припоминается и Лиза, и лицо, отсутствіе котораго здѣсь въ настоящую минуту очень замѣтно. Женни думаетъ объ умершей матери.

Вязмитиновъ нехорошъ. Ему не идетъ бѣлый галстукъ съ бѣлымъ жилетомъ. Вырѣзаясь изъ чернаго фрака, они непріятно отгѣняютъ гладко выбритое лицо и дѣлаютъ Вязмитниова какъ будто совсѣмъ безъ груди. Онъ сосредоточенъ и часто моргаетъ.

Вообще онъ всегда былъ несравненно лучше, чѣмъ сегодня.

Въ кучкахъ гостей мужчины толкуютъ, что Вязмитинову будетъ трудно съ женою на этомъ мѣстѣ; что Алексѣй Павловичъ Зарницынъ пристроился гораздо умнѣе, и что Катерина Ивановна не въ эти выборы, такъ въ другіе непрестанно выведетъ его въ предводители.

— А тутъ что? — добавляли къ этимъ разсужденіямъ. — Любовь! Любовь, батюшка, — морковь: полежить и завянетъ.

— Она прेमилая дѣвушка! — замѣчали дѣвицы.

— Что, сударыня, милая! — возражала жена Саренки. — Съ лица-то не воду пить, а жизнь пережить — не поле перейти.

Изъ постороннихъ людей не злоязычили втихомолку только Зарницынъ съ женою. Первому было некогда, да онъ и не былъ злымъ человекомъ, а жена его не имѣла никакихъ основаній въ чемъ бы то ни было завидовать Женни, и искренно желала ей добра въ ея скромной долѣ.

Самое преданное Женни женское сердце не входило въ пиришественные попоп. Это сердце билось въ груди сестры Θεоктисты.

Еще при первомъ слухѣ о помолвкѣ Женни, мать Агнія запретила Петру Лукичу готовить что бы то ни было къ свадебному наряду дочери.

— Оставь это, батюшка, мнѣ. Я хочу вмѣсто матери сама все приготовить для Геши, и ты не въ правѣ мнѣ въ этомъ препятствовать.

Петръ Лукичъ и не препятствовалъ.

Вечеромъ, подъ самый день свадьбы, изъ губернскаго города пріѣхала сестра Θεоктиста съ длиннымъ ящичкомъ, до крайности стѣснявшимъ ее на монастырскихъ саняхъ.

Въ ящикѣ, который привезла сестра Θεоктиста, было дѣловое приданое. Тутъ лежалъ великолѣпный подвѣсочный уборъ: платье, дѣвичья фата, гирлянда и даже бѣлые атласные ботинки. Далѣе, здѣсь были четыре атласные розовые

чехла на подушки съ нынѣшними оборками, два великолѣпно выстеганные атласныя одѣяла, вышитая кофта, ночной чепецъ, маленькія женскія туфли, вышитыя золотомъ по масаковому бархату, и мужскія туфли, вышитыя золотомъ по черной замцѣ, коверъ подъ ноги и синій атласный халатъ на мягкой тафтяной подкладкѣ, тоже съ вышивками и съ шнурками. Игуменья по-матерински справила къ вѣнцу Женни. Даже между двухъ образовъ, которыми благословили новобрачныхъ, стоялъ оригинальный образъ св. Іуліаніи, княжны Ольшанской. Образъ этотъ былъ въ дорогой золотой ризѣ, не кованой, но шитой, съ нѣсколькими яхонтами и изумрудами. А на фіолетовомъ бархатѣ, покрывавшемъ заднюю часть доски, золотомъ же было вышито: «Симъ образомъ св. дѣвственницы, княжны Іуліаніи, благословила на бракъ Евгенію Петровну Вязмитинову настоятельница Введенскаго Богородицкаго дѣвичьяго монастыря смиренная шюккия Агнія».

Въ брачный вечеръ Женни всѣ эти вещи были распределены по мѣстамъ, и Оеоктиста, похаживая по спальнѣ, то оправляла оборки подушекъ, то осматривала кофту, то передвигала мужскія и женскія туфли новобрачныхъ.

Въ два часа ночи Катерина Ивановна Зарницына вошла въ эту спальню и открыла одѣяла кровати. Вслѣдъ затѣмъ она вышла и ввела сюда за руку Женни.

Въ домѣ уже никого не было постороннихъ.

Послѣдній, крестясь и перхая, вышелъ Петръ Лукичъ. Теперь и онъ былъ здѣсь лишній.

Катерина Ивановна и Оеоктиста раздѣли молодую и накинули на нее бѣлый пеньюаръ, вышитый собственными руками игуменьи.

Оеоктиста надѣла на ноги Женни туфли.

Женни дрожала и безмолвно исполняла все, что ей говорили.

Облаченная во все бѣлое, она, отъ усталости и волненія, робко присѣла на край кровати.

— Помолитесь Заступницѣ,—шепнула ей Оеоктиста.

Женни стала на колѣни и перекрестилась.

Свѣчи погасли и осталась одна лампада передъ образами.

— Молитесь Ей, да испошлетъ Она вамъ бракъ честенъ и соблюдетъ ложе ваше нескверно,—опять учила Оеоктиста, стоя въ своей черной рясѣ надъ бѣлою фигурою Женни.

Женни молилась.

Изъ бывшего кабинета Гловацкаго, Катерина Ивановна ввела за руку Вязмитинова въ синий атласный халатъ.

Осокиста нагнулась къ головѣ Женни, поцѣловала ее въ темя и вышла.

Женни еще жарче молилась.

Катерина Ивановна тоже вышла и сѣла съ Θεоктистой въ свою карету.

Дальше мы не имѣемъ права оставаться въ этой комнатѣ.

3.

Поднимаемъ третью завѣсу.

Слуга взнесъ за Бертольди и Лизою ихъ вещи въ третій этажъ, получилъ плату для кучера и вышелъ.

Лиза осмотрѣлась въ маленькой комнаткѣ, съ довольно грязною обстановкою.

Здѣсь былъ пружинный диванъ, два кресла, четыре стула, комодъ и полнилая драпировка, за которою стояла женская кровать и разбитый по всѣмъ пазамъ умывальный столикъ.

Лакей подаль спрошенный у него Бертольди чай, повѣсилъ за драпировку чистое полотенце, чего-то поглазѣлъ на прѣхавшихъ барышень, спросилъ ихъ паспорта и вышелъ.

Лиза какъ вошла — сѣла на диванъ и не трогалась съ мѣста. Эта обстановка была для нея совершенно нова: она еще никогда не находилась въ подобномъ положеніи.

Бертольди налила двѣ чашки чаю и подала одну Лизѣ, а другую выпила сама и непосредственно затѣмъ налила другую.

— Пейте, Бахарева, — сказала она, показывая на чашку.

— Я выпью, — отвѣчала Лиза.

— Что вы повѣсили носъ?

— Нѣтъ, я ничего, — отвѣчала Лиза и, вставши, подошла къ окну.

Улица была ярко освѣщена газомъ, по тротуарамъ мелькали прохожіе, по серединѣ неслись большіе и маленькіе экипажи.

Допивъ свой чай, Бертольди взялась за бурнусъ и сказала:

— Ну, вы сидите тутъ, а я отправлюсь, разыщу кого-нибудь изъ нашихъ и сейчасъ буду назадъ.

— Пожалуйста, поскорѣе возвращайтесь, — проговорила Лиза.

— Вы бонтесь?

— Нѣтъ... а такъ, неприятно здѣсь одной.

— Романтичка!

— Это вовсе не романтизмъ, а кто знаетъ, какіе тутъ люди.

— Что жъ они вамъ могутъ сдѣлать? Вы тогда закричите.

— Очень пріятно кричать.

— Да это въ такомъ случаѣ, если бы что случилось.

— Нѣтъ, лучше пусть ничего не случается, а вы возвращайтесь-ка поскорѣе. Тутъ есть въ двери ключъ?

— Непремѣнно.

— Вы посмотрите, запираетъ ли онъ?

— Запираетъ, разумѣется.

— Ну, попробуйте.

Бертольди повернула въ замкъ ключъ, произнесла: «фактъ», и вышла за двери.

Лиза встала и заперлась.

Инстинктивно она выпила остывшую чашку чаю и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Комната была длиною въ двѣнадцать шаговъ.

Долго ходила Лиза.

На улицѣ движеніе становилось замѣтно тише, прошелъ часъ, другой и третій: Бертольди не возвращалась.

Кто-то постучалъ въ двери.

Лиза остановилась.

Стукъ повторился.

— Что здѣсь нужно?—спросила Лиза черезъ двери.

— Приборъ.

— Какой приборъ?

— Чайный приборъ принять.

— Это можно послѣ; я не отопру теперь, — отвѣтила Лиза и снова стала ходить взадъ и впередъ.

Прошло еще два часа.

«Гдѣ бы это запропала Бертольди?» — подумала Лиза, зѣвнувъ и остановясь противъ дивана.

Она очень устала и ей хотѣлось спать, но она постояла, взглянула на часы и сѣла.

Быль третій часъ ночи.

Теперь только Лиза замѣтила, что этотъ часъ въ здѣшнемъ мѣстѣ не считается позднимъ.

За боковыми дверями съ обѣихъ сторонъ ея комнаты шла

оживленная бесѣда и по коридору безпрестанно слышались то тяжелые мужскіе шаги, то чокающій, пріятный стук женскихъ каблучковъ и раздражающій шорохъ платьевъ.

Лиза до сихъ поръ какъ-то не замѣчала этого, ожидая Бертольди; но теперь, потерявъ надежду на ея возвращеніе, она стала прислушиваться.

— Это какіе жь порядки? — говорилъ за лѣвою дверью пьяный бась.

— Какіе порядки! — презрительно отзывалась столь же пьяная мужская фистула.

— Теперь опять же хучь-ба, скажемъ такъ, гробовщики, — начиналъ бась: — что съ меня, что типерь съ гробовщика одна подать, потому въ одномъ расчисленіи. Что я, значить, что гробовщикъ, все это въ одномъ званіи: я столарь, и онъ столарь. Ну, порядки жь это? Какъ типерь кто можетъ нашу работу супроть гробовщиковъ равнять. Наше дѣло, ты вотъ хоть столь, — это я такъ къ примѣру говорю, будемъ располагать къ примѣру, что вотъ этотъ столь взялся я представить. Что же теперь должонъ я съ нимъ сдѣлать? Должонъ я его теперь сперва-наперво сейчасъ въ лучшемъ видѣ отдѣлать, потомъ должонъ его сполнировать, должонъ въ него замокъ врѣзать, или рѣзбу тамъ какую сейчасъ приставить...

— Что говорить! — взвизгнула фистула. — Выпейте-ка, Петръ Семеновичъ.

Слышно, что выпили, и бась, хрустя зубами, опять начинаеть:

— А гробовщикъ теперь что? Гробовщика мебель тлѣнная. Онъ посуду покупаетъ оптомъ, а тутъ цвяшки, да бляшки, да и сто рублей. Это что? Это порядки называются?

— Что говорить, — отрицаетъ фистула.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю: это порядки или нѣтъ?

— Какіе порядки!

— Съ гробовщиковъ-то и съ столарей одну подать брать порядки это?

— Какъ можно!

— А-а! Поняли теперь. Нашъ братъ, будь я бѣлодервной, будь я краснодервной, все я должонъ работу въ своемъ видѣ сдѣлать, а гробовщикъ мастеръ тлѣнный. Вѣрно я говорю или нѣтъ?

— Выпьете, Петръ Семеновичъ.

— Нѣтъ, вы прежде объясните мнѣ, какъ вѣрно я говорю или нѣтъ? Или неправильно я рассуждаю? А! Ну, какое вы объ этомъ имѣете расположеніе? Пущай вы и пріѣзжій человѣкъ, а я вотъ на вашу совѣсть пуцаюсь. Вѣдь вы хоть и пріѣзжій, а все же, вѣдь, вы можете же какое-нибудь рассужденіе имѣть.

За другую дверь, справа, шель разговоръ въ другомъ родѣ.

— Простить, — сквозь свистъ и сапъ гнусилъ сильно пьяный мужчина.

— Нѣтъ, Барановъ, не говори ты этого, — возражалъ довольно молодой, но тоже не совсѣмъ трезвый женскій голосъ. — Нашей сестрѣ никогда, Барановъ, прощенья не будетъ.

— Врешь, будетъ.

— Нѣтъ, и не говори этого, Барановъ.

— А впрочемъ, чортъ васъ возьми совсѣмъ.

— Да не говори этого, — продолжала, не разслушавъ, женщина.

Послышался храпъ.

— Барановъ! — позвала женщина.

— М-мъ?

— Можно еще графинчикъ?

— Чортъ съ тобою, пей.

Женщина отворила дверь въ коридоръ и велѣла подать еще графинчикъ водочки.

Въ концѣ коридора стукнула дверь и по полу зазвенѣла кавалерійская сабля.

— Номеръ! — громко крикнулъ голосъ.

Лакей побѣжалъ и заговорилъ что-то на ходу.

— Какая такая пріѣзжая? — спросилъ голосъ.

— Ей-Богу-съ, пріѣзжая.

— Покажи намъ ее!

— Нѣтъ-съ, ей-Богу-съ, настоящая пріѣзжая, и паспортъ вонъ у меня на шкапѣ лежитъ.

— Врешь.

— Нѣтъ, ей-Богу-съ: вотъ посмотрите.

Лиза слышала, какъ развернули ея институтскій дипломъ и прочитали вслухъ: «дочь полковника Егора Николаевича

Бахарева, дѣвица Елизавета Николаевна Бахарева, семнадцати лѣтъ».

— Одна?—спросилъ голосъ тише.

— Теперь одна-съ,—отвѣчала лакей.

— А съ кѣмъ пріѣхала?

— Тоже, должно съ подругою, да та уѣхала куда-то съ вечера.

— Ты завтра за ней помастери.

— Слушаю-съ.

— Ну, а теперь чортъ съ тобою, давай хоть тотъ номеръ.

Мимо Лизиныхъ дверей прошли сапоги въ шпорахъ, сапоги безъ шпоръ и шумливое шелковое платье.

У Лизы голова ходила ходуномъ.

— Гдѣ я? Боже мой! Гдѣ я? Куда насъ привезли!—спрашивала она сама себя, боясь шевельнуться на диванѣ.

А свѣчка уже совсѣмъ догорала.

— Такъ вотъ ты, Барановъ, и сообрази, — говорилъ гораздо тише совсѣмъ оныянѣвшій женскій голосъ.—Что жъ она, Жанетка, только, вѣдь, что французинка называется, а что она противъ меня? Тьфу, вотъ что она. Гдѣ жъ теперь, Барановъ, правда!

— Нѣтъ, вы теперь объясните мнѣ: согласны вы, чтобы гробовщики жили на одномъ правилѣ съ столярами?—приставала басъ съ другой стороны Лизиной комнаты. — Согласны,—такъ, такъ и скажите. А я на это ни въ жизнь, ни за что не согласенъ. Я самъ доступлю къ князю Суворову и къ министру, и скажу такъ и такъ и извольте это дѣло разсудить, потому какъ ваша на все это есть воля. Какъ вамъ угодно, такъ это дѣло и разсудите, но только моего на это согласія никакого нѣтъ.

Огарокъ догорѣлъ и потухъ, оставивъ Лизу въ совершенной темнотѣ. Нѣсколько минутъ все было тихо, но вдругъ одна дверь съ шумомъ распахнулась настежь, кто-то вылетѣлъ въ коридоръ и упалъ, тронувшись головою о Лизину дверь.

Лиза вскочила и бросилась къ окну, но дверь устояла на замкѣ и петляхъ.

Въ коридорѣ сдѣлался шумъ. Отворилось еще нѣсколько дверей. Лакей помогать подниматься человѣку, упавшему къ Лизиной комнатѣ.

Потомъ зашелестѣло шелковое платье и женскій голосъ сталъ кого-то успокоивать.

— Нѣтъ, это не шутка,—возражалъ плачевнымъ тономъ упавшій. — Онъ, если шутитъ, такъ онъ долженъ говорить, что онъ это шутя дѣлаетъ, а не бить прямо въ-серьезъ.

— Душенька штатскій, ну, полноте, ну, помиритесь, ну, что вамъ изъ-за этого обижаться,—уговаривало шелковое платье.

— Нѣтъ, я не обижаюсь, а только я послѣ этого не хочу съ нимъ быть въ компаніи, если онъ дерется, — отвѣчала душенька штатскій.—Согласитесь, это не всякому же можетъ быть пріятно, — добавилъ онъ, и рѣшительно отправился къ выходу.

Шелковое платье вернулось въ номеръ, шелкнуло за собою ключомъ, и все утихло.

Трепещущая Лиза, ни жива, ни мертва, стояла, прислонясь къ холодному окну.

Уличные фонари погасли и по комнатѣ засѣрѣлось.

Лиза еще подождала съ полчаса и дернула за сальную советку.

Вошелъ заспанный коридорный въ одномъ бѣльѣ.

Лиза попросила себѣ самоваръ.

Черезъ часъ явился чайный приборъ, но самовара все-таки не было.

Видъ растерзаннаго лакея, въ одномъ бѣльѣ, окончательно вывелъ Лизу изъ терпѣнія.

Она мысленно рѣшила не пить чаю, а уйти куда-нибудь отсюда, хоть походить по улицѣ.

Въ этихъ соображеніяхъ, она попросила дать ей адресъ гостиницы и тихо опустила въ уголъ дивана.

Усталость и молодость брали свое. Лизу клонилъ сонъ.

Чтобы не заснуть, она взяла выброшенную Бертольдн изъ сака книжку. Это было Моешотово «Ученіе о пищѣ».

Лиза стала читать, ожидая, пока ей дадутъ адресъ, безъ котораго она, не зная города, боялась выйти на улицу.

«Ничто не подавляетъ до такой степени наши духовныя силы, какъ голодъ. Отъ голода голова и сердце пустѣють. И хотя потребность въ пищѣ поразительно уменьшается при напряженной духовной дѣятельности, тѣмъ не менѣе ничего нѣтъ вреднѣе голода для спокойнаго мышленія. Поэтому голодный во сто разъ сильнѣе чувствуетъ всякую не-

справедливость и, стало-быть, не прихоть породила идею о правѣ каждаго на трудъ и хлѣбъ. Мудрость и любовь требуютъ обсудить всякій взглядъ, но мы считаемъ себя обязанными неотразимую убѣдительность фактовъ противопоставить той жестокой мысли, по которой право человѣческое становится въ зависимость отъ милости человѣческой.»

— Нельзя, нельзя мечтать, какъ Помада... — шепчетъ Лиза, откидывая отъ себя книгу. — Миѣ здѣсь холодно, я теперь *одна*, на всю жизнь одна, но Богъ съ ними, со всѣми. Чтò въ ихъ теплотѣ! Они вертятся около своего вѣчнаго солнца, а миѣ не нужно этого солнца. Тяжело миѣ, и пусть...

Лиза взяла маленькій англійскій волюмчикъ «The poetical works of Longfellow», и прочла:

«Въ моей груди нѣтъ иного свѣта и, кромѣ холоднаго свѣта звѣздъ, я ввѣряю первую стражу ночи красной планетѣ Марсу.

«Звѣзда непобѣдимой воли, она восходитъ въ моей груди: ясная, тихая и полная рѣшимости, спокойная и самообладающая.

«И ты также, кто бы ни былъ ты, читающій эту короткую пѣсню, если одна за другой уходятъ твои надежды, будь полонъ рѣшимости и спокоенъ.

«Не пугайся этого ничтожнаго міра, и ты скоро узнаешь, какое высокое наслажденіе страдать и быть крѣпкимъ духомъ».

Лиза опять взяла Молешота, но онъ уже не читался, и видѣла Лиза сквозь опущенныя вѣки, какъ по свалившемся на полъ «Ученію о пиццѣ» шевелилась какая-то знакомая группа. Тутъ были: няня, Женни, Розановъ и вдругъ мартовская ночь, а не комната съ сальной обстановкой. Въ небѣ поютъ жаворонки, Розановъ говорить, что

Есть сила благодатная
Въ созвучьѣ словъ живыхъ.

Потомъ Райнеръ. Гдѣ онъ? Онъ долженъ быть здѣсь... Отецъ клянеть... Образъ падаетъ изъ его рукъ... Какая тяжкая сцена!.. «Укоръ невѣждъ, укоръ людей...» Отецъ! отецъ!

— Бахарева! что съ вами? Чего вы рыдаете во снѣ,— спрашиваетъ Лизу знакомый голосъ.

Она подняла утомленную головку.

Въ комнатѣ свѣтло. Передъ ней Бертольди развязываетъ шляпку, на полу «Ученіе о пиццѣ», у двери двое незнакомыхъ людей снимаютъ свои пальто, на столѣ потухшій самоваръ и карточка.

— Ревакинъ и Прорвичъ, — произнесла Бертольди, торжественно показывая на высокаго, рыжаго, угреватаго господина и его замурзаннаго черненькаго товарища.

Заспавшаяся Лиза ничего не могла сообразить въ одно мгновеніе. Она закрыла рукою глаза и, открывъ ихъ снова, случайно прежде всего прочла на лежащей у самовара карточкѣ: Въ С.-Петербургѣ, по Караванной улицѣ, № 7, гостиница для пріѣзжающихъ съ номерами «Италія».

Прорвичъ и Ревакинъ протянули Лизѣ свои руки.

Оглавленіе

Х ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга вторая: Въ Москвѣ.

	СТР.
VIII. Люди древняго письма	5
IX. Два гриба въ одинъ борщъ	18
X. Бахаревы въ Москвѣ	23
XI. Разворошенный муравейникъ	38
XII. Que femme veut, Dieu le veux	42
XIII. Delirium tremens	52
XIV. Московскіе мизерабли	54
XV. Генераль Стрелетовъ	59
XVI. Измѣна	69
XVII и XVIII	72
XIX. Различныя послѣдствія тяжелаго дня	75
XX. Скоропостыжная дама	86
XXI. Дѣвица Бертольди	96
XXII. Независимая пора	100
XXIII. Старый другъ	111
XXIV. Самая маленькая главка	117
XXV. Новыя наслоенія въ обществѣ, и кое-что новое въ романѣ	120
XXVI. Разрывъ	136
XXVII. Осення Liebesfieber	145
XXVIII. Не знаешь гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь	157
XXIX. Послѣдняя сцена изъ пятаго акта семейной драмы	170
XXX. Ночь въ Москвѣ, ночь надъ рѣкой Саванкой и ночь въ «Италіи»	179

